

A photograph of two young girls with long, wavy blonde hair, wearing dark dresses with white lace collars. They stand in a dimly lit room with a large window in the background showing a snowy or overcast outdoor scene. The lighting is dramatic, with a warm glow from a candle in the bottom right corner.

Александра Донцова

**Дом, в котором горит
свечка**

Александра Донцова

Дом, в котором горит свечка

<https://litres.ru/74036429>

SelfPub; 2026

Аннотация

Десять лет назад Ника и Лика Орловы, две светловолосые сестры, похожие друг на друга, как две капли воды, стали не просто свидетелями трагедии — они стали её заложницами. С того дня их преследует леденящий душу призрак прошлого, обитающий в старом доме, где на подоконнике всегда горит восковая свеча. Говорят, эту свечку зажигает душа некогда умершей женщины...

Повзрослев и устав бояться, близнецы Лика и Ника решаются на отчаянный шаг: вернуться в проклятое место, чтобы взглянуть в глаза страху, что терзает их сны. Но реальность страшнее воспоминаний. В доме, где прошлое никогда не умирает, сёстрам предстоит встретиться с призраком, который не принадлежит к миру мёртвых. Он здесь, он ждал их всё это время — и он не намерен отпускать, ибо он охраняет свою собственную тайну...

Тайну дома, в котором всегда горит свечка...

Мистический детектив о том, как страх, оставленный без ответа, обретает плоть и кровь, а самые страшные тайны мы всегда носим в себе.

Александра Донцова

Дом, в котором горит свечка

Пролог.

Все дома хранят свои тайны. В каждом живёт призрак прошлого. Призрак, который однажды был человеком.

Стоит ли переступить порог, где половицы помнят шаги, которых никто не слышал, а резная паутина на люстрах сплетена не из нитей, а из седых волос? Дом молчит, но молчание его тяжелее крика. Оно стекает по стенам, покрытым слоем многолетней пыли, которая дышит, вздымаясь и опадая в такт чьему-то забытому сну. Внутри — воздух. Он похож на застоявшуюся воду: вязкий, холодный, с привкусом тлена и давно увядших хризантем.

Что если, ступив в этот склеп под видом жилища, ты вдруг ощутишь, как время поворачивает вспять? Зеркала не отражают комнату, но помнят чьи-то лица, которых больше нет. Тени сворачиваются у ног, даже когда свет не проникает сквозь заколоченные ставни. И в какой-то момент на лестнице, ведущей в никуда, или в углу, где плесень складыва-

ется в узоры, ты увидишь нечто. Нечто, что не должно существовать. Тёплый след на кухонном столе, цветок, распустившийся в затхлой темноте, или фигуру, что стоит к тебе спиной, хотя все зеркала давно треснули. Здравый смысл закричит и захлебнётся собственной слабостью, потому что в этом доме правят другие законы. Законы тех, кто когда-то не успел уйти. И теперь ждут. Ждут живого свидетеля, чтобы рассказать или забрать с собой.

Но всегда найдутся те, чьё любопытство не имеет границ. Люди, чьё любопытство тяжелее страха, чей пульс не сбивается, а напротив начинает бить чаще и слаще при одной мысли о запретном плоде. Или другие — уставшие бежать от собственных теней, решившие, что пришло время посмотреть в лицо тому, что когда-то заставило их сжаться в комок. Они подходят к крыльцу не крадучись, а с вызовом, будто каждый шаг вперёд становится пощёчиной прошлому. Сомнения отметаются одним движением: нервным выдохом, короткой усмешкой над собственной глупостью. И вот рука уже толкает старую дверь. Внутри дома до этого время текло размеренно, пыль оседала в одном и том же порядке, тени знали свои углы, а призрак совершал свой вековой обход по протоптанной колее. Но скрип двери врезается в эту тишину, как нож в застывший жир.

И мир внутри вздрагивает. Воздух, который не знал сквоз-

няков десятилетие, вдруг сворачивается в вихрь, поднимая с пола сухие лепестки и обрывки писем. Прежнее течение жизни, этой странной, призрачной жизни дома, нарушается. Ступая на истлевший ковёр, смельчак оставляет следы, которых здесь никогда не было. И где-то в глубине коридора раздаётся звук: то ли вздох, то ли тихое «наконец-то», потому что самое страшное для такого дома не вторжение, а забвение. И тот, кто переступил порог, пусть даже из глупого упрямства, уже стал частью его новой, беспокойной истории.

На сей раз старый полузаброшенный дом не слишком-то радостно приветствует двух юных девушек. Двух сестёр, похожих друг на друга, как две капли воды. Дом встречает их не скрипом половиц и не хлопком двери — он встречает их тишиной, которая имеет вкус. Горький, как полынь, и сладковатый, как тление старого дерева. Сёстры переступают порог почти одновременно, и в тот же миг реальность даёт трещину. Воздух становится плотным, как вода, в которой тонут звуки: собственные шаги кажутся чужими, а дыхание — вдохом кого-то, кто стоял здесь до них.

Дом дурманит их, насылая воспоминания, которых у них не было. Картинки всплывают из пыльного полумрака. Сёстры моргают, и видение исчезает, оставляя под веками ожог.

Ещё эта свеча, которая, как будто невзначай, вспыхнула

на подоконнике. Кто зажѐг эту свечу?

Мир перестаѐт быть послушным. Дом играет с их сходством, как с зеркальным лабиринтом, множит, подменяет, заставляет видеть друг в друге отражение того призрака, что так и не покинул эти стены. И где-то на грани забытой боли, почти неразличимой среди пыльных кружев и осыпавшейся штукатурки, они теряют себя ровно настолько, чтобы уже не вспомнить, кто из них вошёл первой.

И тут они вновь видят её. Ту, что сторела заживо на их глазах. Ту, что предпочла забвение обычной жизни. Ту, что выбрала именно их в качестве свидетелей последних минут её жизни.

...Она возникает не из воздуха и не из тени, она просто вырастает в дверном проѐме, как будто стояла там всегда, просто моргнуть было достаточно, чтобы пропустить момент её появления. Силуэт, сотканный из пепла и памяти, держится вертикально там, где человеческому телу уже не устоять. Платье висит на ней лохмотьями обугленной паутины, и сквозь прорехи видно не тело, а пустоту, в которой тлеют красные угли.

Но лицо... Лицо узнаваемо. Обожжѐнное, стянутое, с провалившимся носом и спекшимися губами, но глаза... Эти

безумные, смеющиеся глаза, которые смотрели на них из огня, остались прежними. Живыми. И они смотрят сейчас прямо на сестёр, не мигая, не моргая, впиваясь в зрачки девочек, как раскалённые иглы. Запах ударяет первым — отвратительный, сладковато-горький смрад горелой плоти, смешанный с химической вонью тлеющего тряпья и карамельным привкусом расплавленного жира. Сёстры слышат его так отчётливо, будто сами стоят у открытой печи крематория. Желудок выворачивает, но вырвать не получается — горло перехватывает судорогой, и вместо крика рождается лишь беззвучный спазм.

А потом крик всё-таки прорывается. Сразу из двух ртов — один звук, разделённый надвое, как и всё в их жизни. Крик этот не похож на человеческий: в нём есть визг рвущегося металла, плач потерянного ребёнка и хрип умирающего зверя. Тысячи ледяных игл вонзаются в тела девушек одновременно: в спины, в затылки, в ладони. Это не боль, это холод такой силы, что кости начинают звенеть, как тонкие бокалы на краю пропасти.

Призрак делает шаг. Один. Под её ногой, там, где ступня должна коснуться пола, вспыхивает на секунду синеватое пламя и тут же гаснет, оставляя на половине чёрную прожилку. Сёстры пятятся, врезаясь спинами в стену, но стена оказывается мягкой и влажной, как живая плоть. Дом сжи-

мается вокруг них, выталкивая навстречу той, что сгорела, но не исчезла.

— Вы помните? — шелестит голос, исходящий не из обгоревшего рта, а прямо из головы девушек. — Вы помните меня?

Она улыбается. Там, где должны быть губы, расходятся чёрные трещины, и из них сыпется пепел. Мир погружается во тьму. Исчезает абсолютно всё. Остаётся лишь свечка, что мерно горит на подоконнике.

Глава 1.

Кабинет психиатра Макарова утопал в благоговейной тишине. Отдалённый от жужжащего улья одной из лучших частных клиник города Москвы, этот дивный островок спокойствия располагал к особым размышлениям. Высокие ровные стены, на которых красовались информационные плакаты и редкие детские фотографии, не сдавливали тяжестью и не нависали безликими громадами. В правом углу возле окна притаился компактный кожаный диван чёрного цвета. На одном из подлокотников в неуклюжих позах замерли немногочисленные мягкие игрушки, словно штрих, снимающий налет всякой официальности. Ни намека на стерильность больничных коридоров или строгость кабинета терапевта в районной поликлинике. Воздух здесь, казалось,

был гуще и насыщеннее, чем в коридоре. В нём угадывались лёгкие, едва уловимые ноты лаванды, которые мягко обволакивали, приглашая глубоко вдохнуть и наконец – то выдохнуть. Огромное окно, облицованное плотными шторами цвета горького шоколада, с некоторым укором воззрилось на шкаф с папками и книгами, что находился у входа в кабинет. Окно это выходило в тихий сквер, и взгляд, уставший от внутренних переживаний, мог наконец – то, в случае крайней необходимости, зацепится за кроны зеленых деревьев. На покато подоконнике, устремившись тяжёлыми гроздьями соцветий вниз, дремами орхидеи. Их экзотическая красота, как может показаться искушенному эстету, являла собой лишь молчаливое напоминание о хрупкости и несовершенстве мира, в котором нам всем приходится жить.

Стол врача был массивным и тяжёлым. На нём, будто чужеродный элемент из эпохи цифрового хаоса, возвышался огромный монитор, а широкая клавиатура и мышь выглядели почти вызывающе на фоне умиротворяющей обстановки, напоминая непрошенных гостей на званом ужине. За столом, в кресле с высокой спинкой, сидел доктор Макаров. Он был одет в безупречно отглаженный темно-синий костюм и светло-серую рубашку. Его заострённое лицо, обрамленное короткой, аккуратно подстриженной сединой, было спокойным и сосредоточенным и издали напоминало застывшую маску древнего философа. Большие голубые глаза, притаившиеся под сводом густых седых бровей, напоминали две да-

лёкие звезды, молчаливо хранящие тайны мироздания. Доктор Макаров не выглядел как стереотипный психиатр. Он скорее напоминал успешного бизнесмена или высокопоставленного чиновника. Но в его глазах, таких глубоких и пронизательных, читалась та самая эмпатия, которая необходима врачу, работающему с человеческой душой.

Напротив доктора Макарова в мягком кожаном кресле вполоборота сидел молодой мужчина в рубашке цвета хаки и в темно-коричневых брюках. Он внимательно разглядывал шкаф с книгами. Его светло - зелёные глаза медленно скользили по полкам, словно искали что-то, что могло бы привлечь его внимание. Однако, несмотря на желание сфокусироваться на чём - то конкретном, сделать это было отнюдь не просто. Мысли в голове у мужчины путались в сумбурном хороводе предположений. Зачем доктор Макаров позвал его? Его телефонный звонок был столь неожиданным, что в пору и растеряться можно. Мужчина в рубашке цвета хаки перевёл взгляд на врача. Тот, не отрывая глаз от монитора, продолжал изучать нечто, как полагалось, весьма важное, не торопясь посвящать в детали своего гостя.

В таком состоянии оба мужчины просидели минут десять. Молчание затягивалось. Ощущение невесомости гармонии, царившее до сего момента в кабинете, постепенно улетучивалось. Доктор Макаров, по-прежнему буравя взглядом монитор, хмурил брови и беспокойно поджимал губы. Он явно подыскивал нужные слова, чтобы начать беседу, но они слов-

но ускользали, прячась где-то в глубинах его сознания. Его гость тоже заметно нервничал. Он даже немного подвинулся на край кресла, будто бы готовый в любой момент вскочить и убежать. Его пальцы теребили край рубашки, а взгляд метался между доктором и окном, за которым медленно проплывали облака.

Наконец Доктор Макаров поднял глаза, его взгляд встретился с беспокойным взглядом гостя. В этих глазах читалось нечто большее, чем просто нервозность – там была смесь страха, надежды и, одновременно, отчаяния.

- Ты, наверное, задаёшься вопросом, зачем я позвал тебя в свой душный кабинет в столь дивный летний день? Не так ли, Лёша? - голос доктора Макарова был ровным и в то же время мелодичным.

Молодой мужчина едва заметно усмехнулся. Пару секунд спустя в уголки глаз набежали морщинки, а на лице заиграла довольная улыбка:

- Не буду скрывать, мне безумно интересно. Ваш телефонный звонок чрезвычайно заинтриговал меня. Однако, я прямо-таки теряюсь в догадках! Что же конкретно вы хотите от меня, Михаил Викторович? Ведь я не припомню ни одного случая, чтобы вы меня звали на встречу просто так!

- А ты остаёшься всё тем же проникательным молодым человеком, Алексей! Это не может не радовать! Знаешь, у меня тут возникла проблема, и я пришёл к выводу, что мне так может понадобится твоя помощь! - мягко проговорил

доктор Макаров, слегка наклонив голову вправо.

Тонкие губы молодого человека, которого звали Алексей, снова растянулись довольно улыбке.

- Я всегда к вашим услугам! - радушно развёл руками Алексей.

- Тогда я попрошу тебя подвинуться чуть ближе к моему столу, чтобы тебе было лучше видно. Сейчас я разверну монитор в твою сторону.

Алексей без лишних слов выполнил просьбу доктора Макарова.

- Я хочу тебе показать коротенький фрагмент видео одного из моих сеансов. Естественно, запись велась с разрешения клиента. Я хочу, чтобы ты внимательно понаблюдал за ходом беседы. Я имею честь общаться с Вероникой и Анжеликой. Они - монозиготные близнецы, похожие друг на друга, как две капли воды.

Михаил Викторович сдержанно улыбнулся и продолжил:

- Десять лет назад в их жизни произошло одно очень травмирующее событие, следствием которого были годы терапии и работы с психиатром. Однако, недавно, как утверждают сами девушки, случилось еще кое- что. Думаю, тебе будет понятнее, если ты увидишь всё собственными глазами.

- Я готов! - спокойно произнёс Алексей. Доктор Макаров развернул к нему монитор и нажал кнопку воспроизведения видео.

На экране возникли две симпатичные молодые особы.

Они действительно были похожи друг на друга. И если бы не блузки разного цвета, то можно было с уверенностью утверждать, что перед доктором Макаровым сидят два идентичных клона.

- Девочки! То, что вы рассказали, звучит невероятно. Однако, поймите меня правильно. Я не из числа тех, кто преисполнен скепсиса в отношении паранормального, но к подобным заявлениям я подхожу с долей осторожности! Как ни крути, я – адепт научной картины мира! - голос Михаила Викторовича, находившегося по ту сторону камеры, звучал будто бы издалека. – Сомнения в области сверхестественного - это не про отсутствие веры, а про активную познавательную позицию, требующую честности перед неопровержимыми фактами. В некоторых случаях легче принять реальность чуда, чем признать ненадежность собственного сознания. Я доходчиво объясняю?

Юные девушки одновременно кивнули головами.

- Замечательно! – заключил доктор Макаров. – Сейчас я не хочу сойти за Фому Неверующего, но я всё - таки должен спросить: не подвергаешь ли ты сомнению то, что видела? Я адресую этот вопрос тебе, Ника!

- Не подвергаю! - ответила девушка, которая сидела по правую руку от доктора. - Такое сложно выдумать! Я уверена, что мои глаза не обманули меня.

- А как насчёт тебя, Лика? - теперь в тоне доктора слышалось небольшое напряжение.

Девушка, что сидела по левую сторону, выпрямила спину и высоко задрала острый, красиво очерченный подбородок, заметно опрокинув голову назад.

- Я ничего не выдумываю! - звонкий, как колокольчик, голос раздался в тишине кабинета. – Я и моя сестра видели призрака человека, который умер десять лет назад на наших глазах.

- И как же повел себя этот призрак? – спросил Михаил Викторович.

- Он... Эта женщина... Я хотела сказать, этот призрак воспламенился точно так же, как и десять лет назад. Вы понимаете? – осторожно задала вопрос та, которую звали Лика.

- Прошу прощения, но я не совсем понимаю, о чем идет речь!

- Когда мы были маленькими, наша соседка облила бензином и подожгла себя у нас на глазах! И мы понятия не имеем, зачем она так сделала! И почему она выбрала именно нас в качестве зрителей этого безумного феаейр –шоу. – пояснила Лика. Лицо ее сестры в этот момент исказилось гримасой ужаса.

- Я сочувствую вам, девочки! – тихо проговорил доктор Макаров. – Мне очень жаль, что на вашу долю выпало подобное.

- Нам тоже! – Лика бросила на психиатра осторожный взгляд.

- Да! Мы понимаем, что в это сложно поверить, но все

было так, как мы описали. Так же, как и в тот ужасный день!
– голос девушки по имени Ника задрожал.

- А кто –нибудь ещё, кроме вас, видел этого призрака?

- Наверное! – пожала плечами Лика. – Люди поговаривают, что бывшая хозяйка дома каждый вечер зажигает свечку. Эту свечку видно с улицы.

- Призрак мертвой женщины зажинает свечку? – с некоторой настойчивостью переспросил Михаил Викторович.

- Да, так говорят! – почти одновременно произнесли девочки.

- И вы видели, как призрак зажег свечку на ваших глазах?

- Нет! – поспешила с ответом Ника. – Свечка вспыхнула у нас на глазах!

- Чрезвычайно интересно! – задумчиво протянул психиатр. – Получается, вы обе одновременно наблюдали это явление?

- Разумеется! – подтвердила Ника. – Знаете, это было так странно и...

Она не договорила.

- И завораживающе! – закончила её мысль сестра.

- Скажите, а вам раньше случалось видеть призраков других людей?

- Нет! – хором ответили девочки.

- Никогда?

- Никогда! – подтвердили обе сестры.

- Позвольте узнать, зачем вам понадобилось заходить в

этот дом?

- Хотели убедиться, что мы намного сильнее своих прежних страхов! – тихо проговорила Ника.

- Но страхи оказались сильнее нас... - чуть громче произнесла ее сестра.

Задумывались ли вы когда-нибудь, что человек может знать о мире? Мир – это безбрежный океан, полный тайн, где каждый из нас лишь крохотная лодка, отправленная в плавание с хрупким компасом разума. Знание – это ветер в наших парусах, подталкивающий нас вперед, но и он, как и природа, может быть переменчив и обманчив. Взгляд любого человека на мир напоминает грань бриллианта, что отражает свет истины под своим углом. Наши чувства – это кисти, рисующие картину реальности. Однако, стоит помнить, что палитра оттенков порой ограничена, а восприятие этих самых оттенков субъективно. Мы видим вещи не такими, какие они есть на самом деле, а такими, какие мы, зачастую, хотим их видеть.

Человек, не стремящийся к познанию окружающего мира, подобен островитянину - отшельнику, чьи познания о море ограничены кромкой прибоя. Он видит линию горизонта, слышит блеск волн, догоняющих друг друга, но глубина океана, его загадки и сокровища остаются для него неведомы. Ищущий же, напротив, превращается в отважного мореплавателя, который покидает тихую гавань привычного и

устоявшегося. Его паруса наполняются ветром любознательности, а компас разума указывает путь сквозь штормы сомнений и рифы предрассудков. Такой человек отправляется в путешествие не ради наживы, а ради сладости самого открытия, ради того, чтобы коснуться горизонта, где сходятся небо познания и море неведомого. И вы, пожалуй, согласитесь, что стремление к знанию является тем самым маяком, что ведёт нас сквозь тьму невежества. Разве пытливый ум, подобно светлячку в ночи, не способен осветить хотя бы малую толику скрытых истин? Мир раскрывается перед нами постепенно, словно бутон волшебного цветка, и каждое новое знание – это ещё один лепесток, делающий красоту целого более явственной. И даже если мы не можем объять необъятное, даже если наш опыт подобен микроскопической песчинке на берегу океана, сам процесс познания, сам поиск истины, – вот что делает нас людьми, стремящимися к звёздам. И подобно тому, как капля точит камень, так и новые знания постепенно формируют картину мира, придают ей глубину и объём. Человек начинает видеть взаимосвязи между явлениями, понимать причины и следствия, ощущать себя частью чего-то большего, чем просто отдельный индивид. И тогда мир перестаёт быть хаотичным набором фактов и превращается в захватывающее путешествие, полное открытий и возможностей.

Начало любого пути всегда сопряжено с трудностями, особенно когда явственно ощущается недостаток данных.

Отсутствие конкретной информации окутывает перспективы, делая их зыбкими и непредсказуемыми. Перед лицом неизвестности человек теряется, а порой вовсе впадает в отчаяние. И поэтому, для человека разумного важна поддержка. Свежий взгляд со стороны помогает подметить то, что ускользает от уставших глаз. Именно поэтому человек и обращается за помощью. Внешний наблюдатель – это не простой свидетель, а компас, указывающий верное направление к гавани самосознания. В багровом сумраке разума, где раздутое человеческое эго плетет коварные кружева, свежий взгляд подобен утренней росе, смывающей паутину иллюзий. Он дарует силу увидеть картину целиком, расширить горизонты и отринуть оковы привычного.

Когда речь заходит о мистике, люди склонны выстраивать самые невероятные теории вокруг таинственного и непознанного. Разум, находясь в плену предубеждений, плетет сложные сети домыслов, пытаясь уловить хоть отблеск правды в бесконечной неизвестности. Но не всё так просто, как хотелось бы. Роль мистики в человеческой культуре не стоит принижать, ведь это не просто суеверие или наивный страх перед неведомым, а глубокая потребность человеческой души в стремлении вырваться за пределы материального, ощутить связь с чем-то большим, чем мы сами. И всё же, магическая картина мира не даёт должной опоры, а лишь множит сомнения и неуверенность в принятии решений. Словно кривое зеркало, она искажает реальность, представляя её

в причудливых, гротескных формах. Она подобна сновидению, где законы логики и разума рушатся под натиском подсознательных страхов и желаний. В этом лабиринте иллюзий легко заблудиться, потерять ориентиры и стать жертвой собственных фантазий. Ситуации, где выявляется нечто спорное и неоднозначное, автоматически попадают в категорию сложных. А сложность – это своеобразный вызов самому себе. Однако, в объятиях сложности таится секрет прогресса, формула эволюции, ключ к новым горизонтам. Не стоит бежать от неё, как от чумы. Стоит остановиться и здраво оценить ситуацию.

Такому совету последовал и Михаил Викторович. И для того, чтобы здраво оценить положение вещей, психиатр Макаров и позвал своего давнего знакомого.

Продемонстрировав Алексею короткий фрагмент видео, доктор Макаров поведал своему гостю историю целиком. Затем он долго молчал, мерно постукивая по столу авторучкой. Звук был монотонным, почти гипнотическим, но Алексей его почти не слышал. Он отрешённо смотрел в окно, пытаясь переварить только что полученную информацию. История про двух сестёр, которые якобы столкнулись с призраком, вызвала в нём бурю эмоций, сотканных из противоречий. Он и сам не ожидал, что за рассказом Михаила Викторовича последует столь необычная реакция.

Алексей давным-давно уже не верил в призраков. Тем более, он подвергал сомнению существование призраков, яв-

ляющихся в определённое время и в определённом месте. Что-то в этой истории не клеилось. Где-то очевидно был подвох. Его мысли были подобны стайке испуганных птиц, мечущихся в тесной клетке. Одна мысль, едва успев сформироваться, тут же исчезала, уступая место другой, еще более неясной. Он пытался сосредоточиться, но мозг отказался сотрудничать. Внутри у него зашевелилось какое-то неприятное беспокойство. Природу этого беспокойства он никак не мог разъяснить для самого себя. Как будто в спокойной воде появился крошечный, но настойчивый водоворот, нарушающий ее гладь.

С доктором Макаровым они обменялись парой дежурных фраз. Михаил Викторович отметил, что "показания" Лики и Ники, изложенные с такой ясностью и детализацией, дополняли друг друга. Не было никаких явных несостыковок, никаких противоречий в их словах. Они описывали одни и те же события, одни и те же действия, одни и те же детали. Доктор Макаров за долгие годы практики привык к тому, что детские показания часто бывают путаными, непоследовательными, окрашенными эмоциями и фантазиями. Но в этот раз все было иначе.

- Что ты вообще думаешь об этом? - наконец прямо спросил Михаил Викторович.

Алексей задумчиво покачал головой:

- Коллективные галлюцинации? Фантомная память?

- Признаюсь, я тоже об этом думал! - доктор Макаров

наконец перестал стучать по столу и отложил авторучку в сторону. - Предыдущий травматический опыт мог сыграть с этими двумя юными особыми злую шутку.

- А действительно ли имел место предыдущий травматический опыт? - спросил Алексей.

- В этом нет никаких сомнений. История Татьяны Веселовой, женщины, которая подожгла себя на глазах двух маленьких девочек, тогда облетела практически всю Московскую область. Также мы не будем отрицать большого количества свидетелей, помимо Лики и Ники. К тому же, девочки очень долго наблюдались у разного рода специалистов, в том числе и у психиатра. Ника страдала от посттравматических галлюцинаций и какое-то время не разговаривала вовсе. У Лики подобных симптомов расстройства не было, но это вовсе не означает, что она в меньшей степени переживала.

- Что ж, не повезло девочкам! - заключил Алексей. - Но как насчёт административного правонарушения? Ведь они сознательно проникли на территорию частной собственности. Это была часть плана и, как я понял, они не сочли нужным посоветоваться с кем-либо.

-Проникновение на частную собственность, конечно же, имело место быть. Об этом факте в полицию сообщила соседка ныне покойной Татьяна Веселовой. И только позже она узнала их. Ведь десять лет назад они приезжали в гости к бабушке в Зеленково. Бабушка Лики и Ники по материнской линии, кстати, умерла через 5 лет после происшествия.

Её дом продали. Соседка Веселовой никак не могла предположить, что девочки вернутся в Зеленково спустя столько лет. Она вызвала полицию, как только увидела их входящих в дом. Служителям правопорядка она заявила, что некто покушался на имущество в доме ее покойной соседки.

- Судя по рассказу девочек, в доме они пробыли около полчаса, - спокойно произнёс Алексей.

- Совершенно верно! Мы не будем забывать, что девочки несовершеннолетние. В виду выяснения обстоятельств, ограничились штрафом и предупреждением. Если бы Лика и Ника не попались, то эта история вряд ли бы получила такой резонанс. А так девочкам пришлось признаться, в том числе и в своих мотивах посещения того самого дома.

- Да, всё это чрезвычайно интересно! - задумчиво проговорила Алексей. - И пока, честно сказать, я не могу прийти ни к какому выводу.

- И я тоже! - заметил Михаил Викторович. - Сейчас у меня путаница в голове. Одна вереница версий сменяет другую. Ты спросишь, верю ли я в существование призраков?

Алексей едва заметно улыбнулся:

- Думаю, что нет!

- Не могу на сто процентов дать утвердительный ответ! – сдержанно произнёс Михаил Викторович. – Но боюсь, что призраки к данной истории не имеют никакого отношения. Мы имеем дело с процессами в психике и ментальными репрезентациями эмоций двух очень похожих людей. Все эти

мифы вокруг однояйцевых близнецов всегда будоражили воображение людей. Как видишь, и я не стал исключением. Феномен однояйцевых близнецов меня чрезвычайно интригует. И всё же, мы должны принимать во внимание очень тесную кровную связь между девочками и механизмами их взаимодействия.

- Вы намекаете на то, что они врут?

Михаил Викторович отрицательно покачал головой:

- В этом нам и предстоит разобраться. Я очень рассчитываю на твою помощь. Хочу отметить, что для данного конкретного случая чрезвычайно важны детали. Сейчас детали рассыпаются перед нами как фрагменты пазла. Их нужно собрать воедино и тщательно проанализировать. Я в силу своего почтенного возраста опасаясь, что могу упустить нечто важное, поэтому спешу задействовать тебя.

- Михаил Викторович, вы же знаете, что я не против сложных задач! - рассмеялся Алексей. Луч солнца коснулся его лица, подсвечивая россыпь веснушек. Алексей вдруг ощутил небывалый прилив сил. Вот он – момент истины. Момент, когда его знания и опыт могут пригодиться. И Алексей был готов. Готов использовать каждую крупицу своего интеллекта, каждую каплю своей решимости, чтобы помочь тем, кто нуждался в его помощи. И он был готов идти по этому пути до конца, куда бы он его ни привел.

Пару минут доктор Макаров молчал, сосредоточено изучая воодушевленное лицо своего молодого друга. Затем он

прервал молчание.

- Но я должен тебе кое в чём признаться! - Михаил Викторович глубоко выдохнул и слегка наклонил голову направо. - Дело в том, что я, сам того от себя не ожидая, в ходе личной беседы скользь упомянул, что мои клиенты стали свидетелями паранормальной активности. Этот случай очень заинтересовал одного человека. Он не психиатр, а частный сыщик. Максим Андреевич Ярков. Быть может, ты слышал о таком?

- Не увлекаюсь криминалистикой! - покачал головой Алексей. - У меня были знакомые следственном отделе, но связь с ними давно прервана.

- Что ж, такое бывает! - поджал губы Михаил Викторович и развёл руками. - Однако, вернёмся к моей оплошности. Знаю, я не должен был этого делать, но прошлое уже не изменить. Я не в полной мере удовлетворен результатом беседы с детективом!

- Почему же?

Михаил Викторович отвёл взгляд сторону, пытаясь сосредоточиться на конкретных словах и фразах, которые он собирался произнести.

- Лёша, я хочу, чтобы ты понял меня правильно. Прежде, чем я изложу тебе суть проблемы, пообещай мне, ты не будешь предвзят в суждениях. Максим Андреевич - человек увлечённый, но набор его личностных характеристик и совокупность жизненного опыта не совсем обычны для следователя.

Михаил Викторович вновь обратил свой взор на Алексея, тот выглядел крайне взволнованным и заинтригованным. Его правая рука скользила по подбородку, поросшему трёхдневной щетиной, а пальцы левой руки ритмично постукивали по левому бедру. Доктор Макаров был уверен, что в голове его собеседника уже зароились сомнения в адекватности происходящего. Но раз уж он начал, то нужно идти до конца. Конечно, Алексей не из тех людей, кто прямолинеен без всякой надобности и, если выразиться точнее, открытости и нерешительности ему не занимать.

- Хорошо, я не буду спешить с выводами! - заверил психиатра Смолков. - И всё же, в чём дело?

- Следователь Ярков большой поклонник мистики и сверхъестественного. Как только он услышал, что девочки видели призрака, он тут же проявил недюжий интерес к этому делу и даже предложил девочкам пройти проверку на полиграфе, чтобы, далее цитирую его дословно, "косвенно подтвердить правоту их утверждений".

Брови Алексея медленно поползли вверх. Он негромко прочистил горло и, вымеряя каждое слово, медленно произнёс:

- Я так полагаю, что девочки отказались от проверки, ибо уверен, что их родители были абсолютно против этой затеи.

- Нет, Лёша. Девочки прошли проверку. Более того, они сами настаивали на этом вопреки просьбам родителей. Инициативу проявила Лика, ссылаясь на тот факт, что им совер-

шенно нечего скрывать.

Алексей провёл согнутым указательным пальцем правой руки по лбу снизу вверх и растерянно улыбнулся.

- Я.. - начал было он, но Михаил Викторович прервал его плавным движением кисти левой руки.

- Могу лишь только догадываться, что ты сейчас обо мне думаешь, Леша! - его голос стал на полтона ниже, и как показалось Алексею, в нём прибавилось холода и надменности, не свойственной доктору Макарову. - Я и сам понимаю, что как профессионал, со стороны выгляжу глупо. Я не должен был приобщать к этому делу третье лицо, но мне жутко хотелось добраться до истины. Ярков заверил меня, что подойдёт к проверке ответственно, поскольку он тоже был заинтересован в результате.

- В том-то и дело, что его заинтересованность в этом вопросе могла напрямую повлиять на результат проверки! - тихо проговорил Алексей.

- Да! - согласился доктор Макаров. - И скажу тебе честно, об этом я сразу и не подумал. Но результаты проверки на полиграфе ещё раз подтвердили тот факт, что девочки видели призрака.

- Михаил Викторович, а этот Ярков сам проводил проверку или приглашал стороннего человека?

- Я думаю, ты знаешь ответ на свой вопрос! - доктор Макаров снова наклонил голову вправо. - Максим Андреевич заявил, что не раз составлял контрольные вопросы и наблю-

дал за проходящими проверку на предприятиях и в частных учреждениях. Я, возможно, забыл упомянуть, что в данный период времени он специализируется на супружеских изменах и кражах материальных ценностей.

Алексея изрядно повеселила эта информация. Заметив его реакцию, доктор Макаров, вскинув брови, произнёс:

- Мы же вроде договорились, что не будем делать поспешных выводов...

- Да, простите! - вновь не сдержавшись, усмехнулся Алексей. - Вся эта ситуация... Ну, вы сами понимаете. Она немного абсурдная.

- Согласен! Но что сделано, то сделано. Если бы я бы мог повернуть время вспять, я бы даже не стал затеваться. Но при всей убеждённости господина Яркова в существовании потусторонних сил, обмануть полиграф не так-то просто. Результаты обеих сестёр были практически идентичными. Это меня и смущает. Я допускаю, что результаты проверки могут быть похожи, но вряд ли они могут быть практически одинаковыми. Полиграф измеряет реакцию организма на значимые стимулы для конкретного человека.

- Но в данном случае обе девочки проживали одно и то же событие, поэтому и степень реагирования у них одинаковая, - Алексей элегантно, насколько это позволено молодому мужчине, закинул ногу на ногу. - Другого объяснения я не нахожу. Они ведь находились в разных комнатах, когда выполнялась проверка?

- Да, девочки были в разных комнатах. Видеть реакции друг друга они не могли.

- Это любопытно! – покачал головой Алексей. – Но все же позвольте спросить, каким образом результаты проверки на полиграфе мы можем приобщить к медицинской карте? Даже в суде такие эксперименты не засчитывают за доказательства. А тут...

- В этом я с тобой согласен. Безусловно, я делаю скидку на то, как были составлены вопросы. Это играет немаловажную роль. При этом, мы ещё берём во внимание личность полиграфолога.

Доктор Макаров немного подался вперёд, будто бы заговорщик, который собрался сообщить весьма ценную информацию:

- Но я сам не присутствовал при проверке. Девочки не позволили даже родителям присутствовать на встрече. По – моему, они что-то недоговаривают или что-то скрывают от родителей. И плюс ещё эти результаты полиграфа. Честно скажу, у меня сейчас своего рода ломка мировоззрения. Я совершенно не знаю, как действовать дальше.

- Вы правы. Здесь определённо что-то не так! – осторожно заметил Алексей. - Я ни в коем случае не хочу поставить под сомнение вашу профессиональную компетенцию. Полагаю, что, посвящая в этот вопрос частного следователя, вы действовали, исходя из благих побуждений. И мне понятна

ваша растерянность. В таких ситуациях отсутствие конкретики иногда сбивают с толку.

Доктор Макаров устало откинулся на спинку свою кожного кресла. Было заметно, что ему нелегко даётся этот разговор. За столько лет практики он впервые столкнулся с подобного рода обстоятельствами и оказался отнюдь не в выигрышном свете. И всё же Михаил Викторович, несмотря на трудности, которые могли бы косвенно подпортить его профессиональную репутацию, по-прежнему искал выход из создавшегося положения.

- Я хочу, чтобы ты побеседовал лично с детективом Ярковым. Он сумел расположить девочек себе, подкинув им схожие истории из своей жизни. Всем известно, что данный трюк призван оптимизировать дальнейшее взаимодействие. С тобой же, как я полагаю, разговор будет несколько другой.

Алексей усмехнулся:

- Не переживайте, Михаил Викторович! Высмеиваю человека за его убеждения я не стану, просто постараюсь, как можно более беспристрастно посмотреть на вещи.

- Я рад, что мы понимаем друг друга. Душевное состояние сестёр Орловых меня чрезвычайно беспокоит. Я опасаясь в этом хаосе упустить какую-нибудь очень значимую деталь. Понимаешь ли, я всегда немного теряюсь, когда речь заходит о предрассудках. Как специалист, работающий с душой, я не отрицаю существование неких сил, которые до сих пор не подвластны человеку. Точнее сказать, человек до сих пор

не нашёл способов взаимодействия с этими силами. Психическое расстройство - это суровое испытание для любого. А тут речь идёт о двух хрупких девушках, которые только лишь вступают на путь познания. И в этом смысле мне хочется проявить максимальную деликатность по отношению к ним.

- Вы можете на меня положиться! - пообещал Алексей. - Мне тоже будет интересно выслушать его точку зрения.

Алексей уже было встал с кресла, чтобы покинуть кабинет психиатра. В этот момент Михаил Викторович, прикрыв нижнюю часть лица, с лукавым видом уставился на своего гостя.

- Что - то ещё? - спросил Алексей, улыбаясь доктору Макарову в ответ.

- Бывшие сослуживцы Яркова называли его кастрюлей. Когда ты увидишь его спины, ты поймёшь, о чём я говорю.

Алексей нахмурился, но тут же рассмеялся. Воссоздание изображения в голове по скудному словесному описанию всегда давалось ему с трудом, особенно если эти описания имели метафорическую или аллегорическую основу. Образное мышление тоже было его ахиллесовой пятой. Интерпретация скрытых метафор всегда приводила к неоднозначному результату и отсутствию ясности. К тому же, Алексей не всегда полагался на свою интуицию, ведь она, по большей части, зависима от эмоциональной составляющей. А это, как известно, в большинстве случаев ведёт к нерациональным и необъективным выводам. И уж лучше всё увидеть собствен-

ными глазами, чем полагаться на субъективные ощущения другого человека.

- Хорошо! - после недолгого раздумья выдал Алексей. - Скиньте мне тогда его номер телефона. Я созвонюсь с ним и договорюсь о личной встрече.

- Разумеется, Лёша! - кинул головой доктор Макаров. - И ещё раз, спасибо тебе большое.

- Я всегда готов прийти на помощь! - расплылся в добродушной улыбке Алексей.

Он покинул кабинет Михаил Викторовича, оставив последнего в раздумьях.

Знойный летний день неспешно плыл над Москвой. Беспощадное белёсое солнце повисло в зените, с любопытством уставившись на жужжащий мегаполис, который исходил разнообразными ароматами. Дорогуший женский парфюм настойчиво смешивался с запахом фастфуда, подгоняемый удушливостью раскалённого асфальта в сочетании с креозотом и старым машинным маслом. Тяжёлый горячий воздух своей непомерной массой неохотно перемещался между широкими улицами, жалобно гудящими от проезжавшего по ним транспорта. Суета оживлённого города, по которому бодро вышагивали многоликие граждане, торопящиеся кто куда, изрядно действовала на нервы. От этой снующей туда-сюда толпы хотелось скрыться в какой-нибудь глухой подворотне, где твоим собеседникам будет лишь осквернённая

непристойным граффити стена. Но и там человек вряд ли долго пробудет в одиночестве. Его застанут врасплох взявшиеся откуда ни возьмись мыслеобразы, обретшие физическую оболочку. И лучше уж находится в обществе скучных людей, чем в компании этих странных порочных существ. Что ж, это известно всем: в многомиллионном городе нет совершенно никакой возможности остаться наедине с собой. Ты всегда будешь соседствовать с кем-то, и это соседство не всегда будет приятным. И с этим следует смириться, ибо такова участь жителей гигантских человеииков.

Алексей Смолков бодро вышагивал по тротуару, по одному краю которого тянулся ряд продуктовых магазинов, а по-другому краю ползли поникшие от жары берёзы. Высокий молодой человек внимательно разглядывал прохожих. Стильные очки авиаторы умело скрывали направление его взгляда, ведь ему никак не хотелось показаться чересчур заинтересованным в ком-либо из проходящих мимо людей. Но его наблюдение за окружающими было весьма поверхностным. Оно даже несколько отвлекало его от размышлений насущных. Встреча с психиатром Макаровым взбодрила Алексея. Столько лет он ждал момента, когда он сможет быть полезным. И вот, наконец, дождался...

Так случилось, что Алексей Смолков всю свою сознательную жизнь находился в поиске. Его путь был извилист, как река, меняющая русло под натиском времени. Случалось так, что бурный поток той самой реки его уносил далеко-да-

леко от поставленной цели в пустыню, где знойное солнце выжигало всё живое. В этой пустыне свирепствовала засуха. И ни одно семя, упавшее на истосковавшуюся по дождю почву, не давало всходов. А бывало так, что движение водных масс выносило Алексея к берегам изобилия. Там было всё наполнено до краёв. Пёстрые краски и разнообразие увлекали за собой. Хотелось исследовать каждую деталь, узнать первопричину любого явления. И Алексей, как человек увлечённый, всей душой стремился к познанию. Методы, которые он применял, чтобы добраться до истины, были столь же разнообразны, сколь и его стремления. В юности его опорой были книги. Он поглощал философские трактаты, научные труды, художественную литературу, надеясь найти ответы на бесчисленные вопросы в мудрости пращуров. Иногда эти погружения приносили озарение, и он чувствовал, как расширяется его сознание, как открываются новые горизонты видения. Эти моменты были подобны глотку свежего воздуха после долгого пребывания в тесной душной комнате. Результаты его интеллектуальных поисков принимались на ура в студенческих дискуссиях, вызывали восхищение у преподавателей. Он чувствовал себя на гребне волны, уверенный, что вот он, тот самый путь к истине. Но порой те же самые методы заводили в его тупик. Алексей мог часами, днями, неделями просиживать над мудрёным текстом, пытаясь вычлениить из него зерно истины, но вместо этого лишь глубже запутывался в паутине слов и хитроспле-

тениях научных концепций. Казалось, чем больше он читает, тем меньше понимает. Эти периоды были наполнены фрустрацией и ощущением собственной уязвимости. В то время, как другие легко усваивали информацию, как их мысли текли свободно, являя миру новые формы, его собственный разум словно застыл в болоте сомнений и нерешительности абсолютно без движения.

С возрастом Алексей сухим теориям стал предпочитать практику. Блестяще окончив юридический факультет, он тут же разуверился в своих способностях стать следователем. Отрицая всякую надобность трудиться в государственных ведомствах и правоохранительных органах, Алексей принялся пробовать себя в иных сферах деятельности. Порой, поддаваясь минутным желаниям, он бросался искать своё призвание то в бизнесе, то в творчестве, то в социальной работе. Как и всех увлечённых людей, Алексея иногда подводил нравственный максимализм. Молодой человек, едва ступивший на тропу взрослой жизни, неустанно верил, что истинный смысл бытия кроется в созидании, в искреннем желании преобразовывать этот мир, изменять его в лучшую сторону. Однако, его и здесь поджидали ловушки. Бывало, что после долгих месяцев напряженного поиска и душевных терзаний, когда казалось, что результат уже в кармане, всё рушилось в одночасье. Непредвиденные обстоятельства, ошибки в расчётах, предательство партнеров – причины могли быть разными, но исход был один: тупик. Раздосадован-

ный, он снова оказывался перед пустым холстом, с ощущением, что все его усилия были напрасны. Эти неудачи были особенно болезненными, потому что они были связаны не только с интеллектуальным, но и с эмоциональным вложением. Алексей чувствовал себя обманутым, опустошенным, будто его энергия была потрачена впустую.

И всё же, Алексей не представлял своей жизни без знаний. Это было не просто увлечение, не хобби, а фундаментальная потребность, такая же естественная, как дыхание или биение сердца.

- Во всём дойти до самой сути - вот так мне хочется! - заявлял Алексей во всеуслышание. - Без знаний жизнь теряет всякий смысл!

Его ненасытность в поглощении этих самых знаний потрясала. Это было похоже на то, как голодный зверь набрасывается на пищу, только Алексей был голоден не телом, а разумом. Бывали моменты, когда эта ненасытность граничила с одержимостью. Подхваченный вихрем разнообразных теорий и гипотез, он мог забыть поесть, мог пропустить сон, полностью погрузившись в изучение новой темы. Алексей Смолков, человек знания, понимал, что мир полон тайн, и каждая из них ждёт своего исследователя. И он был готов. Чувство, что в нём есть что-то большее, чем набор качеств среднестатистического гражданина, заставляло симпатичного молодого человека искать всё новые и новые способы решения сложных задач. Неудовлетворенность, ярый зуд под

кожей, который не могли заглушить ни карьерные успехи, ни мимолетные увлечения. Он искал. Искал ответы, которые, как ему казалось, были спрятаны где-то за горизонтом обыденности. Но ответы не приходили в виде готовых формул или откровений. Всё было иначе. Они приходили в виде новых вопросов, в виде более глубокого понимания сложности мира и самого себя. Истина, как оказалось, таилась в адекватном отображении действительности в сознании человека.

Несмотря на поражение и неудачи, он продолжал свои поиски, но теперь с другим пониманием. Бесконечная гонка за конечным ответом не приносила должного удовлетворения. Алексей решил, что будет наслаждаться самим процессом исследования. Как и многие другие искатели, он не был одиноким путником. Его путь к истине, этот нескончаемый, извилистый маршрут сквозь лабиринты мыслей и убеждений, был усеян встречами. Люди, словно звёзды на бархатном полотне ночного неба, появлялись и исчезали, оставляя после себя отблески своих мировоззрений, иногда яркие и вдохновляющие, иногда тусклые и отталкивающие. На пути попадались те, кто видел мир сквозь призму строгой логики, чьи аргументы были отточены, как лезвия, и чьи умозаключения казались неоспоримыми. Эти люди говорили о фактах, о доказательствах, о неопровержимых законах природы. Алексей уважал их ясность, их стремление к порядку, но часто чувствовал, что за этой безупречной структурой скрывается нечто большее: трепет перед неизведанным, красота

парадокса и глубина интуиции.

Одним из таких людей и был доктор Макаров.

Алексей и Михаил Викторович Макаров познакомились на одной из бесплатных лекций много лет назад и тут же завладели вниманием друг друга. Такие разные, такие противоречивые и, вместе с тем, стремящиеся к бесконечному усовершенствованию, они оба чувствовали, что рамки, предложенные обществом, для них были слишком тесны, слишком предсказуемы. Особенно остро этот вопрос стоял для доктора Макарова. Своей первостепенной задачей он видел не выдачу справок и сухую констатацию очевидных вещей, а работу с эмоциями и внутренним состоянием человека. В психиатрии рамки «черного» и «белого» - это извечная борьба порядка и хаоса. Плохо, когда тебе предлагают вылечить душу, стерев все краски мира, сделав этот мир плоским, чтобы ничего не кололо, не волновало и не ранило. В случае с Михаилом Викторовичем именно интуиция, этот бессознательный синтез многолетнего опыта, теоритических знаний и чувствительности к состоянию другого человека, помогала видеть цвет там, где остальные видели лишь черно – белую графику симптомов.

У Алексея психиатрия вызывала неподдельный интерес. Его завораживала сама идея понять, как устроен человеческий разум, почему люди ведут себя именно так, а не иначе, и, главное, как можно помочь тем, кто оказался в трудной ситуации. Михаил Викторович в этом плане его просто

восхищал. Его путь начался с подросткового отделения клинической больницы, куда после интернатуры он устроился врачом. Спустя пять лет Михаил Викторович стал заведующим этого отделения. Следующие пять лет он провел в женском отделении, а позже работал в стационаре при диспансере. Этому учреждению доктор Макаров отдал более 15 лет. В прошлом году решил уйти в частную клинику — предложили достойную заработную плату. Но, конечно, он продолжал практику психиатра и вновь сосредоточился на работе с подростками. Михаила Викторовича нельзя было назвать заурядным врачом. Бесспорно, он был блестящим теоретиком: его доклады на конференциях собирали полные залы, а статьи в научных журналах становились отправной точкой для новых исследований. Но истинная его сила заключалась в другом — в огромном багаже практических знаний и практике, накопленной за десятилетия работы с самыми разными пациентами.

Психиатрия, как и любая другая наука, не стоит на месте. Если еще то лет назад основными методами лечения были изоляция, холодные ванны и лоботомия, то сегодня психиатрия представляет собой сложный синтез нейробиологии, генетики и фармакологии. Она постоянно развивается, открывая новые грани человеческой психики, предлагая новые методы лечения и переосмысливая старые. И Михаил Викторович был одним из тех, кто не просто следил за этими изменениями, но и активно участвовал в них. Он не боялся экспе-

риментировать, но его эксперименты всегда были основаны на глубоком понимании как фундаментальных принципов, так и новейших достижений. И всё же, доктор Макаров был против шаблонов. Каждый его пациент был уникальной вселенной, требующей индивидуального исследования. Он мог долго слушать, не перебивая, улавливая тончайшие нюансы в интонации, жестах, даже в молчании. Он видел не только симптомы, но и человека за ними – его боль, его страхи, его надежды. Вот и сейчас в случае с близнецами доктор Макаров узрел нечто необычное.

Ли́ка и Ни́ка. Даже имена их звучали как мелодия, как шепот ветра в листве, как тихое журчание ручья у лесной опушки. Две юные девушки, чья красота была не кричащей, а скорее завораживающей, как рассвет над спящим городом. В их глазах, цвета летнего неба угадывалась мудрость, не свойственная их юным годам. Они были словно два крыла одной птицы, два луча одного солнца, две ветви одного могучего дерева. Пять минут. Всего пять минут отделяли рождение Анжелики от рождения её сестры, Вероники. Пять минут, которые, казалось бы, не могли создать пропасти, но которые, тем не менее, стали отправной точкой для совершенно разных жизней, окутанных завесой тайны.

С детства Ли́ка и Ни́ка были объектом пристального внимания. Их одинаковая внешность, схожие черты лица, даже манера говорить – все это вызывало у окружающих смесь неподдельного восхищения и недоумения.

- До чего же они похожи друг на друга! – говорили одни.

- Конечно! Но ведь у каждой есть своя неповторимая индивидуальность, просто она еще не проявилась! – возражали другие.

Именно в этой "непроявленности" и крылась тайна, которую так любили разгадывать люди. Сколько мифов и предубеждений окутывало жизнь однойяцевых близнецов!

- Они чувствуют боль друг друга, – шептались соседки, когда одна из сестер случайно ударялась.

- Наверняка, если одна заболит, другая тут же почувствует недомогание!

Эти странные истории, подпитываемые народной молвой, создавали вокруг них ореол мистической, почти телепатической связи.

- Они всегда будут соперничать! – предрекали некоторые.

- За внимание родителей, за успех, за все на свете. Но Лика и Ника, несмотря на неизбежные детские ссоры, всегда находили способ поддержать друг друга. Их соперничество было скорее здоровой конкуренцией, нежели разрушительной борьбой.

Но десять лет назад случилось нечто жуткое. Нечто, что раз и навсегда изменило жизнь двух маленьких девочек.

Каждое лето Лика и Ника приезжали к бабушке на дачу в поселок Зеленково. Это было их любимое время года. Солнце, запах скошенной травы, спелые ягоды в огороде, бесконечные игры с соседскими ребятами – всё это создавало ат-

мосферу беззаботного счастья. Добрая и заботливая бабушка всегда встречала их объятиями и вкусными пирогами. В тот год лето было особенно жарким. Солнечные летние дни тянулись медленно, наполненные привычными загородными радостями. Как - то вечером, когда солнце неторопливо закатывалось за горизонт, окрашивая небо багровыми и золотистыми разводами, девочки играли возле огороженного участка соседки напротив, безнадежно поросшего бурьяном. Они строили шалаш из старых выцветших простыней и сухих веток плодовых деревьев, которые услужливые мальчишки постарше натаскали со своих участков для них 2 дня назад. Пустынная безлюдная улица поглощала звуки подступающей ночи. Но безмятежности не суждено было длиться вечно. Внимание девочек привлекло какое-то несуразное движение.

Татьяна Веселова, их соседка, женщина, которую девочки знали лишь по редким, негромким приветствиям, вышла из своего дома. Выглядела она встревоженной и обескураженной одновременно. В руках у нее поблескивала большая канистра. Девочки замерли, с любопытством наблюдая за каждым шагом соседки. Странная женщина с бесноватым взглядом до ужаса пугала сестёр. Лице вдруг от чего-то захотелось бежать, сломя голову, прочь от этой жуткой дамы, которая явно замышляла что-то нехорошее. Но детские ножки отказывались повиноваться настойчивым просьбам внутреннего голоса.

Внезапно послышался резкий, характерный запах. Девочки, ещё не понимая, что собой влечёт этот запах, прижались друг другу, пытаясь таким образом защититься от незримого кошмара, который с угрожающей силой надвигался на них. Татьяна Веселова снова появилась на виду. Она стояла на месте словно статуя, держа в руках канистру. Ее лицо было мертвенно бледным, а глаза казались пустыми.

И тут произошло то, что навсегда отпечаталось в памяти Лики и Ники. Татьяна Веселова, без единого слова, без какого-либо предупреждения, вылила на свою голову содержимое канистры. Запах бензина бесцеремонно ворвался в лёгкие, отравляя каждую клеточку организма. Девочки замерли на месте. Блестящая жидкость стекала по волосам, собираясь у подбородка и капая на землю, где ранней весной робко пробивались первые ростки травы. В глазах Татьяны вспыхнул недобрый, ледяной огонь.

- Я хочу, чтобы вы запомнили это! Навсегда! – едва слышно пошептала она.

В руках Татьяны мелькнул спичечный коробок. Пламя мгновенно полыхнуло. Крика не было. Только тихий рёв огня, который как голодный зверь после зимовки, пожирал свою первую жертву. Огонь танцевал вокруг неё, языки пламени лизали воздух, словно жадные змеи, обвивающиеся вокруг добычи. Это был танец самой смерти: жестокий и беспощадный. Девочки стояли, парализованные ужасом, их маленькие тела дрожали. Затем Ника истошно закричала. Она

продолжала кричать, не отводя глаз от безумной картины, запечатлевая каждую долю секунды в памяти.

Ещё одна соседка, Галина Сергеевна Рахманова, услышав шум и учуяв характерный запах, выбежала из дома. Увидев происходящее, она вскрикнула и бросилась назад в дом к телефону. Лика и Ника ещё плотнее прижались друг к другу, не в силах двинуться с места. Мир, который еще минуту назад был полон смеха и тепла, внезапно превратился в крошечный ад.

В тот вечер посёлок Зеленково погрузился в тишину, нарушаемую лишь звуками сирен и приглушенными голосами взрослых. Для Лики и Ники это было не просто страшное зрелище. Это был момент, когда детская беззаботность разбилась вдребезги, оставив после себя раны, которые, возможно, никогда не заживут...

Перед родителями Лики и Ники стояла невероятно сложная задача. После трагедии им нужно было вернуть своих дочерей в реальность. Вернуть из того кошмара, который точно росток зла укоренился в их сознании. Лика, прежде веселая и жизнерадостная, теперь сидела, сгорбившись за письменным столом. Её пустой взгляд блуждал по комнате, а тонкие длинные пальчики, когда-то ловко перебиравшие кубики и мелкие детали Лего, теперь нервно теребили подол юбки. Глаза Ники тоже были подёрнуты пеленой страха. Она почти не говорила, лишь иногда шептала обрывки фраз, которые родители не могли разобрать, но которые, как они зна-

ли, были связаны с тем, чему их дочь свидетелем в тот ужасный день. Пережитая травма, словно соляная кислота, разъедала их изнутри, а цепкие воспоминания оставляли после себя лишь выжженную почву, где некогда цвели безобидные детские мечты.

Специалисты, к которым обращались родители Лики и Ники, призывали их быть стойкими перед лицом трудностей и испытаний.

- Но вы же взрослые люди и вы должны понимать, что уничтожить память об этом событии невозможно! – твердили они с сожалением. - Это глубочайшая травма, которая навсегда оставила шрамы в душе. Наша задача – помочь им научиться жить с этим, а не стереть.

Но как научить двух семилетних девочек жить с тем, что они видели? Как объяснить им обеим, что мир не всегда такой ужасный? Родители чувствовали себя беспомощными. Каждый день был борьбой. Борьбой за улыбку на лице Лики, за слово, произнесенное Никой.

В ход шло абсолютно всё. Доведённые до глухого отчаяния, родители водили девочек в зоопарк, в цирк, на детские спектакли. Но стоило сестрёнкам увидеть что-то, хоть отдаленно напоминающее им о том дне: яркий огонь, дым, открытое пламя – как девочки снова погружались в свой кошмар. Лика начинала дрожать, а Ника застывала, как статуя, с широко раскрытыми глазами. Отец семейства, Андрей Сергеевич Орлов, наотрез отказывался принимать поражение в

любом его виде. Стараясь не поддаваться панике, он читал книги по детской психологии, искал информацию в интернете, разговаривал с другими родителями, столкнувшимися с подобными проблемами, хотя, конечно же, их ситуация была абсолютной эксклюзивной. Он не показывал своего отчаяния, но внутри него всё сжималось от боли. Его дочери угасали на глазах. Их детство, которое должно было быть пропитано смехом и беззаботностью, превращалось бесконечные аттракцион ужасов и мрака. Мать, Елена Владимировна, в силу своей женской природы, была более эмоциональна. Она, не стесняюсь, плакала ночами, обнимая спящих дочерей, шепча им слова любви и утешения. Отчасти эта несчастная женщина чувствовала себя виноватой, хотя знала, что никоим образом не могла предотвратить случившееся. Измученная горем она просто мечтала о том дне, когда сможет снова увидеть своих дочерей смеющимися, когда они будут бегать по траве, а не сидеть, прижавшись друг к другу, в углу комнаты.

С годами напряжение становилось меньше. Не то чтобы оно стремилась исчезнуть навсегда, нет. Скорее всего, эмоциональный надрыв с течением времени превратился в тихий, едва уловимый гул, который теперь сопровождал жизнь девочек, как далекий шум моря, который слышишь, если только как следует, наостришь уши. Лика и Ника постепенно адаптировались к новым реалиям. Реалиям, которые были так далеки от той, прежней, беззаботной жизни, но ко-

которые теперь стали их чуть ли не единственным ориентиром. Для себя они обе уяснили одну вещь, простую и жестокую: воспоминания рождают страх и боль. Эти воспоминания сродни осколкам, которые, если их тронуть, тут же принимались наносить жестокие раны снова и снова. И девочки, инстинктивно, во имя спасения своей психики, начали возводить вокруг себя невидимые стены.

Они перестали говорить о том, что произошло. Сначала это было неосознанно. Просто не находилось слов, чтобы описать то, что они видели, то, что они чувствовали. Потом это стало сознательным выбором. Они видели, как родители страдают, когда случайно упоминалось что-то, связанное с тем жутким днём. Видели, как бледнеет лицо мамы, а руки папы начинают дрожать. И девочки решили, что больше не будут причинять боль ни им, ни себе.

- Мы больше не думаем об этом! – говорили они, когда родители осторожно расспрашивали. Их голоса звучали ровно, без тени сомнения, в унисон. Обе они научились лгать с такой убедительностью, что даже сами верили в то, что говорили...

Почти верили. Потому что прошлое не исчезало. Оно притаилось в их снах, в их внезапных вздрагиваниях от громких звуков, в их нежелании смотреть на открытый огонь. Но девочки держались друг за друга, в полной мере осознавая важность этой поддержки, когда казалось, что мир вокруг терял привычная очертания.

И всё же время не стоит на месте. Оно не замедляет и не ускоряет ход. Возможно, это наше субъективное ощущение, и оно разное у каждого из нас. Декада пролетела неожиданно быстро. Ника и Лика, некогда хрупкие девочки, теперь стояли на пороге взрослой жизни, но прошлое не отпускало их. Особенно Нику. Детский ужас, зародившийся возле дома безумной соседки в поселке Зеленково, преследовал её год за годом, словно тень, отбрасываемая старым сухим деревом.

Именно Ника, с присущей ей решительностью, предложила эту безумную идею.

- Мы должны вернуться туда! – сказала она однажды вечером, глядя на сестру с блеском в глазах, который Лика знала слишком хорошо. - Мы должны взглянуть в глаза тому, что нас пугало. Мы не должны позволять страху взять над нами верх.

Лика, как всегда, поддержала сестру без возражений. Ее преданность Нике была непоколебима, как скала, о которую разбиваются волны. Она не задавала вопросов, не пыталась отговорить, а просто кивнула, и в её глазах отразилась та же решимость, что и в глазах Ники. Родители, погруженные в свои повседневные заботы, даже не подозревали о готовящемся приключении. Девочки молча собрали рюкзаки и взяли с собой немного еды. Полуденной электричкой они отправились Зеленково ровно в тот же день, когда произошла трагедия, чтобы на какое – то время исчезнуть из настоящей-

го и вернуться на десять лет назад...

В пути Лика и Ника практически не разговаривали. Их мысли, будто бы сговорившись, устремились к дому, где жила та самая женщина. И вот теперь, когда прошло столько времени, когда шрамы на душе почти затянулись, им предстояло вновь шагнуть во тьму. Было ли страшно? Вопрос казался излишним. Незадолго до поездки в Зеленково Ника наткнулась на странную информацию в интернете. Любители паранормального утверждали, что в том самом доме, где жила Татьяна Веселова, горела свечка. Горела и днём, и ночью. Дом, который пустовал десять лет и который никто так и не купил, вырастил свой собственный, неугасающий огонёк. Этот огонёк стал чем-то вроде маяка в море забвения, маленькой, но упрямой точкой на карте людской памяти. Он словно шептал из темноты: "Я здесь, я помню, я свидетель". Никто не знал, кто или что зажигает эту свечу. Предположение были разными: возможно, это была душа Татьяны, не нашедшая покоя, или же просто шаловливая домовая, решивший напомнить о себе миру, уставшему от равнодушия.

Слухи об этом странном явлении давным - давно расползлись по сети подобно ядовитому плющу, обвивая умы любопытствующих. Кто-то видел в этом некое мистическое послание, кто-то - банальную игру света и тени. Но для Ники это стало крючком, за который зацепилось её воображение. И Ника почувствовала непреодолимую потребность увидеть зажженную на подоконнике свечку своими глазами.

Она должна была понять, что горит ярче: свеча в заброшенном доме или её страх, разожжённый тем жутким происшествием. Лица же была уверена, что местные жители просто отпугивали непрошенных гостей. Ведь с той поры интерес к дому, к его хозяйке и к случившемуся в тот жаркий летний день, лишь возрастал. Желających поглазеть на место трагедии было, хоть отбавляй. Но никто не стремился узнать правду, все лишь хотели отхватить как можно больше острых ощущений. И возможно получали их, когда видели едва приметный оранжевый огонёк на подоконнике за тонкой тюлевой занавеской.

Так думала Лица. Однако, своё предположение она не высказала вслух. Может быть, потому, что не хотела перечесть сестре. А может быть, потому, что боялась сама. Боялась дома, боялась зажженной свечи в окне, боялась призрака прошлого, который ждёт случая вновь воспламениться на их глазах, тем самым окуная их в свою тёмную бездну.

И вот, они перед этим домом, который казался таким же живым, как и они сами.

- Мы можем уйти в любой момент! - спокойно произнесла Лица. - Никто из нас не обязан тестировать себя на прочность.

- Нет, я ни за что не уйду! - твёрдо заявила Ника. - Я устала жить в страхе.

- Она всего лишь была несчастной женщиной! - Лица осторожно тронула сестру за плечо. - Мы просто оказались

в не подходящем месте в не подходящее время. Такое могло случиться с любым.

- Но случилось именно с нами! - почти крикнула Ника. Несмотря на разгар дня, улица, на которой они некогда весело играли, была пустынна, словно кто-то бросил нейтронную бомбу. - Почему именно я должна была страдать все эти годы? Пусть она увидит, что мы не боимся более.

- Она нас не видит и не слышит! - с осторожностью в голосе произнесла Лика.

- Я в это не верю! Такие, как она, просто так не исчезают.

- Возможно! Я уже ни в чём не уверена!

- Тогда давай уже зайдем в этот чёртов дом, чтобы все сомнения отпали! - Ника тяжело дышала. Несмотря на дрожь, что сотрясала ее худенькое тело, она была полна решимости. Лика с понурым видом стояла чуть позади.

- Но ведь это проникновение на частную собственность! - тихо произнесла Лика. - Вдруг нас засекут?

- Да кому нужно охранять этот сарай! Можно подумать, там будет, что взять! - Ника с какой-то яркой дерзостью махнула рукой в сторону входной двери.

- А если мы не сможем открыть дверь? - продолжала Лика.

- Тогда уйдем.

Но они не ушли...

Входная дверь на удивление оказалась не запертой, и это несколько насторожило девочек. Быть может, всё таки стоило уйти? Но ноги сами понесли их внутрь, подчиняясь не

здоровому смыслу, а любопытству, которое на миг пересилило страх. Говорят, что наш мозг ненавидит неопределенность, ибо неопределенность создает напряжение. Неизвестность часто воспринимается как проблема, которую нужно решить. Порой любопытство – это и есть та самая сила, которая толкает нас на поиск новой информации, чтобы снять это зудящее напряжение. Страх говорит «отойди», а любопытство твердит «подойди и узнай, чтобы перестать гадать». Но вот в чем дело! Умение направлять свое любопытство в конструктивное русло и вовремя говорить «стоп»- это признак мудрости и зрелости. Однако, две семнадцатилетние девочки не ведали, что такое мудрость и уж тем более, что такое зрелость, поэтому они и продолжили делать то, что делать совершенно не стоило.

В доме пахло одиночеством, застывшим временем и забвением. Девочки обменялись вопросительными взглядами. Да, этот дом пах отсутствием жизни. Если здесь кто-то и был, то этот кто-то давно перестал быть человеком. В тёмной прихожей царил идеальный порядок ни пылинки на тумбочке для обуви, ни одного постороннего предмета на вешалке. Даже коврик у двери лежал идеально ровно. Поразительно и пугающе одновременно. Здоровому человеку, так или иначе, присущ хаос – следы действий и привычек. А здесь не было ничего, что бы отдаленно напоминало жизнь в ее привычном понимании. И все же девочки не стали сбрасывать уличную обувь, и немного потоптавшись у порога, прошли вглубь до-

ма. Их шаги звучали непривычно громко в тишине забытого богом дома.

Прямо по курсу была тесная кухня. Здесь было так же чисто и прибрано. Стол был застелен скатертью, на нём стояла ваза с искусственными цветами. Ни крошки на столешнице, ни одного пятнышка на раковине. Пахло дешёвым чистящим средством с ароматом сирени. От этого резкого, химозного запаха засвербило в носу. Лика и Ника с некоторым сожалением принялись разглядывать предметы кухонного интерьера. А что они, собственно, ожидали увидеть? Надо думать, что у одинокой небогатой женщины, коей была Татьяна Веселова, вряд ли бы нашлись роскошные сервизы и современная дорогая посуда. Вся кухонная утварь была невероятно скромной и даже в каком-то смысле убогой. Старенький, выцветший ситцевый занавес на окне, выдавший виды эмалированный чайник с облупившейся краской, стол, покрытый скатертью с рисунком ромашек, давно потерявшим свою яркость. На полке, над покосившейся раковиной, стояли несколько тарелок разного калибра и цвета, словно собранные по принципу "что нашлось".

- Да, не богато жила наша старая знакомая! - заключила Лика, проводя рукой по скатерти с ромашками.

- У меня такое ощущение, что кто-то прибрался здесь прямо перед нашим приходом! - смеясь, произнесла Ника.

- Быть может, соседка приглядывает за домом? Помнишь ту бабушку? Как же её звали?

- Галина Сергеевна!

- Точно! Галина Сергеевна! Всё ты помнишь, Ника!

Ещё немного постояв на кухне, они отправились в соседнюю комнату, что примыкала к ней. Спальня! Окна были задрнуты плотными шторами. Свет, пробивающийся сквозь ткань, был приглушенным, рассеянным, создавая атмосферу вечных сумерек. В этом полумраке, в самом углу комнаты, стояла старая железная кровать. Её каркас казался высеченным из самой темноты. На ней не было ни матраса, ни подушек – лишь голый, холодный металл, обещающий жесткое, неудобное ложе. Возле кровати, кто-то небрежно кинул еще один самотканый коврик. Его выцветшие узоры, когда-то, возможно, яркие и жизнерадостные, теперь сливались в неясные пятна, напоминая о прошедших временах и утраченных красках. Старый коврик с торчащими нитями, казалось, сам устал от своего существования. Напротив кровати возвышался громоздкий платяной шкаф. Его темное дерево, покрытое царапинами и следами времени, казалось живым существом, наблюдающим за комнатой своим молчаливым, неподвижным взглядом. Дверцы шкафа были тоже плотно закрыты. Чуть подальше виднелся трёхстворчатый трельяж.

В спальне было не так чисто, как на кухне, и это создало какой – то странный, противоречивый контраст. В душном, плохо проветриваемом помещении витала обреченность, которая тесно переплеталась с безвыходностью. Старые потер-

тые обои пестрили сальными пятнами в самых неожиданных местах. По низкому неровному потолку ползли тонкие извилистые трещины. На плинтусах за кроватью виднелся пыльный мох, словно напоминание о том, что жизнь не всегда идеальна. В углу, над платяным шкафом, одинокий паучок сплел тонкую паутинку. Если на кухне все блестело стерильной чистотой, которая настойчиво вытесняла суровую реальность из дома, подменяя ее безукоризненной симуляцией, то в неприбранной спальне обитало нечто настоящее. Но от этого настоящего не веяло уютом. Здесь пахло приторной сладостью, пылью и отчаянием.

В этой мрачной комнате девочки долго не задержались, ибо знали, что самое интересное им "оставили" напоследок. За дверью спальни была ещё одна комната. Та самая комната, в которой на облупленном подоконнике загоралась свечка. Солнечный свет проникал сквозь два окна среднего размера, завешанных посеревшим от времени тюлем, и наполнял комнату мягким, рассеянным сиянием. Несмотря на некоторую ветхость, комната казалась просторной, словно воздух здесь был более разреженным. В левом углу стоял старый деревянный стол. На столе в хаотичном порядке были разложены предметы. У двух озадаченных подростков предназначение этих предметов сразу же вызвало ряд подозрений. Мерзкий червь первобытного ужаса закопошился внутри, приводя в действие всю нервную систему.

- Господи! Что это? – спросила Ника, указывая пальцем

на диковинные вещицы.

- Понятия не имею! – спокойно ответила Лика. – Но нам это лучше не трогать. Мало ли что.

Ника крепко сжала в руке мобильный телефон. Может быть, этого и не стоило делать, но треклятое любопытство вновь одержало верх над доводами рассудка. Конечно, она разужнает об этих предметах. Спросит у кого – нибудь. Только вряд ли ей удастся описать эти вещи детально. С этим у Ники, разумеется, были некоторые проблемы. Поэтому выход оставался только один – зафиксировать все на носитель, который точно не подведет.

Движение было молниеносным. Всего лишь одно нажатие и изображение зафиксировано. Так просто и так понятно.

- Смотри сюда! – одернула Нику сестра. – Хотела бы ты жить в таком доме?

Ника, все еще погруженная в собственные размышления, беспристрастным взглядом окинула помещение. Пол в комнате был грязным и обшарпанным. В правом углу под старинной иконой, немного завалившись на бок, стояло ветхое кресло, готовое развалиться на части от одного неосторожного прикосновения. Возле кресла, будто вавилонская башня, выросла груда старых, пожелтевших от времени книг. Но самым завораживающим элементом комнаты была свечка. Молочно - белая восковая свеча вспыхнула на одном из покатых подоконников. Её пламя затрепетало, отбрасывая причудливые тени на стены. Лика и Ника подошли ближе,

их взгляды были прикованы к мерцающему огоньку.

Столько лет сёстры боялись смотреть на открытое пламя. В квартире их родителей не было свечей, только фонарики, работающие на батарейках. И то на случай, если в доме отключат электричество. Даже тусклый свет от спички, зажигающей газовую плиту, вызывал у них нервное подергивание век и дрожь в коленках. И вот теперь, в комнате, где некогда проводила время покойная Татьяна Веселова, они видели горящую свечку так близко. Их порывистое дыхание тревожило пламя свечи. Каждый вдох, каждый выдох заставлял его колыхаться, наклоняться, словно в ответ на их внутреннее смятение.

- Оно... оно такое... – прошептала Ника, не в силах закончить фразу.

- Живое, – закончила Лика, её голос был тихим, но твердым. – Но что это? Что я такое чувствую?

Запах горелой человеческой кожи вновь защекотал нос. Ника исподлобья взглянула на сестру. Та продолжала заворожённо таращиться на свечку. Но казалось, Лика тоже ощущает некое присутствие в комнате. Да, сомнений не было. Рядом с ними объявился некто посторонний, но в то же время до боли знакомый. Сердце Ники опустилась в пляс по грудной клетке. От испуга во рту пересохло. Она уже знала, что увидит, стоит ей только повернуть голову в сторону. И она, дрожа всем телом, развернулась в сторону источника своей тревоги.

- Лика! - просипела она, указывая пальцем на одинокую фигуру, внезапно возникшую в дверном проёме.

Лика, плавно крутанувшись на каблуках, ахнула от изумления.

Перед ними стояла она Татьяна Веселова, абсолютно такая же, какой она была десять лет назад. Правда, всё же кое-что в ней изменилось. Её образ был более утонченным, летящим, как песня ласкового ветра в погожий майский день. Татьяна, не мигая, смотрела на них, двух сестёр, без спросу проникших в её жилище. Они стояли у окна, словно два незваных гостя из другого мира, принесённые этим самым ветром.

- Вы! - отчаянный крик вырвался из груди Ники. Мобильный телефон с грохотом приземлился на деревянный пол. - Да как такое возможно!

Татьяна никак не отреагировала на её восклицание и продолжала стоять на месте без движения. Лика же смотрела то на сестру, то она призрака, внезапно возникшего из ниоткуда. Она и не сомневалась, что это был призрак. От хозяйки дома веяло чем-то возвышенным, потусторонним. Возможно, Татьяна и хотела их пожурить, двух хулиганок, без спроса проникших в её дом. Но разве призраки разговаривают? Разве живые люди поймут, что до них хотят донести мёртвые, если тебе всё же решатся пойти на контакт. Лика ничего об этом не знала. Да и каким образом она могла бы узнать, если до сей поры она никогда не встречала привидение...

Ли́ка так хотела остаться наедине с собственными размышлениями, но в тот момент такая возможность ей не представилась. Татьяна Веселова произнесла всего лишь одну фразу. Механизм, дремавший много лет, пришёл в действие. Ника истошно закричала. Кадры прошлого вновь пронеслись перед глазами. Та канистра бензина, пылающие волосы и одежда. И сейчас спустя 10 лет, волосы вновь вспыхнули на голове у Татьяны Веселовой, а затем запылало лицо. Можно было зажмуриться, отвернуться, но звук, этот ужасный, шипящий звук горячей плоти... От него невозможно скрыться.

Прошло десять лет. Десять кошмарных лет две юные девушки пытались забыть, убежать, похоронить тот день в самой темной глубине памяти. И теперь этот призрак, вспламенившийся на глазах. Сначала тонкие, призрачные нити огня обвилились вокруг его силуэта, словно змеи, а затем пламя разгорелось, охватывая его целиком. Это был не огонь, который обжигает, а скорее холодное, потустороннее сияние, от которого по коже бежали мурашки.

- Нет! – сорвалось с губ Ники. Она видела, как очертания призрака искажаются, как его эфемерные черты расплываются в бушующем пламени. Это было не зрелище, а мука, которую она чувствовала каждой клеточкой своего существа. Рядом с ней стояла Ли́ка. Ее лицо было искажено гримасой невыносимой боли. Слезы текли по щекам. Слезы, пропитанные десятилетней болью, десятилетним отчаянием. Она

не кричала, как Ника, но её страдание было куда более глубоким. Её губы дрожали, беззвучно повторяя какое-то имя, которое Ника знала слишком хорошо. Потом для Ники наступила темнота. Она обрушилась на девочку внезапно, будто бы чёрное покрывало, что в ярости бросают на клетку с орущим попугаем, заставляя его замолчать. Темнота... Но то была не мягкая, уютная темнота, которая приходит с наступлением вечера и окутывает мир перед сном. Эта темнота была резкой, безжалостной, выжигающей всё дотла. Звуки оборвались. Солнечный луч исчез. В этой крошечной тьме, где не было ничего, кроме ужаса. Орущий попугай в клетке мог лишь замолчать. Ника же, лишенная твердой почвы под ногами, погрузилась в безмолвную, пугающую неизвестность.

Когда девочка пришла в себя, первое, что она увидела, было лицо. Бледное лицо, искаженное тревогой. Ника чувствовала холод пальцев рук, отчаянно теребивших её за плечи. Это была Лика, чьи глаза казались такими огромными и бездонными, как колодец в глухой деревне. Она тихо плакала, нервно прикусывая нижнюю губу.

Призрак Татьяны Веселовой исчез. Исчез так же внезапно, как и появился. В комнате, где горела свечка, не осталось ни запаха горелой кожи, который так отчетливо ощущался в момент столкновения с потусторонним. В комнате остался лишь страх на пару с безвыходностью. Безысходностью, которая говорила о том, что все попытки понять что-то в этом мире, обречены на провал. И единственное, что остаётся –

это смириться с неизбежным.

Ника посмотрела на Лику, на её дрожащие руки и на её испуганные глаза. В них отражалось то же самое, что она чувствовала сама – абсолютное одиночество перед лицом чего-то непостижимого.

- Что... что произошло? – прошептала Ника.

- Ты упала в обморок, - тусклым голосом произнесла Ли-ка.

Она не знала, что ответить. Слова казались бессмысленными, совершенно неспособными передать всю глубину пережитого. Лица лишь покачала головой, чувствуя, как по щекам текут слезы. Слезы не от боли, а от осознания того, что они оказались в ловушке по своей воле.

В комнате, где догорала свечка, было тихо лишь несколько минут. Затем тишина прервалась гулом голосов, доносящихся с улицы. Эти встревоженные голоса не сулили ничего хорошего...

Глава 2.

В своей холостяцкой квартире, расположенной в одном из тихих спальных районов на севере города Москвы, Алексей Смолков чувствовал себя прекрасно. В тишине и спокойствии думать и стоять план легко и беспрепятственно. Никто не жужжал над его ухом, никто не прервал стройный ход его мыслей своими бесконечными бдениями, никто не навязывал ему свою позицию. Просторная двухкомнатная квартира

превратилась в неприступную крепость и служила отличным убежищем от бушующих волн общественного мнения, так и норовящих утащить его на дно стереотипного мышления.

Алексею нравилась жить одному, хотя порой его одолевала странная назойливая тревога. Он слишком привык к одиночеству, в не самом худшем понимании этого слова. И всё же его время от времени тяготила мысль, что, возможно, он никогда не встретит человека, с которым будет готов разделить своё кроткое счастье. Надо отметить, что Алексей вовсе не был обделён вниманием прекрасного пола, просто поиск личного и сокровенного не занимал первую строку в списке чрезвычайно важных дел. Женщины стихийно врываются в его жизнь и тут же принимались устанавливать свои порядки, что чрезвычайно нервировало и, в некотором смысле, обескураживало Алексея. Авторитаризм в отношениях ему был чужд. К тому же, он побаивался открытой женской инициативы. Твёрдый и неуступчивый характер современных женщин, привыкших добиваться всего и сразу, вгонял его в ступор. Алексей совершенно точно хотел видеть женщин другими: мягкими, податливыми и понимающими. Стремился ли он сам понять истинную женскую природу в условиях изменчивой реальности? Пожалуй, что нет. Его привлекал лишь набор качеств женщины-невидимки, женщины – тени. Поэтому, перешагнув порог тридцатипятилетия, он всё ещё был один, и лишь скупая надежда составляла ему компанию в минуты отчаяния.

Что ж, подобный уклад жизни оставляет заметный след на личности человека. Однако, и самодисциплина тоже вносила свои коррективы. Алексей жутко не любил бардак в жилом помещении. В его холостяцкой берлоге каждая вещь знала своё место. Такая педантичность часто приводила в смятение коллег и знакомых, поскольку те, находясь в плену стереотипов, полагали, что неженатому мужчине чуждо ощущение порядка и чистоты. Но Алексей, несмотря на предрассудки, не изменял своим принципам. В просторном платяном шкафу каждый предмет гардероба занимал свою позицию: рубашки по цветам, брюки по сезонам, носки и нижнее белье в отдельной секции. Книги на полках, которые напоминали самому Алексею мудрых старцев, хранили дружелюбное молчание. Двухспальная кровать всегда была заправлена. Кухонные принадлежности сверкали на своих местах, готовые в любую минуту прийти на помощь в приготовлении изысканного блюда. И даже порядок в холодильнике, этом гастрономическом оазисе, был организован с филигранной точностью. Ничего лишнего, ничего бесполезного. Для Алексея были чрезвычайно важны детали. Любым деталям он уделял особое внимание. Возможно, сказывалось строгое воспитание родителей, всегда отдававших должное рациональному и последовательному. Возможно, свой отпечаток наложили профессиональные навыки, которые должны были определить его дальнейшую судьбу.

В детские годы Алексей видел себя в роли непревзойден-

ного детектива, своеобразного "архитектора истины", возводящего здание правосудия из хаоса улик и сбивчивых показаний. Он был уверен, что детектив действует как навигатор в лабиринте лжи и беззакония. Ему вверяют судьбы людей, а это, как говорится, нелегкий груз ответственности. Родственники и знакомые уверяли Алексея, что профессия следователя востребованная. О нехватке квалифицированных кадров неоднократно заявляло руководство МВД. Мол, работа слишком ответственная, никто особо не стремится связывать свою жизнь с преступным миром. Но если судьба уже свела тебя с ним, обратной дороги часто нет: либо ты ломаешься, либо учишься видеть в этом мире не только грязь, но и шанс сделать его чище. Чтобы стать следователем, необходимо получить высшее юридическое образование, а затем продолжить обучение в магистратуре на программе «Следственная деятельность» или пройти курсы по профессиональной переподготовке. Об этом в окружении Алексея говорили абсолютно все.

Поначалу Алексей с юношеским максимализмом и горящим сердцем, ринулся навстречу своей мечте. В этой сложной профессии он видел не просто работу, а своё призвание. Перспектива копаться в чужих грязных тайнах не пугала его, а наоборот, разжигала любопытство. Алексей как можно скорее желал стать тем, кто способен разглядеть за ложью и лицемерием настоящую правду. Стремление к честности и открытости красной линией проходили через его юношеские

годы. Алексей верил, что несмотря ни на какие препятствия, справедливость в конечном итоге восторжествует, а злодеи будут наказаны по всей строгости закона.

Но порой жизнь оказывается куда более прозаичной. Не всё складывается так, как хочется наивному сердцу, ещё не познавшему горечь поражения. Невозможность достучаться до истины, предательства, коварство и злоупотребление человеческой добротой - всё это подрывает веру в идеал, и эта вера разбивается об острые камни реальности. И тогда мир, лишённый смысла и прочих достоинств, предстает перед неискущённым созданием в мрачных тонах. На деле оказывается, преступников не ловят, а покрывают. От этого страдают невинные. Безнаказанность – это раковая опухоль, разъедающая общество изнутри, превращающая его в гниющий труп, отравляющий воздух своим смрадом. Преступники, облаченные в мантии неприкасаемости, подобны хищным зверям, рыскающим по саванне, терзают слабых и беззащитных. Перспектива оказаться в меньшинстве перед ликом безнравственности удручала. Детские представления об идеальном мире, где торжествует правосудие, крошились под гнётом суровой действительности, как хрупкий лед под гигантским сапогом великана. Равнодушие старших товарищей по цеху тоже не добавляло оптимизма. Ведь они видели жизнь такой, какая она есть на самом деле и спешили дать точные наводки подрастающему поколению, чтобы те не тонули в бесконечных иллюзиях. В пылу молодости Алексею

казалось, что их души, словно старые списанные со счетов корабли, уже бросили якорь в гавани цинизма. Для этих людей мир превратился в черно – белую фотографию, выцветшую под лучами безжалостного солнца.

Даже родители, которые сначала поддержали Лёшу, позже высказывали высказать своё недовольство относительно выбора будущей профессии.

- Ты же понимаешь, что каждое преступление – это глубокая рана, кровоточащая в сознании, требующая не только профессионального подхода, но и человеческого сострадания! - твердил заботливый отец. - А риски для жизни? Разве это благородное дело? Может для кого-то так и есть! Но ты? У тебя когда-нибудь будет семья. Станешь ли ты рисковать своей собственной жизнью и жизнью своих детей во имя поиска справедливости?

- Борьба с преступностью – это не прогулка в парке, а безжалостный изнурительный марафон по минному полю, где за каждым поворотом подстерегает опасность! - сокрушалась мать. - Преступность – это не просто нарушение закона, это болезненный нарыв на теле общества. Этот гной будет отравлять твоё существование, и ты не в силах будешь абстрагироваться от этого беспредельного ужаса. Так или иначе, он будет уничтожать тебя изнутри. Не нужно идти туда, сынок. Это не для тебя.

Алексей молчал и лишь задумчиво смотрел в окно, сидя на диване перед своими родителями. Естественно, они же-

дали своему сыну лучшего, но они не знали, что есть лучшее для их сына.

Всё же под натиском уговоров людей знающих Алексей сдался, но решение не связывать свою жизнь с профессией следователя, не повлияло на блестящее завершение обучения на юридическом факультете. Диплом он всё же получил, но сердце его не трепетало при виде перспективы облачения в доспехи закона. Отныне Алексей Смолков видел в юриспруденции не призвание, а лишь ступень, из которой можно извлечь знания, как золото из руды. Сожалел ли он о своем решении? Ответ был высечен на сердце, словно эпитафия на надгробной плите юношеских надежд. После выпуска из университета ему предстояла армейская служба, где его индивидуальность тонула в серой униформе, как жемчужина в цементном растворе. А затем... Затем сама жизнь, этот неумолимый скульптор, брала в руки долото и молоток, чтобы высечь из мрамора его амбиций совсем иную статую. Прежние планы, подобно карточным домикам, рушились под напором ветра реальности. Ему приходилось лавировать между рифами быта, уклоняться от чудовищ бесконечной рутины и соблазнительных песен сирен, зазывающих в гавань мещанского благополучия. И хотя на лице его застыла маска стойка, в глубине души мерцала хрупкая надежда. Надежда на то, что однажды, возможно, он сумеет вернуться на тот путь, что был предначертан ему судьбой...

Частный детектив Ярков, который вызвался провести

проверку на полиграфе, раздосадовал Алексея своими умозаключениями. Неужели современный человек, получивший высшее образование и проработавший не один десяток лет в уголовном розыске, верит в существование призраков? Хотя, что тут говорить! Раньше и сам Алексей позволял мистике преобладать над прочими сферами жизни. К чему это привело? Пожалуй, ни к чему хорошему. Крах иллюзий был болезненным. Однако, именно в крахе собственного мировоззрения Алексей узрел возможность наконец-то избавиться от заблуждений и принять реальность такой, какая она есть. Разочарование часто лечит от наивности, но взамен дарует мудрость. Такова плата за вход во взрослую жизнь. Каждый разрушенный замок оставляет после себя руины, а вместе с руинами остается боль, негодование и недоверие. Недоверие к миру после добровольного отказа от прежних убеждений - это своего рода метафизическая сиеста, где важно перестать искать абсолютную истину, ибо настоящая зрелость кроется в гибкости. Но проявлять гибкость тоже не всегда получается, поскольку, вместо гибкости на руинах былых установок возникает холодная глыба неприятия и агрессии. Учитывая прошлый опыт, Алексей Смолков был настроен не просто скептически, а даже в некотором роде враждебно. Но, во избежание открытых конфликтов и неловких ситуаций, свою враждебность он тщательно скрывал глубоко внутри.

Смолков долго собирался с мыслями, прежде чем набрать номер старшего лейтенанта Яркова. Сомнения, словно рой

назойливых мух в осенний полдень, жужжали в его голове. Он перебирал в уме возможные сценарии, взвешивал каждое слово, которое собирался произнести, и каждый раз возвращался к одной и той же точке – к необходимости этого звонка и последующей встрече. Конечно же, будучи человеком дотошным, в самом лучшем смысле этого слова, Алексей не мог просто так обратиться к кому-то, не познакомившись с фактами из его биографии. Он провёл своё небольшое, но тщательное расследование. И вот, что он выяснил: Максим Андреевич Ярков, старший лейтенант полиции. Сколько лет в одном и том же чине? Цифра, которая наводила на определённые мысли. Никакого продвижения по карьерной лестнице. До чего же странно!

- Может, он просто не особо амбициозный? – рассуждал вслух Смолков. - Или что-то мешает ему? Почему он вдруг стал частным сыщиком?

"А может, он просто некомпетентен, несмотря на годы службы?" – вклинивался в размышления внутренний голос.

Доктор Макаров осторожно предупредил Алексея, что Ярков – человек не простой. Его репутация говорила о нём, как о товарище принципиальном, возможно, даже упрямом. И именно эта принципиальность, как предполагал Алексей, могла стать причиной его застоя. Но что именно? Что могло так крепко держать такого, казалось бы, способного офицера на одной ступени?

Смолков посмотрел на экран мобильного телефона. Па-

лец завис над кнопкой вызова. Он попытался себе представить их встречу, конечно же, при условии, если Максим Андреевич согласится побеседовать с ним лично. Что он увидит, когда переступит порог его кабинета? На столе – стопки бумаг, возможно, старая фотография в рамке, взгляд человека, который видел многое. И этот взгляд, скорее всего, будет направлен на Алексея с неким недоверием и вопросом: "Что тебе нужно?" Алексей глубоко вздохнул. Пчёлы в его голове, казалось, на мгновение затихли, словно ожидая исхода. Он знал, что его просьба будет необычной, ведь она выходила за рамки обычных служебных запросов, потому что касалась чего-то личного, чего-то, что могло быть воспринято как вмешательство. Но он не мог иначе. Чувство справедливости, которое всегда было для него движущей силой, не позволяло ему оставаться в стороне. Он набрал номер. Гудки казались бесконечными. Каждая секунда растягивалась, как использованная жевательная резинка, прилепившиеся к подошве уличной обуви. Наконец в трубке послышался бодрый голос:

- Частный следователь Янков.

- Максим Андреевич, – начал Алексей, стараясь, чтобы его голос звучал также бодро и уверенно, – Меня зовут Алексей Смолков. Ваш номер мне дал Макаров Михаил Викторович. Я хотел бы с вами обсудить один вопрос.

В трубке повисла короткая пауза. Алексей представил, как Янков, возможно, слегка приподнял бровь, пытаясь по-

нять, кто такой Алексей и какое "дело" может связывать их.

- Говорите, Алексей, – ответил Ярков, и в его голосе не было ни тени раздражения, только спокойное ожидание

И Алексей изложил суть своего обращения...

Они договорились встретиться на следующий день после того, как только следователь Ярков предоставит отчёт о проделанной работе своим клиентам. Алексею показалось, что Максим Андреевич был вовсе не удивлён звонку незнакомого человека. Также его поразила открытость и готовность к сотрудничеству, несмотря на скепсис, который исходил из запроса Алексея. Смолков был абсолютно уверен, что он не первый и не последний, кто ставит под сомнение методы работы частного следователя Яркова. Однако, Максим Андреевич с пониманием отнёсся к его просьбе, без лишнего раздражения и возмущения. В назначенное время Алексей явился навстречу. Он в раздумье остановился перед неприметной дверью с табличкой, на которой скромным шрифтом было выведено: "Ярков. Частный детектив".

Офис Яркова располагался на первом этаже жилого комплекса, почти на самой окраине города. Алексей огляделся. Новостройки, детская площадка, несколько припаркованных автомобилей – типичный пейзаж спального района. И среди этой пасторали – кабинет частного детектива. Ему вдруг стало интересно, как именно Ярков, находясь в такой удаленности от центра, умудряется находить клиентов. В центре города, где жизнь бурлит, где каждый день происхо-

дит что-то, еще можно понять. Но здесь? Без рекламы и сарафанного радио, видимо, не обойтись. Алексей живо представил себе Яркова, расклеивающего объявления на столбах с обещанием вернуть пропавшего кота или найти неверного мужа. Картина в его воображении получилась уж чересчур карикатурной.

Потоптавшись ещё немного на крыльце, Алексей легонько прижал указательный палец к выпуклой кнопке дверного звонка и стал прислушиваться к звукам по ту сторону входной железной двери. Противный резкий звук дверного звонка заставил вздрогнуть его от неожиданности. Однако в ответ на этот раздражитель последовала лишь тишина. Он позвонил ещё раз. И вновь тишина. Без каких-либо признаков жизни. Алексей уже начал думать, что товарищ Ярков вздумал пошутить над ним, как вдруг, буквально через несколько секунд, дверной замок щёлкнул, приглашая гостя войти.

Алексей тут же очутился в узком тёмном коридоре, где пахло кофе и табачным дымом. Густой обволакивающий запах наводил на мысль, что помещение давно не проветривали. Лёша осторожно пошарил по стене в поисках выключателя. Тусклая грязная лампочка вспыхнула над его головой. Алексей тут же расплылся в снисходительной улыбке. Под его ногами распластался старый вязаный коврик, который, похоже, собрал пыль ни одного десятилетия. Справа от него возникла выдавшая виды напольная вешалка. Поношенное

демисезонное пальто тёмно-серого цвета устало повисло рядом с вязаной женской кофтой с вытянутыми рукавами. Внизу расположилась пустая обувная полка. А чуть поодаль висело овальное мутное зеркало. Алексей сочувственно покачал головой, разглядывая эти вещи, ощущая исходящую от них обречённость и мрачное настроение. Смолков рискнул предположить про себя, что дела у частного детектива шли из ряда вон плохо. Но возможно он ошибался... В конце концов, кто он такой, чтобы судить о человеке по паре вещей у входной двери?

- Проходите, пожалуйста! - послышалось из дальней комнаты. Алексею показалось, что Ярков был немного взволнован.

Алексей шагнул в комнату, и воздух тут же стал менее плотным. Зато к табачно-кофейной смеси прибавился запах старой бумаги и дешёвой канцелярии. Его взгляд сразу же упал на фигуру, застывшую за огромным, массивным письменным столом. Частный детектив Ярков. На вид ему было около пятидесяти, а может, и чуть больше. Гладко выбрит, опрятно, но довольно безвкусно одет. Время безусловно оставило на нём свои отпечатки, какие всегда оставляет на людях простых и бесхитростных. Первое, что бросилось в глаза Алексею, были широкие покатые плечи. Ярков не сутулился, он сидел прямо. И всё же, вытянутая вперёд гусиная шея и напряжённая поза, скорее свидетельствовали о том, что человеку было нелегко расслабиться. Эта поза придава-

ла детективу некую настороженность, но не свидетельствовала против него, как против человека чванливого и надменного. И, наконец, блестящая залысина. Она занимала значительную часть головы, словно гладкое, отполированное временем зеркало. Залысина аккуратно обрамлялась тонкими, торчащими в стороны седыми волосами. Эти волосы, словно последние бастионы, защищали остатки былой шевелюры, придавая облику Яркова некую трогательную, но в то же время решительную завершенность.

Алексей остановился у порога. В углу рядом со стеллажом, на котором располагались папки с делами, на коричневой подстилке Алексей заметил огромного пса - немецкую овчарку. Пёс, увидев нового посетителя, медленно поднялся на передние лапы и вяло гавкнул.

- Спокойно, Рейган! - пригрозил ему пальцем Ярков. Пёс с явным недоверием покосился на Алексея и вновь улёгся на прежнее место, наострив уши.

Ярков, неуклюже отодвинув кресло от стола, выпрямился в полный рост. Его застиранный пиджак, некогда тёмно-бордового цвета, предательски затрещал по швам. Чёрный галстук в мелкий горошек так сильно затягивал шею, что казалось, будто он призван сдерживать своего хозяина от незапланированных действий. В положении его рук и туловища чувствовалась военная дисциплина. Однако, в движениях бывшего оперативника совсем не было лёгкости и гибкости, будто бы годы, приведённые в кресле частного сы-

щика, давали о себе знать. Ярков словно бы заостенел, вписавшись в железную рамку, не позволявшую ему выйти за её пределы. Он с некоторой опаской обратился к своему гостю.

- Вы, как я понимаю, Алексей Смолков? - спросил Максим Андреевич, разглядывая молодого мужчину с ног до головы. Взгляд его скользил по безупречно выглаженной летней рубашке и светло-серым льняным брюкам.

- Так точно! - кивнул Алексей. - Михаил Викторович в данный момент немного занят, поэтому он попросил меня побеседовать с вами насчёт сестёр Орловых.

- Михаил Викторович! - с неподдельной гордостью произнёс Ярков, высоко задрав подбородок. - Мой давний знакомый! Он совершенно случайно поделился со мной историей этих девочек. Честно признаюсь, этот случай меня очень заинтриговал.

- Да! - согласился Алексей. - Я знаю, что с разрешения родителей сестёр Орловых, вы привели проверку на полиграфе. Самостоятельно.

Ярков едва слышно фыркнул. Это не ускользнуло от внимания Алексея.

- Конечно, самостоятельно! - произнес Максим Андреевич, медленно обходя свой письменный стол и направляясь на встречу Смолкову. В этот момент пёс Рейган, наблюдавший за происходящим, жалобно заскулил, прижав уши к затылку. - У меня огромный опыт работы с полиграфом. Тихо Рейган, не скули!

Ярков, смешно поджав губы, цокнул на пса. Тот обиженно отвернулся, продолжая едва слышно подвывать, уткнувшись мордой в стену.

"Наверное, несладко тут живётся псине!" - пронеслось в голове у Алексея, Но вслух проговорил:

- Я ни в коем случае не хочу поставить под сомнение вашу профессиональную компетенцию, тем более, как вы говорите, у вас огромный опыт. Просто я хотел взглянуть на вопросы, которые вы задавали девочкам и обсудить некоторые нюансы.

Ярков остановился в центре кабинета, сцепив в замок руки на пояснице. Полы старого пиджака немного распахнулись, обнажив потертый ремень, тоже, по всей вероятности, отчаянно нуждавшийся в замене. Он слегка приподнял плечи и вытянул вперёд и без того длинную шею, словно пытаясь лучше рассмотреть пылинки, танцующие в луче солнца, пробивающемся сквозь мутное стекло окна. Вероятно, просьба Смолкова его смутила. Зачем этому молодому мужчине, вопросы, которые он, Ярков, составил для проверки на полиграфе? Неужели доктор Макаров, этот уважаемый специалист, сомневается в его квалификации?

Заметив его смятение, Алексей мягко проговорил:

- Это просто формальность, Максим Андреевич! Доктор Макаров хочет быть абсолютно уверенным. Ситуация с близняшками его очень сильно волнует. Да и я со своей стороны хочу разобраться в происходящем.

- А что не так с вопросами? Вы эксперт в криминалистике, чтобы сходу делать какие-то выводы?

Смолков покачал головой. Он так и продолжал стоять в дверном проёме, не решаясь пройти дальше. Насупленность и немного взвинченный тон голоса детектива Яркова пока не предвещали ничего хорошего. Алексей с осторожностью подбирал слова, чтобы продолжить разговор.

- Доктор Макаров упоминал, что в вашей жизни были случаи, когда вы лично сталкивались с потусторонним! - Алексей бросил на детектива вопросительный взгляд. Тот неожиданно вытянулся по струнке. Тонкие, почти бесцветные губы, сложились в аккуратную букву "о". Выражал ли он этим удивление или же тщательно пытался скрыть волнение, которое, по всей вероятности, накатывало на него волнами при упоминании слова "потусторонний". Отчего-то Смолков был уверен, что попал в яблочко. Нужно было, во что бы то ни стало, разговаривать с детективом. И Алексей уверенно пошёл в наступление.

- Вы когда-нибудь своими глазами видели призраков?

Ярков встрепенулся и снова задрал подбородок вверх. Он, совершенно не мигая, вперился глазами в Алексея, который, в свою очередь, смотрел на него как на испытуемого в ходе какой-то исследовательской работы. Однако, Алексей, сам того не подозревая, вступил на территорию, которая скорее напоминала минное поле, чем пространство для приятельской беседы. Но сдаваться Ярков не думал. Он потихоньку

начал понимать, зачем конкретно этот молодой человек пожаловал к нему в гости. Уж не посмеяться ли он над ним решил? Сейчас этот франт, как пить дать, выставит его шутом и балаболом, а сам примерит на себя образ благодетеля и искателя истины. Нет! Ни за что на свете он не позволит ему этого сделать! Более того, он будет звучать так убедительно, что этот молодой человек тут же оставит свой скепсис за порогом и переметнётся на его сторону. Необходимо сокрушить его веру идеально выверенными аргументами и тогда у него не останется сил сопротивляться. В этом Ярков был абсолютно уверен. Он утихомирил бурю, зарождающуюся внутри. Этот дешёвый спектакль он прибережёт для другого случая. Но сейчас, в глазах этого остроносого молодого мужчины детектив Ярков должен выглядеть на высоте.

Резким движением он потянул полы пиджака вниз. Затем он прочистил горло и, чеканя каждое слово, произнёс:

- Я видел призрака моей покойной матушки! Не прошло и 40 дней с момента её скоропостижной гибели, она явилась ко мне в квартиру, дабы убедить меня в том, что я зря теряю время в отделе. Она утверждала, что у меня огромный потенциал, что у меня есть сила помогать людям, которые в этом отчаянно нуждаются. Матушка всегда верила в меня! - он ещё выше задрал подбородок и его голос дрогнул.

Алексей осторожно почесал затылок и кивнул головой знак согласия.

- Я сочувствую вашей утрате! - Как можно мягче начал

Смолков. - Наша семья и родители - это самое дорогое. Всегда тяжело терять тех, с кем мы были близки.

На какое это мгновение Алексею показало, что в глазах Яркова блеснули слёзы. И вообще, он выглядел так, как будто вот-вот расплачиваться. Смолков изо всех сил сдерживал себя, чтобы не брякнуть лишнего и не потревожить и без того не зажившую ещё рану. Кому, как не ему, было знать: всё, что завязано на эмоциях, крайне субъективно, особенно если в жизни человека случилась трагедия. Ведь потеря близкого абсолютно равносильна маленькой смерти, которая рисует в вычернённом горем воображении, картины мрачные и искажённые. И вот он тот самый случай, когда сарказм и ирония излишни.

- И всё же я готов отвечать в суде за свои слова! Я видел матушку! Она явилась ко мне ровно в полночь в том самом чёрном платье, в котором я её похоронил. Она была такая полупрозрачная и невесомая, будто бы чёрно-белая дымка. Я лежал в своей постели, у меня поднялась температура. Матушка подошла ко мне и произнесла те самые слова так чётко, у меня не осталось никаких сомнений, что жизнь после смерти существует.

- Температура? Вы сказали, у вас была температура?

- Да! Я простудился накануне. Или вирус какой схватил! Разве это важно! Ведь я не единственный, кому удивлялись покойные родственники. Моей тёте однажды на кладбище возле могилы привиделся её дедушка. Он просил овсяное

печенье вместо конфет. Ну не любил он при жизни шоколадные конфеты! Тётка послушно выполнила его просьбу и больше конфеты на могилу не носила. Знаете ли, Алексей, они возвращаются в наш мир не просто так! Они хотят помочь! Немного скорректировать сценарий нашей жизни, чтобы мы не повторяли их ошибок. Моя покойная матушка всю жизнь сомневалась в своих возможностях, говорила, мол, всё не для неё, всё для кого-то ещё. У неё были мечты, но она постоянно запиховала их в самый дальний ящик, пока не вышел срок годности. Ведь у мечты есть тоже срок годности, Лёша!

Ярков говорил с таким жаром, так яростно жестикулируя руками, что у Алексея не осталось никаких сомнений в том, что детектив сам верит в то, о чём говорит. И в какую сторону сейчас бы Алексей не шагнул, он наткнётся на каменную стену, выстроенную из предубеждений и суеверий.

- Понимаете, Алексей, это не просто совпадение! Это закономерность! Мы приходим в этот мир и уходим, оставляя за собой эфирный след, ведь наши души бессмертны, пространство многомерно. В это легко верить, когда жизнь сама тебе подбрасывает нужные доказательства...

Алексей кивнул, но внутри него росло глухое чувство обреченности. Он видел этот огонь безумия в глазах Яркова, слышал эту убежденность в каждом слове. Детектив не играл, не пытался его убедить в чем-то неправдоподобном. И как он мог сейчас начать парировать доводы этого глубоко

несчастливого одинокого человека? Ведь это покажется высшей степенью кощунства и тщедушия. Алексей догадывался, какого рода вопросы он задавал сёстрам Орловым, узнав об их личной трагедии. И вряд ли он пытался пустить пыль в глаза, ввести девочек в замешательство или поёрничать над создавшимся положением.

В маленьком душном кабинете, пропитанным запахом старого дешёвого кофе, собачьей шерсти и пыльных папок, частный детектив Ярков размахивал руками, словно дирижёр симфонического оркестра. Его разглагольствование о "тонких материях" длилось уже пятнадцать минут и грозило перейти в полноценную лекцию. Алексей прекрасно понимал, о чём говорит Ярков, ведь он сам много лет был погружён в мистику. Ему было известно не менее, чем этому удивительному персонажу, которому он почему-то проникся симпатией, хотя явился к нему на встречу вовсе не за этим. Алексей кивнул, стараясь выглядеть заинтересованным. Он понимал, что спорить абсолютно бесполезно. Наконец, запыхавшийся от собственного красноречия, детектив развернулся спиной к Алексею и зашагал к стеллажу с папками, чтобы достать листы с вопросами для сестёр Орловых.

"Бывшие сослуживцы Яркова называли его кастрюлей. Когда ты увидишь его спины, ты поймёшь, о чём я говорю!" — в памяти Смолкова тут же всплыли слова доктора Макарова...

Нет! Рассмеяться в голос прямо сейчас было бы вер-

хом неприличия. Но господь милосердный, как же комично это выглядело со стороны! Округлый затылок, обрамлённый седеющими волосками и торчащие заострённые ушки. Теперь-то Смолкову было ясно, почему бывшие сослуживцы называли его кастрюлей. Голова Яркова действительно напоминала небольшую кастрюльку, стоящую на газовой плите.

Немецкая овчарка по кличке Рейган, вновь с жалобно закулила, будто бы требуя внимания, как со стороны хозяина, так и со стороны гостя. Пёс был явно не в лучшей форме. Левая задняя нога была как-то странно оттопырена в бок. На скакательном суставе виднелась небольшая шишка, возможно опухоль или воспаление от механического удара. Старина Рейган жалобно посмотрел на детектива. Тому не было дела до этого испытующего взгляда. Ярков, заведённый с полуоборота недоверием и мнительностью гостя, покраснелся. Он чувствовал, что его послание, адресованное молодому скептику, пролетело мимо него, ударившись о холодную стену осуждения. Его посетитель не произнес ни слова, но его молчание было куда более красноречивым, чем пылкие речи всех поборников правды, с пеной у рта доказывающих истину.

Алексей вновь намекнул Яркову, что не прочь взглянуть на контрольные вопросы. Детектив тут же замешкался, пытаясь вспомнить, куда именно он отправил папку с результатами проверки. Прямо таки наотмашь, он ударил себя по лицу, изобразив жуткое недоумение. Хладнокровие Смолкова

его явно выбешивало.

- Спешу напомнить вам, уважаемый, - придыханием произнес Ярков, шаря указательным пальцем по папкам на стеллаже. - Что девочки добровольно вызвались пройти проверку. Конечно, предварительно мы с ними обсудили кое-какие моменты и уже на основании полученных данных, я составлял эти вопросы. Быть такого не может, чтобы обе девочки врали и так убедительно.

- Я не думаю, что они врали! - осторожно заметил Алексей.

- Тогда к чему вся эта затея! - всплеснул руками Ярков, явно теряя терпение. - Девчонкам и так досталась! И вместо того, чтобы как-то проникнуться ситуацией, вы терроризируете их подозрениями.

- Мы с Михаилом Викторовичем просто пытаемся понять, что происходит. Для меня, как человека постороннего, эта ситуация выглядит, мягко говоря, странно! – Алексей устало вздохнул.

- Почему? - Ярков замер на месте с папкой в руках.

- Так устроена наша психика. Мы часто, в силу обстоятельств, принимаем желаемое за действительное, напрочь игнорируя объективную реальность. Бытует мнение, будто мы можем убедить мозг во всём, что угодно. Но есть одно маленькое но... Это легче сделать под влиянием посттравматических событий. Так работают механизмы выживания и адаптации. Возникают особые реакции, которые помога-

ют избежать мыслей о негативных вещах, предупреждая возникновение чувства тревоги. Бывает так, что эти самые механизмы автоматически, неосознанно для человека, включаются при конфликте, психологической травме. А у девочек, как мы знаем, травма была.

Алексей говорил спокойно, заложив руки за спину, полностью развернувшись корпусом к Яркову, и сам дивился своей способности так долго удерживать чьё-либо внимание. Детектив, не сводя с него глаз, аккуратно перебирал пальцами по ярко-фиолетовой папке, где вероятно хранились распечатанные вопросы. Он то хмурил брови, то водил кончиком носа из страны в сторону, то вновь выпячивал подбородок вперёд, будто пытался им дотянуться до Смолкова.

- Мы не ставим под сомнение, что девочки что-то видели. Просто маловероятно, что это был призрак покойный Веселовой! - закончил Алексей.

Ярков вперился в него взглядом.

- Фома вы неверующий! - с обидой в голосе произнес детектив. - Но я делаю скидку на то, что вы пока что с этим не сталкивались! Однако, вы вспомните обо мне, когда перед вашими глазами возникнет то, во что мозгу тяжело поверить!

- Я буду с нетерпением ждать этого момента! - мягко улыбнулся Алексей. - А теперь будьте добры, покажите вопросы!

Ярков недовольно крикнул, обогнул стол и, опустил плечи,

засеменил навстречу Алексею. Он молча протянул ему папку, а затем, спохватившись, буркнул себе под нос:

- Присаживайтесь! Чего топтаться у порога!

Развернувшись, детектив вновь засеменил к столу. Алексей последовал за ним, бросив беглый взгляд на собаку. Пёс вяло поднял голову на приближающегося к письменному столу незнакомого человека.

- Рейган, фу! – Ярков опередил пса в его недобрых намерениях. Но больная псина, как показалось Алексею, вовсе не была заинтересована в передвижениях нового объекта в кабинете хозяина.

Алексей присел на скрипучий покачивающийся стул и открыл папку. Изучение материала не заняло долго. И вообще он уже начал сомневаться в целесообразности происходящего. Зачем ему были сейчас эти вопросы, если он лично сам не присутствовал при проверке? Каким образом он мог оценить достоверность результатов? Контрольные вопросы имеют отношение к поступкам, которые связаны с расследуемым событием, но непосредственно на него не указывают. Они всегда носят обобщённый характер, умышленно размыты и охватывают длительный период времени. Их цель — привести испытуемых в замешательство. Были ли девочки в замешательстве, когда проходили проверку? Ответа на этот вопрос у Смолкова не было. А учитывая мистические настроения детектива, которые брали вверх над рациональным началом, можно было и вовсе заподозрить всех участников

процесса в неадекватности. И всё же ознакомление со списком вопросов лишь подтвердило догадки Смолкова и устроило его веру в собственной правоте.

Закончив с бумагами, Алексей закрыл папку и внимательно посмотрел на детектива.

- Большое спасибо, Максим Андреевич, за уделённое мне время!

- Не знаю, что это вам дало, но всегда - пожалуйста! - развёл руками Ярков. Он ёрзал спиной по спинке своего старого кресла, поочерёдно стряхивает у одной то другой кисти руки, словно попытался освободиться от каких-то невидимых оков. - Однако, не будьте слишком строги к девочкам! Сейчас, как никогда, они нуждаются в защите взрослых!

Про себя Алексей отметил, что слово "однако" детектив Ярков употребляет чаще, чем нужно. Но вслух произнес:

- Ни в коем случае! Наша задача оберегать хрупкую детскую психику! Ведь они всё ещё дети.

С этими словами он осторожно приподнялся со стула и зашагал по направлению к двери. Детектив Ярков безучастно смотрел ему вслед.

В дверном проёме Алексей развернулся и в последний раз обратился к детективу:

- Ваш пёс болен. Отведите его к ветеринару, пока не поздно. Возможно, у него опухоль.

Ярков ответил ему скупой улыбкой, но в его печальных

глазах явно читалось другое. Он всё прекрасно знал про свою собаку, но почему-то бездействовал. Видимо, надеялся на чудо...

Когда Алексей вышел из офиса детектива, неистовый летний зной показался ему наградой за минуты проведения в плохо проветриваемом помещении. Он медленно брёл по тротуару, обдумывая предстоящий разговор с доктором Макаровым. Что нового он сообщит психиатру? Ровным счётом ничего. Визит к детективу был скорее полезен ему самому, но не играл особой роли в ситуации с девочками. Лёша всё ещё не мог понять, почему доктор Макаров решил довериться этому странному человеку. Сам Смолков придерживался исключительно материалистической точки зрения, при этом допускал существование таких развлечений, как чтение гороскопов и онлайн-гаданий. По степени абсурдности эти развлечения располагались где-то на уровне тестов «Узнай, какая ты лошадь». Также его терзали вопросы относительно адекватности родителей сестёр Орловых. Как могли они согласиться на подобного рода эксперимент? Какой силой убеждения обладает эти девчонки, чтобы родные отец и мать пошли на поводу желания своих любимых чад, в случае, если инициатива к проверке исходила именно от них. А в этом Алексей теперь не был до конца уверен.

Он достал из кармана мобильный телефон. Найдя в списке вызовов номер доктора Макарова, Алексей осторожно нажал на кнопку вызова.

- Да, Лёша! Я тебя слушаю! - прорезался на линии голос Михаила Викторовича. - День добрый!

- Рад вас слышать! Я только что от детектива Яркова. Взглянул на контрольные вопросы. В общем-то, мои опасения подтвердились. Он изо всех сил пытался убедить меня, что призраки существуют. В пример он привёл свою собственную печальную историю.

- Какую, позволю спросить?

- Господин Ярков утверждает, что видел призрака своей покойной матери при высокой температуре. Он детально описал свои ощущения. Похоже, что он и сёстры Орловы из одной стаи. Вероятно, посттравматическое расстройство после смерти близкого человека. Не вам мне говорить, что информация о травме существует в активной рабочей памяти до тех пор, пока не произойдет её осмысление. Таким образом, формируется цикл оживления травматических воспоминаний под воздействием триггеров, связанных с травмой и стремлением постоянно игнорировать неприятный опыт с попытками контролировать ход мыслей и избегать столкновения со всем, что может напоминать о травме, что в свою очередь ухудшает переработку травматического опыта. Максим Андреевич яростно ищет подтверждение существованию потустороннего и примет в штыки любого, кто будет придерживаться противоположной точки зрения.

Доктор Макаров чуть слышно рассмеялся в трубку.

- Как я и полагал, этот эксперимент ещё больше завёл ме-

ня в тупик. Первый раз такой прокол за все годы моей профессиональной деятельности.

- А как по мне, это не прокол. Это лишь ещё одно подтверждение, что нам нужно копать в другом месте. Михаил Викторович, это ведь был единственный эпизод, когда девочки видели призрака?

- Они утверждают, что да. До этого лишь были упоминания о кошмарах и панических атаках. Но галлюцинации! Спустя 10 лет!

- Зачем они вообще отправились в тот дом, где произошло несчастье?

- Хотели испытать себя на прочность. Так они мне сказали. Ты и сам это слышал, когда я показывал тебе видео.

- Лично мне не понятен мотив их действий.

- Ты рассуждаешь как криминалист! - задорно рассмеялся в трубку доктор Макаров.

- Ну, я всё таки хотел стать следователем в молодости! - улыбнулся Лёша своему отражению в витрине магазина, мимо которого он проходил. - В любом случае, Ярков нам не помощник. Как мне показалось, он просто запутался в собственной жизни. Запутался в своих убеждениях и верованиях. Он склонен отрицать реальность и убежать, сверкая пятками, в иллюзии. Боюсь, что насаждением этих иллюзий он мог навредить девочкам.

- И я этого боюсь. Но всё равно, спасибо тебе большое!

Мы с тобой будем на связи. И если что, я снова прибегну к твоему совету.

- Конечно, Михаил Викторович! Вам я всегда рад! Всего доброго!

- Всего доброго, Лёша!

В трубке мобильного телефона раздался звонкий щелчок, оповещающий о завершении разговора. Алексей уже дошёл до своей машины, припаркованной у торгового центра.

До чего же странный этот детектив Ярков! Мысли об этом человеке звенели в голове Смолкова. Но одно ему было ясно точно: этот товарищ не просто так ушёл из следственного отдела. Вряд ли бы там кто-то стал терпеть сотрудника, которому из-за каждого угла мерещатся приведения.

Неожиданные встречи происходят всегда вовремя. Вовремя для двух конкретных людей, когда - то разведённых по разным уголкам вселенной. Значит ли это, что судьба даёт знак свыше? Может, быть кто-то невидимый там, на мягком пушистом облачке, решил, что пора бы этим двум объединиться для одной невероятно значимой цели. Детали для тебя, мой дорогой читатель, я приберегу на сладкое, ибо нет ничего слаще интриги, что зарождается где-то в глубине....

Эта идея всегда звучит оптимистично. Никто не спорит, что приятнее думать о позитивном. Но куда деваться от воспоминаний, которые роем набрасываются на тебя, чуть толь-

ко ты делаешь шаг в прошлое?

Об этом ты тоже узнаешь немного позже....

Жаркий летний полдень плавил асфальт, заставляя воздух дрожать над раскалённой дорогой. Алексей, сжимая в руке пакет с продуктами, спешил к своей машине, припаркованной у обочины. Он то и дело мысленно возвращался к разговору с доктором Макаровым. Да и сестры Орловы никак не шли у него из головы. Алексей был настолько поглощён своими думами, что не заметил, как налетел на девушку в цветастом летнем платье. Молодой человек прищурился, пытается разглядеть её в слепящем солнце.

Саша...

Да, это была Саша Рябова. Её рыжие непослушные волосы рассыпались по плечам, а в глазах, которые он помнил такими яркими и живыми, читалась какая-то невообразимая тоска. Она, растерянно хлопая ресницами, стояла на тротуаре возле супермаркета, словно мираж, возникший в сердце пустыни.

Лёша? – её голос, чуть хриловатый, прозвучал как эхо из другой жизни.

Алексей не мог поверить своим глазам. Саша, такая воздушная и неземная в ослепляющем свете знойного июля. Как давно они не виделись! Лет семь? Может быть даже больше. Он сбился со счета, лихорадочно перебирая в голове даты, пока сердце гулко билось у него в груди. Их пути разошлись так давно, что теперь прежняя жизнь казалась сю-

жетом старого фильма. Остались лишь обрывки воспоминаний: её смех в студенческом кафе, её мягкая рука в его руке, когда они гуляли по Якиманской набережной, запах её духов, застывший в морозном воздухе седого января. Он также помнил их последнюю встречу – сумбурную, неловкую, после которой они оба решили, что так будет лучше. Дальше следует идти разными дорогами.

- Саша Рябова... ты ли это? – этот незамысловатый вопрос Лёша произнёс так низко, что его собственный голос показался ему чужим и приторно-фальшивым.

Она кивнула, и на её губах появилась слабая улыбка.

- Да, это я. Не ожидала ж, если честно, тебя увидеть здесь! - она махнула рукой в сторону непрерывно открывающихся и закрывающихся дверей супермаркета, словно бы они были виновником произошедшего.

Неожиданно – это мягко сказано. Это была не самая романтическая встреча в мире. Гул проезжающих мимо машин и едкий запах плавящегося под ногами асфальта. Встреча была внезапной, в каком-то роде даже шокирующей. Алексей вдруг почувствовал, будто время повернуло вспять, вернув его в те дни, когда Саша была неотъемлемой частью его жизни. Смолков давно не интересовался её судьбой. После их расставания он старался не думать о ней, не искал встреч. Жизнь шла своим чередом, принося новые заботы, новые радости и новые разочарования. Он думал, что после стольких лет смог забыть её. Вероятно, забвение принесло бы облег-

чение, но забывание не сводится к вытеснению. Это было бы слишком просто. Забыть – значит лишиться чувств, в переносном смысле, конечно, но и в буквальном. Мы стираем из нашего мозга то, что с нами произошло, и не можем об этом вспомнить, если только не получим импульс извне. И вот этот импульс получен.

- Как... как ты здесь оказалась? – спросил он, пытаясь обратиться с мыслями.

- Я шла к подруге, – ответила Саша, – и встретила тебя!

Молодая женщина растерянно развела руки в стороны. Летнее солнце играло прядями её рыжих волос. Без внимания упрямых лучей не осталось и её лицо. Бронзовый отпечаток времени, проведённого на свежем воздухе, смешивался с естественностью и живостью румянца на щеках. Взгляд Алексея задержался на её пухлых губах. Он помнил этот изгиб. В юности эти губы казались ему созданными для поцелуев под дождем, для тихого шепота посреди ночи, для тех редких минут, когда слова были не нужны. На миг ему показалось, что время совершило круг. Что между ними не было тех пустых лет, не было той последней неловкой встречи, не было горечи расставания. А ведь она изменилась. Место хрупкой девушки заняла прекрасная женщина. Это открытие обрушилось на Алексея внезапно, заставив по – новому всмотреться в черты, которые он считал навеки застывшими в его памяти. Исчезла та трогательная неуверенная линия плеч, в линии скул проступила благородная четкость, а

во взгляде стальных серых глаз читалась глубина, которой не было раньше. То была женщина, познавшая цену себе. Женщина, которую он потерял, даже не успев толком узнать. И все же скорое течение жизни было благосклонно к ней, внося лишь несущественные коррективы в образ. Время не отняло ее красоту, оно превратило ее в нечто большее, пугающее в своем безмолвном совершенстве.

Так они и стояли, на оживленном тротуаре, в смущении глядя друг на друга. Вокруг них кипела жизнь: гудели машины, куда-то торопились люди, но для Алексея и Саши мир, казалось, остановился. В воздухе повисла неловкая тишина. Такая тишина, зачастую, не предвещает ничего хорошего. К сожалению, это не та тишина, что ласкает слух летним вечером, когда слышно лишь стрекотание сверчков и шелест листьев. Эта тишина была другой – плотной, давящей и ... бессмысленной. Эту тишину необходимо было прервать.

- Ты... как ты? – наконец, выдавил из себя Алексей. Он чувствовал себя крайне неловко, будто бы без разрешения заглядывал в комнату, куда ему заглядывать не следовало. Однако, он проявил некоторую деликатность и, дабы не показаться чересчур заинтересованным, обратился к общеизвестным фактам. - Слышал, ты теперь знаменитая писательница!

Саша как-то беспомощно поморщилась и втянула длинную шею, слегка выкатив вперёд заострённые плечи.

- Есть такой момент! - выдавила она из себя, задумчи-

во почесав указательным пальцем правой руки затылок. От Алексея не укрылся этот почти стыдливый жест. Ему он был вполне знаком и понятен. Так Саша делала всегда, когда хотела сменить тему, которая ей была неудобна или не интересна. - А ты как поживаешь?

- Всё нормально. Работа, дом... ничего необычного.

Саша понимающе закивала головой.

Молодые люди обменялись стандартными любезностями, безликими, невыразительными и заурядными. Дежурные фразы, которые спасают многих от попадания в неловкую ситуацию. В тщетных попытках не переступить черту дозволенного, эти двое просто-напросто загоняли себя в тупик. И судя потому, что эта пустая болтовня не приносила удовлетворения ни одному ни другому. Они оба упёрлись в холодную бетонную стену безразличия и безысходности. Саша шаркала изящной стройной ножкой по асфальту, разглядывая замысловатый узор на своём платье. Алексей изо всех сил пытался изобразить интерес к проезжающим мимо машинам. Как странно со стороны выглядели эти два человека, пытавшиеся поддержать разговор! Они будто бы боялись посмотреть друг на друга, опасаясь, что это прямой взгляд обоих с потрохами. Алексей отчаянно хотел исправить положение, но язык и мысли вероломно ополчились против него. И он выдал следующее:

- Я, к сожалению, не читал ни одной твоей книги!

Лишь осознав, что ляпнул глупость, Алексей зажмурил

глаза и прикусил нижнюю губу. Он так надеялся, что разочарование и досада исчезнут с лица Саши, когда он вновь откроет глаза. Но он ошибся. Впрочем, как и всегда.

Рябова несколько секунд подряд молча хлопала глазами, затем, собрав всю свою волю в кулак, она произнесла, небрежно махнув рукой:

- О! Ничего страшного! Абсолютно!

- Знаешь! - вновь начал Алексей, нервно переминаясь ноги на ногу. Он чувствовал, как жар подступает к горлу, а краска предательски заливает лицо. - Это не то, что я не хотел читать. Просто всё руки не доходили! Да и мистикой я сейчас особо не увлекаюсь. А ты же пишешь про....

- Про всякую чертовщину! - рассмеялась Саша. Её звонки мелодичный смех взорвался в разогретом до предела жарком воздухе как рождественская хлопушка в морозный полдень.

Что ж, хоть какая-то разрядка! Этой неловкости, которая так беспечно разлеглась между двумя беседующими, пора было найти выход. Конечно же, Алексей знал, про что пишет Саша. Просто истинную причину отказа от чтения он не назвал. И как ему думалось, Саша прекрасно поняла всё без лишних слов. Для Алексея Саша Рябова всегда оставалась женщиной-загадкой, завернутой в оболочку из противоречий. С одной стороны, она могла быть воплощением серьезности. Иногда её взгляд становился острым, как скальпель, а каждое слово было выверено и точно. В споре она могла заставить самого упрямого оппонента почувствовать

себя неуверенно, а ее аналитический ум не оставлял шансов для слабых аргументов. Но за этой непробиваемой стеной скрывалась совершенно другая Саша. Саша, которая умела смеяться. Смеяться над собой, над абсурдом жизни, над собственными, порой нелепыми, промахами. Именно в такие моменты ее истинная натура проявлялась во всей красе. Когда она могла, не задумываясь, надеть на себя нелепую шляпу на благо детского праздника, или когда, рассказывая о своем неудачном опыте с приготовлением суши. Девушка так живописно описывала, как рис разлетался по всей кухне, что слушатели буквально ощущали на себе этот липкий хаос. Её умение смеяться над собой было не просто способом разрядить обстановку, это был признак внутренней силы, уверенности в себе, которая не зависела от внешних обстоятельств. Она не боялась быть несовершенной, потому что знала, что её ценность не в безупречности, а в её настоящей, живой сущности.

Это знал и Алексей. Он часто размышлял над её способностью видеть мир иначе. Не просто замечать детали, а преломлять их через призму собственного, неповторимого восприятия. Быть может, именно поэтому Саша Рябова и стала писателем. Потому что мастер слова, как известно, всегда очень наблюдателен. Она, Саша, была его полной противоположностью. Её взгляд на вещи был подобен взгляду художника, который видит не просто дерево, а игру света на его коре, шепот ветра в листьях, историю, запечатленную в каждой

трещинке. Но сейчас что-то изменилось во взгляде Саши. В нём сквозила пустота и отрешённость. Саша смеялась. Смех её был звонким, заразительным, таким, что заставлял улыбаться даже самых угрюмых прохожих. Но сквозь этот звонкий, искренний смех, наружу рвалось отчаяние. Оно было как тонкая ниточка, пробивающаяся сквозь плотную ткань радости. Алексей не сомневался, что это радость была искренней, только была в этой радости примесь чего - то серого и неприглядного.

Саша заметила, что Алексей смотрит на неё чересчур пристально.

- Вообще-то у меня сейчас творческий кризис! - призналась она наконец. - Ни одна толковая идея не идёт в голову. Всё кажется пустым и бесполезным. Мой агент настоятельно рекомендует меня встрять какую-нибудь авантюру, дабы получить новые впечатления. Ну, знаешь ли, людям творческим такой опыт помогает. Вот только все жизненные авантюры никак не вписываются в формат мистического жанра, да и охотники за привидениями нынче не в почёте...

- Но ведь все тайны с призраками и фантомами - это не более чем выдумка! - принялся рассуждать Алексей. - Ты можешь делать самые нелепые предположение и представить все аргументы таким образом, что никто не подкопается. Существованию потусторонних существ нет научного доказательства! Но для твоей работы это не помеха. Не факт что то, что рождено в воображении человека и зафиксировано на

бумажном носителе, когда-либо станет реальностью. Этим можно пользоваться, но в разумных пределах...

Саша глубоко вздохнула и посмотрела в сторону.

- Наверное, ты не поймёшь, но... Мне порой даже самой себе сложно уяснить причину собственного бездействия. Возможно, меня просто захватила лень, а может....

Алексей не дал закончить ей мысль:

- Я тут столкнулся кое с чем весьма интересным! - он выпалил это так быстро, будто не было никакой возможности удержать слова внутри. Саша вновь повернула к нему своё прелестное личико. В её огромных серых глазах на какую-то долю секунды вспыхнула молния. И эта молния вновь зажгла тот неподдельный огонёк интереса, который так в своё время привлёк Алексея.

- А можно поконкретнее? - расплылась в улыбке Саша.

- Помнишь доктора Макарова?

- Ещё бы! - с задором произнесла Саша, игриво потрянув гривой рыжих волос. - Очень крутой дядька!

- Ох, уж эти твои ... фразочки! - ухмыльнулся Алексей, но продолжил. - Так вот, он попросил меня поучаствовать в одном интересном деле.

- В каком деле? - в серых глазах Саши всё больше и больше разгорался огонёк любопытства, а на щеках проступил едва заметный румянец.

- Две сестры утверждают, что видели призрака. самого настоящего!

Последнюю фразу Алексей произнес спокойно, но с едва уловимой ноткой азарта в голосе.

- И есть некая предыстория? - кокетливо спросила Саша, приблизившись на полшага к Алексею.

- Да! Думаю, тебе, как мистика, будет очень интересно!

- Я согласна поучаствовать! - бодро заявила Александра. Но тут же спохватились. - Если можно, конечно...

- Тебе можно! - многозначительно произнёс Алексей.

Саша Рябова с раннего детства мечтала стать писателем. Идея, однажды случайно высказанная вслух на семейном празднике в присутствии огромного количества родственников, росла и крепла год от года. Многочисленные тётки и дяди, сбившиеся в кучки за праздничным столом, гремя бокалами и стуча вилками, наперебой загалдели о важности давать ребёнку свободу действия. Мол, если уж так случится и в их семье заведётся известный писатель, то этот человек должен выражать свои мысли прямо и открыто, невзирая на стереотипы, заложенные обществом. В тот вечер над маленькой Сашей никто не посмеялся. Да и кто бы посмел смеяться над доверчивой улыбочивой девочкой под пристальным взглядом главы семейства. Свою единственную дочь Юрий Петрович воспитывал строгости и порядке, возвращая в ней лучшие качества, унаследованные от далёких пращуров. Целеустремлённость и решительность были как раз в верхних строках списка. Инициативности и самостоятельности Саше

было тоже не занимать. Она не привыкла откладывать задуманное в долгий ящик. Если уж заикнулась, всё будет писать книги, то медлить и выжидать удобного случая не станет. В восемь лет, откинув все сомнения в сторону, Саша написала свой первый рассказ.

Тоскливый поздний октябрь под вой унылых ветров и шелест сухих листьев явил этому миру не только Сашу Рябову, но и восемь лет спустя, в канун дня рождения, её первое значимое произведение. Сейчас она уже и не вспомнит, о чём был тот рассказ, да общем-то, это было и не важно. Ведь порой главное просто начать: ступить на тропу, усеянную трудностями, боязливыми ожиданиями и вечными надеждами на лучшее, и двигаться вперёд к своей цели. Первые шаги, как известно, самые сложные. Нет ни устойчивости, ни опоры под ногами. Зыбкость и шаткость положения тут же обозначают твою уязвимость перед лицом неприятеля, бросающего тебе вызов. В этот момент запускается механизм, который приведёт либо к триумфальной победе, либо к сокрушительному поражению.

- Я написала рассказ! - в тот вечер с гордостью заявила Саша, прижимая к груди мятый тетрадный листок.

Её мать, Любовь Андреевна, оторвавшись от вязания, с интересом посмотрела на дочь поверх своих очков.

- Рассказ? Целый рассказ?

- Да! - не скрывая радости, заявила маленькая Александра.

- Тогда прочитай нам! Мы с удовольствием послушаем! - спокойно произнес отец, с шумом отхлёбывая из огромной красной кружки в белый мелкий горох.

И она принялась с выражением читать. Простые слова, стихийно образовавшие незамысловатые фразы, незатейливо соединялись в короткие предложения, цеплявшиеся друг за друга, как звенья длинной цепи, достаточно прочной и добротной, чтобы удержать на плаву двух взрослых людей. Людей, которые внимательно слушали и подмечали важное. Безумного восторга первое прочтение не вызвало, что было и неудивительно. Любовь Андреевна, отдававшая предпочтение адекватным реакциям на происходящее, свою дочь не только похвалила, но и указала на некоторые шероховатости, которые неизбежно присутствовали в первом произведении молодого неопытного автора. Сама же Любовь Андреевна, некогда закончившая филологический факультет с отличием, была безумно горда своей маленькой дочерью.

- Ошибки допускают абсолютно все! И это вполне нормально! Ведь именно ошибки нам помогают достичь совершенства в будущем! Поэтому, не бойся ошибаться! Не бойся работать над ошибками! И однажды твои простые слова превратятся в прекрасный узор, наполненный глубоким содержанием и великим смыслом.

Саша, с детства привыкшая к конструктивной критике со стороны родителей, восприняла оценку своей работы спокойно. Этот рассказ, каким бы он ни был, стал для Рябовой

первым кирпичиком в фундаменте её будущей профессии. К своей мечте она придёт не сразу. Путь её будет долг и извилист. Решение создавать новые миры при помощи слова не раз проверит Рябову на прочность, не раз поставит под сомнение её желание созидать и освещать сумрак светом, который так стремится вырваться изнутри. Но если бы не было взлётов и падений, как скучна и предсказуема была бы наша жизнь! Так легко было бы делать прогнозы и строить предположения, основываясь лишь на неизменчивом мире, который неизменно прогибается под нас. Ах, как, наверное, это было бы здорово!

Александра Рябова... Имя, которое было известно многим в современном литературном мире. Узнаваемый писатель. Да, именно узнаваемый. Её книги не залёживались подолгу на полках, их обложки мелькали на страницах глянцевого журналов. Имя Рябовой то и дело мелькало в списках бестселлеров. Но этот успех не был внезапным и стремительным. За успехом оглушительным громоздились годы отчаянного труда, сопровождающиеся непрерывным оттачиванием навыков и поиском идей, которые бы вызывали трепет и восторг у искушённой современной публики. Издательскому рынку требовалось нечто иное. Острота ощущений, по которой так соскучились обыватели.

Призраки... Ведь про них Саша Рябова и писала. В своих первых романах ещё не набивший руку автор наслаждался игрой с читателем, намеренно запутывая его. Используя

яркие художественные зарисовки, витиеватые обороты речи и двусмысленные фразы, Рябова уводила читателя так далеко от реальности, что тот с головой погружался в мир грез и фантазий, лишаясь почвы под ногами. Чуть позже эта игра ей изрядно наскучила. Немного подустав от бесконечного жонглирования образами, Рябова обратилась к простым и понятным основам. Реальная жизнь прописывала гораздо более суровые сценарии. Драмы, которые рождались за стенами соседских квартир, были куда страшнее, чем истории о демонах и призраках. Там, за тонкой перегородкой, порой разворачивались настоящие трагедии, в которых люди, а не потусторонние силы, ломали друг другу судьбы. Измены, предательства, финансовые крахи – вот истинные монстры, скрывающиеся в тени повседневности. Иногда достаточно было прислушаться к обрывкам фраз, доносящимся сквозь вентиляционную шахту, чтобы понять: в чьей-то семье разгорелся очередной пожар. Шёпот, переходящий в крик, затем – глухие удары, и наконец – зловещая тишина, после которой так и не знаешь, чего ждать.

- Психологизм в мистических романах нужен для того, чтобы объяснить ужас через человека и человека через ужас! – признавалась Саша своим читателям. – Самые страшные книги – это не те, где лужи крови, а те, где после прочтения у людей возникает вопрос: «А что бы сделал я? А не схожу ли я сам с ума?». Психологизм делает фантастическое реалистичным, соединяя мир обыденности с миром кошмара.

В тусклом свете лампы её ночника под мерное тиканье настенных часов и мягкое пощелкивание клавиш ноутбука рождались эти мрачные истории, пропитанные безвыходностью и отчаянием. Героями этих историй становились самые обычные люди, на чью судьбу выпадало небывалое количество испытаний. То могла быть подавленная смертью матери понурая продавщица из местного супермаркета, живущая от зарплаты до зарплаты или же молчаливый сосед, погрязшие в долгах и вот уже в который раз мечтающий свести счёты с жизнью. То могли быть маленькие дети из детского сада за углом или отчаянные школьники - задиры, которым угрожал свирепый отчим, явившийся домой после очередной попойки в гараже. Испытания со всех сторон сыпались на этих бедолаг, подкашливали их, подрывали их веру в светлое будущее и гасили истинные желания в сердцах. Мучения практически сводили на нет всё хорошее, чем когда-то была наполнена их жизнь. Линия добра истончалась, свет мерк, уступая место бесконечному сумраку. И когда эти люди, истерзанные болью и страданиями, оставались наедине с темной собственной души, являлись они - гости из мира теней и непроглядного мрака.

С небывалой требовательностью к себе, как к автору, Саша Рябова подходила к описанию этих созданий. И всегда в этих описаниях было то, отчего читатель приходил в неистовый восторг. Представляете себе ночь, настолько чёрную, что даже далёкие ясные звезды кажутся погасшими и без-

жизненными. Они живут с нами по соседству, не имея плоти и крови. Безжалостные и хладные, они - лишь воплощение глубинного страха, того, что прячется в самых темных уголках нашей души. С неумолимой жестокостью эти дети тьмы идут в наступление, когда рушится последняя опора. Тогда-то и начинается их триумфальное шествие, под несмолкающие аплодисменты озлобленных недоброжелателей. Тяжелым саваном, что душит и лишает всякой надежды, незримые существа ложатся на плечи простых обывателей, в чьих судьбах невидимая рука прописывает новую главу, где объективная реальность граничит с безумием. В размытых, порой беспредметных рассуждениях о мире призраков и полтергейстов Саша почти всегда становилась на сторону читателя. Она, как никто другой, знала, что её читатели жаждут не только историй о сверхъестественном, но и жарких споров о том, что же на самом деле происходит за гранью реальности.

Именно поэтому книги Саши пользовались таким успехом. Умело балансируя между увлекательным повествованием и провокационными вопросами, она заставляла читателя задуматься, а порой и сомневаться в собственном восприятии тех или иных вещей.

Саша не строила из себя знатока потустороннего мира. Напротив, она подчеркивала, что и сама во многом остаётся скептиком. Её открытость новым интерпретациям подкупала. Она с удовольствием цитировала научные исследования,

посвященные паранормальным явлениям, и тут же представляла противоположные точки зрения, основанные на религиозных или философских догмах. В один прекрасный момент книги Саши переставали быть просто развлекательным чтивом, они превратились в интерактивный опыт, где каждый мог почувствовать себя участником исследования, внести свой вклад в понимание сложных и загадочных явлений, и, возможно, приблизиться к разгадке главной тайны – что же нас ждет по ту сторону бытия.

Шли годы, а Саша всё ещё неслась на гребне славы по бескрайнему морю жизни. Популярность вносила свою лепту в мерное течение событий, превращая привычное в бурный поток, разбивающий остатки прошлого об острые прибрежные камни. Познавшая сладость народной любви, Рябова не могла оставаться той обыкновенной женщиной, которой она была до того, как опубликовала свою первую книгу. Она опознала блага лучшей жизни, и теперь, купаясь в лучах обожания, словно кошка, греющаяся на солнце, всем своим существом стремилась к совершенству. Её взгляд, прежде робкий и неуверенный, теперь искрился дерзостью и огнём, готовый воспламенить все вокруг. Рябова превратилась в магнит, притягивающий к себе взгляды, деньги, возможности. Блёклое скучное прошлое, словно старый, выцветший гобелен, осталось далеко позади. Впереди же ждало полотно, сотканное из шелка надежд и бархата мечтаний. То был холст, на котором кисть судьбы выписывала новый, неповторимый

узор ее дальнейшей жизни. И Саша, опьяненная этой новой реальностью, продолжала улыбаться своему отражению.

Увы, ничто не вечно под луной. Выгорание, как часть творческого пути, было неизбежно. Выгорание у автора мистики – это не просто утомление, это метафизическая засуха в душе писателя, способного плести кружева из теней и кошмаров. Вдохновение, некогда бившее ключом, превращается в тонкую струйку, едва орошающую истосковавшуюся по влаге почву воображения. Каждая попытка написать хоть что-то оборачивалась мукой, пыткой, а затем и предвкушением неминуемого провала. Рябова поникла перед лицом надвигающейся бури. Былые победы казались ей теперь лишь призрачным миражом, исчезающим в мареве знойной пустыни. От неукротимого творческого огня остались лишь искры воспоминаний и тлеющие угли надежды. Но даже эти искры, казалось, вот-вот погаснут, погребенные под грудой разочарований и сомнений. Саша отчаянно пыталась вдохнуть новую жизнь в тусклое пламя, но Муза, как капризная птица, улетела в далекие края, оставив ее наедине с пугающей тишиной творческого бесплодия.

Саша помнила тот день. Он начинался как и любой другой день в череде ее творческих будней. Солнце пробивалось сквозь неплотно задернутые шторы, принося с собой обыденный свет. После плотного завтрака Рябова уселась за свой любимый компьютер, открыла очередной вордовский файл и хотела было приступить к работе. Но картинка в её вооб-

ражении была стерильна, как операционная палата в городской муниципальной больнице. Ни единой мысли, ни единого слова.

Минуты тянулись бесконечно, плавно перетекая в такие же бесконечные часы. Рябова давным – давно привыкла к тому, что слова и сюжеты приходят во время еды или за мытьем посуды, но сейчас она чувствовала себя пациентом под общим наркозом: сознание работает, но мысли парализованы. Саша даже попыталась обмануть мозг привычным ритуалом, налив в свою любимую кружку - привидение мятный чай. Еще она переставила чуть ближе к монитору горшочек с кактусом, который ей на день рождения подарила подруга. Примета глупая, но однажды она возымела должный эффект. Однако, кактус лишь равнодушно уставился на неё, в то время, как мятный чай остывал в кружке. Рябова моргнула, надеясь, что строчки появятся сами собой, как фотографии в проявителе, но абсолютная хирургическая чистота этого пустого пространства начинала действовать на нервы.

- Творческое бессилие! – произнесла вслух Рябова, до крови прикусив нижнюю губу. – Так вот ты какое! А я – то наивно полагала, что меня настигнет томная грусть вперемишку с оголтелой усталостью. Не тут – то было!

Саша откинулась на спинку кресла и с отчаянием посмотрела в окно. Солнце нахально просачивалось сквозь шторы, требуя, чтобы она вышла на улицу и перестала мучить клавиатуру. За окном шумела газонокосилка и этот резкий мо-

нотонный звук резал слух сильнее, чем скальпель. Она снова перевела взгляд на монитор. Курсор все так же мигал, приглашая к действию. Луч солнца медленно ползал по клавиатуре, подсвечивая отдельные буквы золотым светом. Бесмысленная и пустая игра.

Много лет назад, когда Саша делала первые шаги в литературном мире, её мама предупредила об истощении ресурсов в не совсем привычном понимании этого слова. Она заявила, что бороться с творческим бессилием бесполезно. Это все равно, что выходить на бой с собственной тенью.

- Винодел не борется с виноградом, который еще не забродил. Садовник не вытягивает луковицу тюльпана зимой, чтобы проверить, почему она не цветет! – успокаивала Рябову заботливая родительница. – Период покоя – неотъемлемая часть цикла. Бесполезно бороться с зимой, потому что за ней всегда приходит весна. И если ты не станешь тратить силы на борьбу с ветряными мельницами, ты встретишь весну во всеоружии.

Но творческая зима не спешила уступать место весне. Прошла неделя. Потом вторая. Саша перестала садиться за компьютер по утрам с надеждой, как она делала раньше. Она садилась по привычке. Операционная палата ее воображения покрылась пылью. Стерильность сменилась запустением. Инструменты уже не блестели, матовый налет времени лежал на них ровным слоем. Саша думала: «Может в этой операционной никто и не умер? Может, там вообще никогда

не было пациента? Может все это просто декорация, музей, куда приводят школьников на экскурсию?» От этой мысли становилось еще тоскливее. Если нет пациента – нет драмы. Если нет драмы – нет романа.

Саша начала подозревать, что писатель в ней просто... умер. Не заснул, а именно умер. Та молодая девушка, которая строчила ночами напролет, задыхаясь от восторга, истратила свой лимит слов. Теперь осталась просто Саша Рябова. Тридцать четыре года. Рыжая женщина без профессии и без будущего. Женщина, которая сидит в своей тихой квартире и ждет, когда закончится день.

Литературный агент звонил всё чаще звонки оставались без ответа. Редактор издательства тоже отметился вежливым вопросом: «Как продвигается работа над новым романом? Мы вас планируем в план на ноябрь. Успеваете?» Саша прочитала сообщение, отложила телефон и принялась изучать стену своей спальни. Стена была бежевая, с микротрещиной возле потолка. Рябова изучила эту трещину вдоль и поперек. Детальное изучение трещины было куда интереснее чем то, что происходило у нее в голове. Там звенела пустота. И даже вдохновляющие речи родной матери не могли перебить этот звон.

- Сашуля, как поживает твой новый роман? Читатели ждут! Тебе нужно взять себя в руки! – бодрый голос матушки, который раньше вызывал у Рябовой прилив энергии, теперь рождал глухое раздражение. Саша отмахивалась, при-

думывала отговорки, обещала вот-вот начать. Но начинать было нечего. Ни идеи, ни зацепки, ни истории. Даже необходимые слова было трудно подобрать. Рябова чувствовала себя обманщицей, которая успешно вводит за нос десятки тысяч людей. Что это за писатель, который не может написать ни строчки! Это было так унижительно. Бесцельное блуждание в пустыне вдохновения, где каждая песчинка казалась насмешкой, а мираж – лишь жестоким напоминанием о потерянном оазисе, растягивалось на дни, недели и месяцы. Руки тянулись к клавиатуре, но проклятые буквы отказывались складываться в осмысленные фразы.

- Пиши, дура! Пиши! – шептал внутренний голос, полный презрения и отчаяния. Но она не писала. Александра, чьи истории про призраков сыпались на читателя, как из рога изобилия, осталась наедине с призраками собственного бессилия. Бороться с ними было абсолютно бесполезно. И Саша не боролась. Зима в природе - это время отдыха, сна и накопления сил. Но её зима была другой. То была вечная мерзлота, где под толстым слоем льда не прорастет ни один росток. И чем сильнее она вглядывалась в эту корку, тем отчетливее понимала, что стучать бесполезно. Лед либо растет сам, когда наступит подходящее время, либо застынет в её душе навечно. И тогда отпадет всякая надобность в совершенствовании.

На совершенствование практически не оставалось сил до тех пор, пока случай не свёл её с давним знакомым...

Беспричинная радость никогда не бывает беспричинной. Люди могут отрицать саму суть вещей в угоду собственному положению, но суть от этого не перестаёт быть сутью. У радости, как и у грусти всегда причина. В отдельно взятых случаях бывает и несколько причин. И порой для человека не всегда очевиден источник их радости.

Саша Рябова сидела на кухне за ноутбуком и на её лице играла улыбка, такая искренняя и заразительная, что казалось, даже пылинки, танцующие в луче солнца, подхватили её настроение. Причина её радости была проста и одновременно грандиозна: у неё появилась новая причина радоваться. Лёша Смолков принёс ей нечто эксклюзивное. Нечто, что заставило Рябову почувствовать тот самый трепет первооткрывателя. Ей пообещали возможность затронуть неизбитую тему. Нечто такое, о чём она ещё не писала.

- Ну и как тут устоять! – прошептала Саша, проводя пальцами по гладкой поверхности крышки ноутбука. Это было не просто предложение, это был вызов, приглашение шагнуть в неизведанное. Её писательская душа, жаждущая новизны, откликнулась мгновенно.

Суть истории еще не была известна, но это не мешало Рябовой радоваться. Наоборот, эта неопределённость только подогревала её воображение, поскольку в пустоте ожидания Саша уже успела нарисовать потрясающие картины того, что могло бы произойти. Живо представив себе бес-

крайние просторы для творчества, где каждая строчка могла стать откровением, а каждая метафора – ключом к новой реальности, Рябова бесконечно радовалась тому, что у неё появится возможность поведать миру новую историю. Историю, которая, возможно, сломает чью-то порочную систему ценностей, заставит задуматься над вещами более важными, или просто подарит несколько часов увлекательного чтения. Эта мысль наполняла её энергией и вдохновением. Однако, к этой неподдельной радости примешивалось кое-что ещё. Странное, щемящее чувство, тёплое, но в то же время невосомое, будто вновь разбуженное где-то в глубине. Рябова отметила про себя, что какая-то часть её души отчаянно сопротивляется этому чувству. Ведь это чувство так навязчиво указывало на источник её истинной радости. И у этого источника было вполне конкретное имя.

Лёша...

Их многое связывало. Общие друзья, любимые книги, которые они могли цитировать наизусть, выбирая нужные фразы из предложенного текста для описания своих чувств. Они вместе пережили несколько важных этапов в жизни: окончание университета, первые серьезные карьерные шаги, переезды, радости и разочарования. Казалось, что между Александрой и Лёшей существует невидимая нить, прочная и надежная, сотканная из общих воспоминаний и взаимопонимания. Но, как выяснится позже, ни Александра, ни Лёша друг о друге практически ничего не знали.

«Как такое могло произойти?» - спросите вы.

Ответ прост и очевиден. Оба избегали глубины и оба до ужаса боялись душевной близости.

Рябова с юных лет предпочитала быть в центре внимания. Судьба словно взяла за правило ставить её на перекрестке значимых событий, делая не просто зрителем, а ключевым действующим лицом. Вокруг неё всегда кипела жизнь, завязывались узлы новых сюжетов и рождались идеи, будто бы само её присутствие служило катализатором для самого интересного. Саша умела поддержать разговор на любую тему, от последних новостей до тонкостей французской литературы. Ее улыбка была обезоруживающей, а смех – заразительным. Но стоило кому-то попытаться заглянуть за этот сияющий фасад, как она тут же заводила новый разговор, отшучивалась или просто уходила в себя, оставляя собеседника в недоумении. Внутри неё таился страх – страх быть отвергнутой, страх, что если кто-то увидит её настоящую, со всеми слабостями и сомнениями, то отшатнется. Поэтому она строила вокруг себя неприступную крепость из остроумия и лёгкости, где каждый кирпичик был тщательно подогнан, чтобы не пропустить ни одной лишней мысли, ни одного лишнего чувства. Возможно, именно поэтому она так отчаянно рвалась вперед. Ей казалось, что если она остановится или замедлится, нелицеприятная правда о её истинной природе станет очевидной всем без исключения.

Алексей же был внимательным слушателем, предпочитав-

шим наблюдать со стороны. Например, он знал, что Рябова предпочитает кофе с молоком без сахара, что она нервничает перед важными встречами и что её любимый цвет – зелёный. Он знал множество таких деталей, которые складывались в пазл, но почему – то не создавали целостности картины, будто бы от него намеренно прятали тот самый главный фрагмент, без которого всё непременно разлетится вдребезги. Или же Рябова хранила этот крошечный фрагмент так глубоко, что даже сама не всегда могла до него добраться. Лёша тоже боялся открыться, потому что однажды его доверие было жестоко растоптано. Человек, которого он считал близким, использовал его слабости, как оружие. И теперь любое душевное движение напоминало ему ходьбу по минному полю: один неосторожный шаг – и снова взрыв, снова боль. С тех пор он научился держать дистанцию, и тоже строил вокруг себя невидимый барьер, который защищал его от боли, но одновременно и от настоящей близости. Он был как опытный садовник, который ухаживает за красивым цветком, но никогда не осмеливается прикоснуться к его лепесткам, боясь повредить их хрупкую красоту. Но проведение, словно в насмешку свела его с Сашей, женщиной, которая боялась ровно того же.

Так они и существовали бок о бок: два человека, идеально подходящих друг другу, чтобы стать крепкой опорой, но парализованных страхом, что именно открытость станет очередной точкой удара. Их отношения были построены на об-

щих интересах, на приятном времяпрепровождении, на взаимном уважении. Молодые люди могли часами говорить о фильмах, обсуждать последние выставки и мероприятия. Но ни разу они не говорили о своих страхах, о своих самых сокровенных мечтах, о тех моментах, когда им было по-настоящему больно или одиноко. Они обменивались лишь фрагментами отполированных версий себя, теми, которые были безопасны и предсказуемы. Конечно, такой вид взаимодействия между мужчиной и женщиной имеет место быть. Лёгкий, искрящийся, как шампанское, и, безусловно, необременительный. Встречи, наполненные смехом, спонтанными поездками за город и расплывчатыми, как акварельная роспись, обещаниями. Саша и Лёша умели создавать эту иллюзию праздника, эту игру в "здесь и сейчас", не перегружая себя мыслями о будущем. Однако, перспектива построить что-то более фундаментальное всё больше и больше съезжала с горизонта событий. Сначала это были едва заметные трещинки в идеальной картинке: Лёша, избегающий разговоров о знакомстве с родными, Саша, втайне хранящая его фотографии в телефоне. Потом – более явные признаки: редкие звонки, отговорки, внезапно возникающие дела. Они оба чувствовали, как между ними вырастает стена, сложенная из недосказанности и страха. И в какой-то момент они оба осознали, что им лучше шагать по жизни порознь. Не было громких ссор, обвинений или обид. Просто тихий, но болезненный щелчок, как будто кто-то выключил свет. Лёша

предложил остаться друзьями, Саша вяло согласилась, зная, что это лишь вежливая форма прощания.

И если за Лёшу Саша не могла сказать ничего конкретного, то за своё собственное поведение ей было невероятно стыдно. Стыдно за то, что позволила себе увлечься этой игрой, зная, что в глубине души мечтает о другом. Стыдно за то, что не хватило смелости признаться себе и ему в своих истинных желаниях. Стыдно за то, что потратила время на иллюзию, вместо того, чтобы строить настоящее. И хуже всего было даже не осознание этого факта, а понимание, что время не повернуть вспять. Все те мысли, те неловкие взгляды – всё осталось в прошлом. А ведь она могла. Могла просто подойти и рассказать о том, что было у нее на душе.

И вот сейчас, когда она ощутила эту трепетную радость, Саша вдруг остановилась и принялась корить тебя за поспешные выводы.

- Мне просто нужен сюжет для новой книги! – заверила она себя, голос звучал твердо, но в глубине души таилось сомнение. – Прошлое осталось в прошлом. Я не в силах изменить его. Эта мысль была как холодный душ, призванный погасить разгорающийся огонёк. Она знала, что не должна поддаваться, не должна позволять себе снова погрузиться в эти воспоминания, в эту сладкую боль, которая так легко могла поглотить её. То, что Алексей сам изъявил желание помочь ей с исследованием для новой книги, увы, ничего не значи-

ло. Саша знала это слишком хорошо. Лёша был из тех людей, кто всегда готов прийти на помощь, кто не может пройти мимо чужой беды или просьбы. Это лишь вежливая форма общения, не более того. Лёша своим принципам не изменяет. Всегда такой же чуткий и внимательный, как и много лет назад. Возможно, это всего лишь дежурная любезность, привычка доброго человека. Но где-то глубоко внутри, под слоем рациональных доводов и самоконтроля, шевелилось что-то другое. Саша не могла знать наверняка, к чему приведёт это неоднозначное сотрудничество. Ведь Алексей вызвался помочь, но не потребовал ничего взамен. С другой стороны, что ему могла предложить Саша? Её дилетантские познания и неуместные вопросы вводили бы всех участников этой истории в ступор. Но от чего-то Саше так хотелось вникнуть в детали этого дела! И вряд ли это было простое любопытство...

Саша уставилась на потускневший экран своего ноутбука. Прыгающий вверху страницы курсор нервировал её. В тот вечер Саша и не собиралась ничего писать. Она лишь наслаждалась предвкушением. Ведь порой предвкушение от приключения гораздо интереснее, чем само приключение. И она снова посмотрела на экран. Курсор продолжал свой безмолвный танец, словно приглашая её сделать первый шаг. Саша улыбнулась. Она не знала, что её ждёт там, за чертой сегодняшнего дня. Возможно, это будет опасно. Возможно, это будет разочарование. Но Саша почему-то была уверена,

что её новое приключение будет одним из самых запоминающихся в жизни. И она была безумно рада тому, что Алексей станет частью этого невероятного приключения.

Согласитесь, ведь никто не знает наверняка, что там за пределами возможного. И где вообще тот предел? Быть может, там обитают существа, не подчиняющиеся законам физики. Там время течёт вспять, гравитация меняет направление, а мысли материализуются по щелчку пальцев. Быть может, там за пределом можно встретить себя из прошлого или будущего, увидеть цвета, не существующие в спектре, и услышать музыку, написанную еще не рожденными композиторами. Быть может там, за пределом, невозможное окажется возможным.

Глава 3.

Жаркое лето в столице – испытание не только для приезжих, но и для самих жителей города. Горячий воздух, густой и тяжёлый, вперемешку с запахом кофе на вынос и выхлопных газов, медленно перемещается между домами в попытках найти хоть какое-то убежище от безжалостного солнца, которое в задумчивости повисло над золотыми куполами храма Христа Спасителя. Асфальт на Тверской, мягкий и липкий, проваливается под ногами, отдавая волнами зноя, искажая очертания машин и зданий. Где-то впереди, у Исторического музея, колышется марево, растворяя красные стены в текучей дымке. Летом многострадальный город содро-

гается под этим пеклом. Кондиционеры магазинов, распахнув двери, выдувают на тротуары короткие вздохи прохлады, которые тут же съедает всепоглощающая жара. В парках и в тенистых аллеях Нескучного сада, у набережной Москвы-реки народ ищет спасения на скамейках, застывая в позах, лишённых всякой грации. Дети, красные от зноя, упрямо бегут к брызгам фонтанов на Пушкинской площади, где россыпь воды, едва взметнувшись, уже кажется тёплой, почти обжигающей.

Полдень четверга пылал белым, раскалённым металлом. Утомлённая дорогой до клиники, где работал доктор Макаров, Саша ждала Алексея в тени раскидистого клёна недалеко от парадного входа. Листья шуршали над головой, отсекая назойливые лучи июльского солнца. В ушах ещё стоял гул метрополитена, а в пальцах затекших ног пульсировала усталость. Рябова закрыла глаза и попыталась собрать мысли в кучу. То, что доктор Макаров позволил ей и Алексею поприсутствовать на приёме, казалось ей событием, из ряда вон выходящим. Велико же было доверие Михаила Викторовича к Смолкову, раз он отчаялся на такой шаг. Ведь будь Саша на месте сестёр Орловых, она бы точно запротестовала, увидев кабинете двух незнакомых людей, которые норовят стать свидетелями их сокровенной тайны. Саша была так заинтригована этой историей, что буквально не находила себе места. А вдруг эти сестрёнки видели призрака? Если это так, но она непременно возьмёт в оборот этих двух юных созда-

ний. Ведь, в конце концов, Саше был нужен сюжет для новой книги. Рябова уже бросилась продумывать хитрые многоходовочки, чтобы можно быстрее завладеть вниманием Лики и Ники. В её голове рождались разные мысли: а что, если появление было связано именно с сёстрами? Ну, конечно же, так оно и есть! На глазах маленьких девочек одно несчастное божье создание совершило непростительное деяние. А что если сами девочки покажут ей этого призрака? Тогда Саша, настойчиво влезая в их жизнь, может непреднамеренно «разбудить» или привлечь это существо снова. И всё это ради искусства! Ради того, чтобы ей снова рукоплескали! Её книга станет не вымыслом, а хроникой ужаса, в которой она сама станет персонажем. Граница между автором и сюжетом начнёт стираться. Что ж, звучит как гениальный план!

Но это пока были только фантазии. Саша частенько заигрывалась с собственным воображением. Вероятно, это явилось следствием профессиональной деформации. Её фантазия и мастерство изложения мысли погружали читателя в мир невозможного и невероятного. Для Саши граница между придуманными мирами и реальностью постепенно стала истончаться. Детали обыденной жизни были лишь узорами на асфальте, а реальность стала лишь декорацией, за которой мерцал другой мир. Вскоре она заметила, что элементы её выдумок стали просачиваться вовне. Случайная фраза прохожего автоматически вписывалась в сюжет и наделялась тайным смыслом. Мир превратился в бесконечный ис-

точник символов, а сама Рябова чувствовала себя антенной, улавливающей сигнала из параллельных вселенных. Кто-то скажет, что это дар, а кто-то заявит, что проклятие. Пусть другие называют это одержимостью и подарком небес. Саше на этот счёт было всё равно. Если это и было проклятием, то она носила его добровольно, как самый дорогой талисман. Ведь только так, на грани безумия, рождались строки, от которых у читателей перехватывало дыхание.

Сейчас же Рябова надеялась на божественное благословение. Тем более, что она была не одна на этом извилистом пути. Когда-то, много лет назад, именно Алексей Смолков подтолкнул Сашу к идее писать мистические рассказы. Сам же он не воспринимал эту затею всерьёз. В то время он увлекался сверхъестественным, познавал окружающий мир при помощи экстрасенсорики и придерживался определённых взглядов на жизнь. Саша была восхищена его нестандартным мышлением. В некотором роде оно даже граничило с безумием. Магия — это неотъемлемая часть человеческой психики и культуры. Она метафорична, неустойчива и небезопасна. Опасность кроется не в самом факте существования колдовства, а в том, что человек выходит из сферы игры или культурной традиции и начинает заменять собой рациональное планирование, принятие решений и ответственность в важных сферах жизни. Так происходило со многими, кто чересчур увлекался практиками и тёмными ритуалами. Алексея тоже подхватил водоворот магии. Постоянный

поиск «знаков», «символов», «посланий» в случайных событиях приводил его к тревожности, паранойе, неспособности адекватно оценивать происходящее. Он пускался в бессмысленное отрицание всего и вся, но, тем не менее, не становился менее привлекательным для Рябовой.

Как-то в шутку Алексей предложил Саше взяться за перо, чтобы усмирить свой писательский зуд. Он не верил, что у неё получится. «Усмирить зуд» — эта фраза Алексея была ключевой. Саша действительно взялась за перо, но не для усмирения, а для высвобождения. Литературный труд не усмирил её, а лишь разжег внутренний огонь ещё сильнее. Увлечённая словом, Саша стала видеть истории во всём. С безудержным рвением она ринулась творить «судьбе назло». Это был её шанс проявить себя, разбудить в недрах то, что так давно дремало. Алексей, ожидавший получить пару неуклюжих текстов, с ужасом и восхищением наблюдал, как его шутка разбудила в Саше одержимого, гениального, незнакомого ему человека. Но с тех пор их отношения практически сошли на нет. Теперь он уже не может относиться к ней свысока, а она более не нуждается в его вере...

Алексей появился через 20 минут. Запыхавшийся и слегка смущённый опозданием, он остановился в паре шагов от молодой женщины. Его взгляд тут же упал на лёгкое батистовое платье Александры. Она поспешила выйти ему навстречу. Яркое полуденное солнце тут же принялось путаться в прядях её рыжих волос. Едва заметный ветерок резвил-

ся с подолом её платья. Цветочный принт оживал на почти невесомой ткани. Платье было простого фасона, но сидело на её фигуре с такой безупречной, небрежной точностью, что дух захватывало. Оно облегалo точеные плечи, затем, мягко ниспадая по тонкой талии, шло волнами от сквозняка вокруг стройных ног. В этом наряде не было ничего вызывающего — лишь подчеркнутая, утонченная гармония между тканью и линиями её тела. Саша, почувствовав на себе его пристальный взгляд, кокетливо улыбнулась.

- Прости, задержался, — пробормотал Алексей, с трудом отрывая взгляд от этого цветущего силуэта на фоне яркого дневного света. В его голове пронеслись две мысли: первая — что двадцать минут опоздания были ему наказанием за что-то неподобающее, а вторая — что, картина, возникшая перед его взором, - это награда в высшей степени.

- Бывает! – рассмеялась Саша.

- Пойдём же скорее! Михаил Викторович нас ждёт! Девочки уже на месте.

Они оба вошли в здание клиники, оставив за порогом душное лето. Клиника их встретила радушно, но суетливо. Но до этой суеты ни Алексею ни Александре не было никакого дела. Им важно было добраться до нужного кабинета.

Доктор Макаров медленно опустился в кожаное кресло и плавно пододвинулся к столу. Выражение его лица было максимально сосредоточенным. Приняв свою привычную позу,

Михаил Викторович глубоко вздохнул и сцепил свои изящные длинные пальцы в замок. Затем доктор обратил свой взор на всех присутствующих в кабинете. Он сначала внимательно посмотрел на Лику, затем перевёл взгляд на Нику. Алексей и Саша сидели на громоздких стульях позади близнецов. Саша то и дело вращала глазами и нервно поджимала губы, без остановки теребя ремешок кожаной сумки. Алексей же напротив, вел себя спокойно. Он, почти не моргая, смотрел на доктора Макарова, ожидая, когда последний приступит к беседе.

- Девочки! – в голосе Михаила Викторовича проскальзывали нотки торжественности. – Спасибо большое, что вы согласились на встречу! Как вижу, вы обе пребываете в добром здравии, и это не может меня не радовать! Я надеюсь, вы не будете против, если свидетелями нашего разговора станут ещё двое: это Алексей и Александра – мои давние знакомые!

Сестры Орловы одновременно обернулись назад и застыли в одинаковых позах, отчего – то растерянно уставившись на незапланированных слушателей. Саша не могла не отметить потрясающую синхронность и некую внутреннюю согласованность действий у девочек.

«Интересно, всем ли монозиготным близнецам присуща такая филигранная точность движений?» - подумала про себя Саша. «Ведь известно, что люди, похожие генетически и выросшие вместе, без слов понимают настроения и желания друг друга. Связано ли это с абсолютной эмпатией, натрени-

рованной долгими годами совместного проживания и существования? Или же нет?

Она бы так и продолжала брать интервью у своего внутреннего голоса, если бы её размышления не прервал Михаил Викторович.

- В данной ситуации я хочу, чтобы вы дали чёткий ответ: могу ли я рассчитывать на вашу благосклонность, если эти господа будут посвящены в курс нашего дела?

В кабинете повисло секундное молчание.

- Ничего страшного я в этом не вижу! – спокойно произнесла Ника, развернувшись лицом к доктору Макарову.

- И я тоже не против! – кивнула в знак согласия Лика, принимая прежнюю позицию в кресле.

- Что ж! Это замечательно! Тогда я, пожалуй, начну. Предыдущий раз, как бы это помягче сказать, от меня ускользнули кое-какие нюансы. Задача, которая стоит передо мной сегодня, прояснить некоторые моменты и прийти к определённым заключениям. Заранее прошу прощения, что вам в очередной раз придётся пережить не самый лучший момент жизни. Но не просто необходимы эти детали, чтобы помочь вам. Много времени это не займёт. Мне нужно задать всего пару вопросов.

И Лика Ника кинули головой.

- Итак, вы обе продолжаете утверждать, что видели призрака?

- Да! – громко и чётко произнесла Ника.

- В этом нет сомнений! – чуть тише, чем сестра проговорила Лика.

- Хорошо! Пусть это так! Но вот, что меня интересует. Вы видели призрака таким же, каким этот человек был 10 лет назад? Или образ этого человека как-то видоизменился?

Ника смущённо нахмурила брови:

- Что вы имеете в виду?

- Видите ли, наши воспоминания – единица непостоянная. Мозг не хранит их как файлы на жестком диске. Каждый раз, вспоминая, мы собираем пазл заново, под воздействием эмоций или усталости. Порой наши воспоминания приходят к нам в виде ссылок, которые можно редактировать и дополнять с течением времени. Некоторые воспоминания, которыми не используются, постепенно стираются из памяти, и в какой-то момент они могут бесследно исчезнуть. Другие же изменяются под воздействием определенных жизненных факторов и событий. Человек даже может сознательно выключить болезненные воспоминания. Это свойство нашей психики. Механизм выживания, если хотите. Так какой же вы запомнили Татьяну с момента вашей последней... встречи?

- Такой же, какой она была 10 лет назад! – спокойно произнесла Лика.

Доктор Макаров утвердительно кивнул головой.

- А как вы думаете, сколько лет было Татьяне Веселовой, когда вы видели её в последний раз живой?

Девочки обменялись осторожными взглядами.

- Ей было за 50! – уверенно произнесла Ника.

- Абсолютно точно! – подтвердила её слова сестра. – Мне вообще казалось, то она ровесница нашей бабушки.

- А это интересно! – на лице Михаила Викторовича появилась лёгкая ухмылка. - Маленькие дети видят взрослых гораздо старше, чем они есть на самом деле! Но, поспешу вас успокоить, в этом нет ничего удивительного, потому что мозг ребенка работает в другой системе координат. А еще сказывается отсутствие жизненного опыта и склонность детей всё преувеличивать.

Несколько секунд доктор собирался с мыслями, чтобы продолжить. Его полузакрытые веки слегка подёргивались, а тонкие, почти бесцветные губы то сжимались, то разжимались в такт какой - то неслышной никому мелодии. На мгновение он замер без движения, но затем сделал глубокий вдох и произнес:

- На момент смерти Татьяне Веселовой было 42 года.

- Ой! – почти подпрыгнула на месте Ника. Как-то неловко вышло! Но она действительно выглядела не очень, если честно.

- Не переживайте, ради бога! Сейчас это не имеет никакого значения! – поспешил успокоить девочку Михаил Викторович. – Женщина прожила нелёгкую жизнь, наполненную трагическими событиями! Горе оставляет отпечаток не только на внешности женщины. Горе — это рана. И как любая се-

рьезная рана, она заживает, оставляя шрам. Этот шрам может быть видимым на теле и лице, но он также является свидетельством пережитой боли. Это не «старость», а следствие стресса. Многие из этих изменений обратимы, когда психическое состояние улучшается, восстанавливаются сон и питание. Так бывает, поверьте мне на слово. Правда, в случае с Татьяной такого не случилось. Увы. И всё же, я вот что хочу уточнить: вы видели Татьяну в таком же состоянии, в каком она пребывала 10 лет назад, когда была жива?

- Да! – твёрдо сказала Ника.

- Совершенно точно! – согласно кивнула Лика.

- И вы обе хорошо помните ту Татьяну, которую видели в момент возгорания?

- Конечно! – четко произнесла Ника. – Я помню все в мельчайших деталях.

- Ника наблюдала весь процесс от начала до конца! – почти шепотом проговорила Лика.

- Что ты имеешь в виду? – поинтересовался доктор Марков.

- Дело в том, что я отвернулась, как только увидела, что у Татьяны загорелись волосы на голове. Не могу объяснить, почему я это сделала, так получилось. Ника же продолжала смотреть, хоть я уговаривала её закрыть глаза или убежать, но она будто не слышала меня.

- Вы обе испытали шок. Это неудивительно! Но давайте вернемся к настоящему. Мне всегда было интересно, как лю-

ди понимают, что перед ними сгусток потусторонней энергии, то есть привидение. Бытует мнение, что человек видит призрака либо как полупрозрачную или теневую фигуру. Часто в данном процессе задействовано периферическое зрение. Затем человек ощущает присутствие через холод или звуки. Например, очень низкие частоты вызывают у человека чувство тревоги и паники, иногда вибрации глазных яблок, создавая иллюзию движения теней. Я хочу, чтобы вы как можно подробнее описали то, каким образом вы зафиксировали момент появления потустороннего объекта. Что насчет тебя, Ника?

Юная девушка, что было мочи, вжалась в кресло.

- Холода я не чувствовала. Скорее наоборот, мне стало жарко.

- Ты первая заметила, что в комнате есть кто – то еще? – Михаил Викторович не сводил с нее глаз.

- Да! – сухо констатировала Ника.

- А ощущение жара возникло до того момента, как ты увидела призрак или после?

- Скорее после.

- Хорошо. А теперь ты, Лика! Пожалуйста, опиши свои ощущения?

- Мне тоже стало жарко. Как будто что – то загорелось внутри. Но почему вы спрашиваете?

- В этом вопросе нет подоплека. То, что вы обе почувствовали, - это обычная реакция на страх. Эту реакцию вызы-

вают гормоны стресса адреналин и норадреналин. Возможно, подобная реакция является индивидуальной особенностью вегетативной нервной системы на источник страха. Видите ли, в состоянии повышенной тревожности мы видим не объективную реальность, а её опасную версию, смонтированную нашим мозгом. Страх не просто влияет на наше восприятие, но и кардинально меняет его. Возникает ощущение искажения времени, слуховые и зрительные галлюцинации, тактильные иллюзии, ложные воспоминания. Поэтому я так дотошно выпытываю у вас детали. Скажите, в какой одежде была Татьяна, когда вы виделись... в последний раз? И была ли вообще эта одежда? Ведь призраков иногда видят, окутанных невесомой дымкой... Каким вы запомнили призрака Татьяны Веселовой?

Обе девочки застыли без движения в креслах, погрузившись в пучину своих воспоминаний. Пылинки, танцующие в луче полуденного солнца, проникающего сквозь полуоткрытое окно в кабинет, замерли в невесомом танце. Тишина, давящая на перепонки, повисла над всеми присутствующими, заглушая даже биение сердца.

Первой молчание прервала Лица, при этом она выглядела испуганной и растерянной:

- Она была в каком-то старом платье. Я если честно не особо помню, но не...

Её сестра не дала ей закончить мысль. Будто бы вынырнув на поверхность мутного тёмного озера после долгого пребы-

вания под водой, Ника выпалила:

- Нет! Она была не в старом платье! На ней было модное бирюзовое платье!

Лица с неподдельным ужасом в глазах уставилась на сестру. Михаил Викторович поочерёдно смотрел то на одну девочку, то на вторую, мысленно фиксируя малейшие изменения в выражении их лиц.

- Да-да! – неистово закивала головой Ника. – Когда мы увидели её в доме, ну когда она была призраком, на ней было красивое бирюзовое платье!

- Которое потом сгорело на ней, как ты утверждала ранее? – Михаил Викторович прищурился, прижав подбородок к шее.

- Да, конечно! – продолжал Ника. Её огромные голубые глаза прояснились и, казалось, стали светлее на один тон. – Я имела в виду, что она вся сгорела, не только платье. Полыхнула как факел!

- Так и было! – вдруг громко выкрикнула Лица. Она почти вскочила с кресла, вонзив свои тонкие пальчиками в подлокотники. – Вот что значит – память обманывает! Теперь я это вспомнила! Да-да, бирюзовое платье!

Она вновь посмотрела на сестру, утвердительно кивая головой и часто хлопая ресницами, тяжёлыми от большого количества чёрной туши, нанесённой на них.

Алексей осторожно коснулся руки Саши. Та вздрогнула от неожиданного прикосновения и медленно повернула го-

лову в его сторону. Беззвучное «что» застыло на её губах. Алексей взглядом указал на Лику, которая в тот момент сидела на краешке кожаного кресла, словно птичка на тонкой жёрдочке. В ответ Саша едва заметно кивнула головой. Женщина устремила свой взгляд на доктора Макарова. Его пронизательные голубые глаза были сосредоточены на Лике.

- Но знаете, - продолжала Ника. - Ее лицо было таким чётким и таким... настоящим. И таким красивым. А еще ее губы были покрашены красной помадой.

- Замечательно! - Макаров на мгновение отвлекся от Лики. Та с облегчением выдохнула. - Ты могла на ком -нибудь до той встречи видеть красную помаду? Быть может, по дороге в Зеленково ты обратила внимание на яркую эффектную женщину, которая любит приводить себя в порядок?

- Нет, - покачала головой Ника. - Не могу подобного припомнить.

- А ты, Лика? Ты помнишь, что призрак Татьяны отличился броским макияжем губ?

- Разумеется! - согласилась девушка.

- И это тебе не показалось странным?

- В тот момент нет. А позже я об этом и не думала. Но на красную помаду нельзя было не обратить внимание!

- Да! - спокойным тоном произнес Михаил Викторович. - Как интересно устроен наш мозг! Иногда можно заплутать в хитросплетениях наших воспоминаний. Но именно детали важны. Детали того, что несколько человек наблюдали одно-

временно какое-то время назад. Нет «нейтрального» взгляда на вещи. Мы всегда смотрим на мир из конкретной точки нашего тела, нашей биографии, нашей культуры. Объективная реальность (если она существует) всегда преломляется через субъективный опыт. Это не значит, что реальности нет. Это значит, что у нас нет к ней прямого доступа, только через личный «интерфейс». Признание этого факта — основа настоящего понимания других. Если я знаю, что мое восприятие не истина в последней инстанции, а лишь моя версия, я с большим уважением и любопытством отнесусь к версии другого человека. Конфликты часто возникают именно из-за убеждения, что «я вижу мир правильно, а ты — нет». Но это всё моя личная философия. Давайте всё-таки вернёмся к делу. Скажите, пожалуйста, кто ещё был в курсе вашей поездки в Зеленково? Вероятно, вы поделились своими планами с одноклассниками и кто-то, воспользовавшись ситуацией, просто-напросто решил вас разыграть?

- Нет, мы никому не говорили! – покачала головой Ника.

- Совершенно верно! – согласилась с ответом сестры Ника. – Мы даже с родителями не обсуждали это. Боюсь, что они не поняли бы нашего Мотива. Ведь столько лет они таскали нас по психологам, чтобы мы «проработали травму» и забыли всё раз и навсегда. А тут... Нет они бы точно не одобрили такой затеи.

- И то правда! – усмехнулся Михаил Викторович. – Вряд ли бы их порадовала такая перспектива. Но я это спраши-

ваю не из праздного любопытство, а чтобы исключить определённые варианты развития событий! Как видите, я исключаю эти варианты.

Изящной кистью правой руки доктор Макаров будто бы смахнул со стола невидимые предметы, тем самым демонстрирую своё отношение к вышесказанному. Затем он вновь сцепил пальцы руку в замок и продолжил:

- Вы обе отмечали, что чувствовали определённый запах в доме, хотя источника этого запаха на тот момент в помещении не было. Запахи – это своеобразные ольфакторные якоря. Связь между эмоциями, ощущениями тела. Они помогают вспомнить то, что было вытеснено, забыто, задавлено. Обонятельный нерв передает сигнал напрямую в лимбическую систему мозга – туда, где живут эмоции, память и инстинкты. Вы чувствуете запах и сразу же испытываете эмоцию или проживаете воспоминания, даже не успев осознать, чем пахнет. В связи с этим у меня назрел очередной вопрос: как часто до того самого дня вы ощущали запах, который, боюсь, до конца жизни будет у вас ассоциироваться с определённым событием?

- Да, я часто ощущаю этот запах! – призналась Ника. – Особенно, когда мне страшно. Этот запах возникает из ниоткуда, но он всегда одинаковый. Без примесей.

- А у тебя, Лика? – спросил Михаил Викторович.

- То же самое! – беспристрастно ответила юная девушка.
- Я никогда не забуду этот запах и ни с чем его не спутаю.

Он свербит в носу и вызывает... Тошноту.

- Что ж! Охотно верю! Неприятные запахи вызывают стойкие негативные ассоциации потому, что наш мозг эволюционно запрограммирован на это. Это система быстрого реагирования на опасность, «записанная» в самые древние и консервативные отделы мозга. Такая ассоциация формируется мгновенно, без нашего сознательного участия, и стирается с огромным трудом, выполняя свою главную задачу — обеспечить выживание. Мозг буквально «вшивает» негативную эмоцию и контекст в память намеренно и надолго, чтобы в будущем максимально быстро избежать подобной угрозы.

- Да! Дела! – задумчиво потянула Лика.

- Нам стоит почитать об этих вещах! – тут же заключила Ника.

- У вас определённно будет на это время! – улыбнулся доктор Макаров. - А что конкретно вам сказала Татьяна или, точнее будет выразиться, призрак Татьяны перед тем, как устроить файер-шоу в вашем присутствии?

Ника уставилась в пол и медленно принялась водить головой в разные стороны. Лика подняла глаза на доктора Макарова и почти беззвучно просипела:

- Она сказала, что рада нас видеть. Снова.

Ника отрешённо взглянула на сестру, а затем молвила:

- Я не помню этого слова. Я не помню, чтобы она говорила слово «снова». Ведь в тот момент волосы уже горели на её голове...

Алексей крепко сжал руку Саши, но молодая женщина на это никак не отреагировала. В ее голове набатом звучало одно единственное слово. Слово, которое давало возможность взглянуть на вещи с другой стороны.

Саша привыкла предавать особое значение словам, ведь зачастую это не просто внимательность, а глубокий аналитический навык. Это умение читать между строк, слушать музыку текста и слышать не только ноты, но и понимать, что истинное сообщение кодируется не в самих словах, а в пространстве между ними, которое и создает контекст. В определенном положении слово может сказать гораздо больше, чем, нежели оно будет употреблено само по себе, отдельно от текста. В данном случае контекст сыграл немаловажную роль и подтолкнул ее одной интересной мысли. Впрочем, так же мысль проскользнула и у Алексея.

И всё же отсутствие нужной информации всегда угнетает. Мозг, настроенный на решение задачи, то и дело натывается на звенящую пустоту. Мыслительная модель не может быть четко выстроена, а картина мира остаётся фрагментарной и неясной. Это вызывает чувство беспомощности и фрустрации, похожее на попытку собрать пазл с недостающими деталями. Сомнения в головах этих двух молодых людей множились, как тени в сумерках. Каждый новый факт не прояснял картину, а лишь добавлял новых вопросов. Пазл не складывался, ключевые фрагменты намертво скрывались в тумане незнания. С этой пустотой нужно определённно что-то

решать. И, похоже, они знали, что конкретно нужно делать.

Наконец пришла пора поговорить о ключевой фигуре в этой истории. Речь пойдёт о женщине, чья судьба не оставит никого равнодушным.

Татьяна Веселова не знала, что такое счастье. Это слово, такое лёгкое и звонкое, казалось ей чем-то далеким, как звёзды на ночном небе – красивым, но недостижимым. Она была сиротой, девочкой, которой всегда не доставало любви и ласки. В детский дом маленькая Таня попала в возрасте трех лет, когда мир для неё ещё только начинал обретать очертания. Её воспоминания о первых годах жизни были неясными и расплывчатыми, как утренний туман над рекой. Были обрывки запахов: мамин запах, этот теплый и сладкий аромат, и запах больницы, резкий и стерильный. Были ощущения – мягкость одеяла, нежность рук, которые держали её, и вдруг - внезапный холод одиночества. Но ни одного чёткого образа, ни одного лица, которое бы ассоциировалось с безмятежностью и защищённостью.

Детский дом встретил Таню гулом голосов, скрипом кроватей и нервирующим мельтешением. Это был мир, где все было общее – игрушки, одежда, даже внимание воспитателей, которое, казалось, делилось на всех поровну, но никому не доставалось в полной мере. Таня была тихой девочкой, с

большими, грустными глазами, которые, казалось, впитали в себя всю печаль мира. Она не устраивала истерик, не требовала лишнего. Она просто существовала. Её дни текли размеренно, как вода по желобу. Утро – подъём, завтрак, занятия. День – игры во дворе, чтение книг, помощь воспитателям. Вечер – ужин, подготовка ко сну. Но в этой размеренности не было радости, была лишь привычка, рутина, которая заполняла пустоту. В школьные годы ситуация несколько не улучшилось, отношения со сверстниками были напряжёнными. Каждый день был битвой. Стоило ей открыть рот, как тут же находился кто-то, готовый перевернуть её слова с ног на голову, выставить в нелепом свете или просто отпустить едкий комментарий, который, словно острый осколок, впивался в душу. Таня научилась молчать, но даже молчание не спасало. Девочку просто игнорировали, или, что ещё хуже, использовали её молчание как повод для новых нападок.

- Танька, ты опять в своем сказочном мире витаешь? – звучал насмешливый голос Лены, самой бойкой и язвительной в их классе. Рядом с ней стояла её свита, готовая подхватить любую шутку, направленную против Тани.

Таня лишь больше съёживалась, словно пытаясь стать ещё меньше, ещё незаметнее, но это было бесполезно. Ее присутствие само по себе было раздражающим фактором для большинства.

- Смотрите, наша принцесса опять задумалась о вечном! – добавила Катя, другая из "группы поддержки" Лены. Смех

прокатился по классной комнате, как стихийная волна, захлестывая Таню с головой.

Таня никому не могла доверять. Каждый норовил задеть за больное или вовсе подставить её. Стоило ей поделиться чем-то личным, как эта информация тут же становилась достоянием общественности, искажённая и преподнесенная в самом не привлекательном свете. Однажды она рассказала подруге, с которой, как ей казалось, у неё сложились тёплые отношения, о своей мечте стать художницей. Через неделю весь класс знал, что Таня "рисует всякую ерунду" и "воображает себя гением".

Про отношения с мальчиками и говорить не стоит. Дела в этой сфере обстояли хуже некуда. Долговязая девушка с гривой непослушных и неухоженных светлых волос и большими инопланетными глазами цвета осеннего неба, всегда чувствовала себя немного не в своей тарелке, когда речь заходила о романтике. Любые попытки построить что-то более-менее стабильное с представителями противоположного пола напоминали попытку приручить дикого коня. Страстно, но обречённо. Ситуация обострялась до предела, когда Татьяна ненароком влюблялась. И как назло, это всегда был персонаж яркий, неординарный, любящий быть в центре внимания. Такие, как магнит, притягивали её взгляд и заставляли сердце биться чаще. Татьяна создавала культ из объекта своего обожания. Она тут же кидались изучать его любимые книги, слушала музыку, которую тот рекомендовал друзьям,

даже пыталась подражать его манере говорить. Каждое случайно брошенное в её сторону слово становились для неё событием вселенского масштаба. Таня выстраивала в своей голове целые диалоги, репетировала фразы, которые хотела бы ему сказать, и представляла, как объект её обожания, наконец, заметит её, такую обычную, робкую и застенчивую.

Её мечты были такими же яркими и недоступными, как звёзды на полотне ночного неба. Она представляла себе не просто парней, а настоящих рыцарей, которые бы увидели в ней не серую мышку, а ту, что скрывает в себе пламя. Но реальность была куда прозаичнее. Яркие мальчишки, с их самоуверенными улыбками и громким смехом, предпочитали таких же ярких девчонок – тех, кто умел флиртовать, смеяться над их шутками и всегда был в центре внимания. Но, как ни странно, Татьяна на себе подобного внимания не ощущала. Её не привлекали те, кто легко доставался, кто был предсказуем и понятен. Её манила искра, та самая, что зажигается в глазах, когда сталкиваешься с чем-то новым, неизведанным. Её будоражила недоступность. Задачи со звёздочкой в отношении парней – вот что по-настоящему захватывало её воображение, однако решения для этих задач она так и не находила.

Молодость, юная и беззаботная, имеет свойство очень быстро заканчиваться. Тот момент жизни, когда пора розовых единорогов и пони подошла к концу, а период зрелости ещё не настал, чувство одиночества и бесполезности сдавли-

вало её внутренности с максимальной силой. Татьяна к тридцати девяти годам так и не смогла выстроить здоровые, крепкие отношения. Каждый раз, когда она встречала кого-то, кто казался ей "тем самым", её сердце наполнялось надеждой. Она, как ей казалось, вкладывала всю себя в эти отношения, при этом не забывая строить воздушные замки, дорисовывая в воображении будущее, которое не имело под собой никакого основания в настоящем. Сложности! Сложности были абсолютно во всём! Но, как бы не закаляли препятствия, желаемых результатов Татьяна так и не добивалась. В большинстве случаев она обнаруживала себя либо в плену своих иллюзий, либо у разбитого корыта. Её знакомые (настоящими подругами она так и не обзавелась), одна за другой, выходили замуж, создавали семьи, рожали детей. Они лишь вскользь делились историями о своих мужьях, о семейных радостях и трудностях, о том, как они вместе преодолевают преграды. Татьяна слушала их, улыбалась, но внутри неё росла пустота. Она чувствовала себя вечным изгоем среди всех прочих, словно невидимая стена отделяла её от мира счастливых неразлучных пар.

Но нужно было отдать Татьяне должное: она не опускала руки и пробовала разные подходы в "борьбе" за своё счастье. Она то вдруг становилась навязчивой, то, наоборот, холодной и отстраненной. Временами Татьяна пыталась приблизиться к некому незримому идеалу, угождала всем и каждому. Но все эти манипуляции лишь отдаляли её от истинного

счастья. Она не видела опоры ни в себе, ни в потенциальных партнёрах. Мужчины, которых она выбирала, часто оказывались не готовыми к серьёзным отношениям, или же просто не видели в ней той единственной, которую искали. А быть может, не рассматривали Татьяну и вовсе в этой ипостаси. В конце концов "счастье" улыбнулось Татьяне. Это была не та яркая, ослепительная улыбка, которую она видела на обложках глянцевого журналов, а скорее бесцветная и несколько наружная. Татьяна, чьи надежды на скорое замужество таяли с каждым годом, как снег под весенним солнцем, чётко осознавала, что её короткий век невесты, возможно, уже на исходе. В какой – то момент она перестала барахтаться в море собственных иллюзий. Это было похоже на попытку удержаться на плаву в бушующем океане, когда каждая малюсенькая волна сомнений и разочарований грозила утянуть её на дно. Она всегда мечтала о большой, всепоглощающей любви, о том самом единственном, кто увидит в ней не просто женщину, а целую вселенную. Но годы шли, а вселенная Татьяны оставалась пустыней, населенной лишь призраками несбывшихся надежд. Как-то раз, в один из серых, промозглых вечеров, когда дождь барабанил по стеклу, словно напоминая о быстротечности времени, Татьяна просто взглянула на себя в зеркало. И увидела. Увидела не юную девушку с горящими глазами, которая верила в сказки, а женщину, чья молодость начала уступать место неизбежному увяданию. Морщинки у глаз стали глубже, кожа потеряла бы-

люю упругость, а в волосах пробивалась первая седина. Она и раньше не была похожа на майскую розу, а скорее считала себя скромным полевым цветком. А сейчас бледные, увядающие лепестки этого цветка и вовсе готовы были опасть. Перспектива остаться одной без плеча, на которое можно опереться, удручала её до глубины души. Тревожные мысли утаскивали её в настоящую депрессию, которая медленно, но верно высасывала из неё последние силы. Все казалось бессмысленным, обреченным на вечные страдания.

Олег... Он был не молод, не красив в общепринятом смысле слова, не обладал ни блестящим умом, ни богатством. Он был обычным, даже немного скучным. Он был ненадежным, но слыл добрым и податливым. Эти качества и подкупили Татьяну. Поразмыслив немного над своим положением, Веселова пришла к выводу, что Олег не такая уж и плохая партия для неё. Да, это был не тот выбор, о котором она мечтала в юности, не тот вихрь страстей, который она представляла. И вряд ли то был выбор разума. Выбор Олега в качестве спутника жизни был продиктован не столько желанием, сколько страхом одиночества. В тот момент, когда зеркало так беспристрастно явило ей правду, а отчаяние заставило взглянуть на реальность без розовых очков, Олег показался ей не просто неплохой партией, а единственным, кто мог предложить ей хоть какую-то стабильность. Хотя эта стабильность и была мнимой, Татьяна уверилась в правильности своего выбора. Ведь иногда, чтобы выжить, нужно отка-

заться от мечты.

Однако, Олег оказался далёк даже от того мнимого идеала, который себе придумала Татьяна. После свадьбы они поселились в Зеленково. Дом в подмосковном посёлке принадлежал покойной матери Олега. Это был старенький дом, с облупившейся краской и скрипучими полами, но для Татьяны это было их первое совместное гнездышко. Женщина с энтузиазмом принялась за обустройство, мечтая превратить его в уютный семейный очаг. Татьяна устроилась в почтовое отделение рядом со станцией. Работа была несложная, но стабильная, и она старалась относиться к ней с должным усердием. Каждый день, перебирая письма и посылки, она думала о том, как Олег скоро найдет хорошую работу, и они смогут позволить себе большее. Но Олег продолжал болтаться без дела, перебиваясь случайными заработками. То он помогал соседям по даче, то брался за мелкий ремонт, то просто проводил дни в компании таких же бездельников, обсуждая глобальные проблемы и строя грандиозные, но никогда не воплощающиеся в жизнь планы. Деньги, которые приносила Татьяна, быстро таяли, а Олег лишь разводил руками, сетуя на несправедливость жизни и отсутствие возможностей.

Татьяна старалась не унывать. Она готовила вкусные ужины, поддерживала дом в чистоте, пыталась скрасить их скромный быт, но с каждым днем её надежды таяли, как пломбир на подоконнике в жаркий летний день. Олег не проявлял инициативы, не стремился к развитию, его мечты оста-

вались лишь мечтами, а реальность Татьяны становилась всё более серой и унылой. В такой безрадостной стабильности они прожили почти год. Год, который казался бесконечной чередой серых будней, где каждый день повторял предыдущий с пугающей точностью. Именно в этот период, когда серость казалась незыблемой, Татьяна узнала, что она беременна. Новость обрушилась на нее как гром среди ясного неба, смешав в душе бурю эмоций. Радость, чистая и светлая, боролась с глухим страхом. Внутри неё зарождалась новая жизнь. Оказывается, её тело всё ещё было способно на такое чудо. Но страх! Страх диктовал свои условия.

Во-первых, возраст. По меркам окружающих, да и по собственным ощущениям, Татьяна уже была древней старухой. Сорок лет – солидный возраст для первого материнства. Так шептали знакомые доброжелатели, пытаясь заставить Татьяну отказаться от своей безумной мечты. Во-вторых, финансовое положение. Супруги жили небогато. Олег, к слову, не проявлял особого энтузиазма по поводу грядущего пополнения в семье. Его образ жизни оставлял желать лучшего, и Татьяна понимала, что забота о ребёнке целиком и полностью ляжет на её плечи. Человек, которого она выбрала в спутники, не был готов к переменам, к ответственности, которая неизбежно придёт с рождением ребенка. Но, несмотря на все сложности Татьяна, родила дочку. Маленькую, хрупкую, с крошечными пальчиками. Когда Татьяна впервые взяла её на руки, все страхи отступили. В глазах новорожден-

ной дочери она увидела не осуждение, не сомнения, а безграничную любовь и доверие. И в этот момент, держа на руках свое самое большое чудо, Татьяна поняла, что никакая безрадостная стабильность не сможет омрачить свет её материнства. Впереди были трудности, но теперь у неё была цель, была причина бороться.

Первые дни были наполнены нежностью и трепетной заботой. Татьяна, забыв обо всем на свете, посвятила себя своей дочери. Она кормила её, укачивала, шептала на ушко ласковые слова. Нина, так Татьяна назвала свою дочь, казалась идеальным ребенком – спокойная, тихая, словно понимающая всю хрупкость своего существования. В эти дни время будто бы остановилось. Мир сузился до размеров детской кроватки, то мерного ритма тикающих часов и посапывания маленького сверточка в пеленках. Татьяна ловила каждое движение дочери, каждое изменение в выражении ее крошечного личика. Ей казалось, что они до сих пор одно целое, только теперь пуповину заменила бесконечная нить нежности, протянувшаяся от сердца к сердцу.

Но идиллии очень скоро пришел конец. Ниночка прожила всего лишь месяц. В один из вечеров, когда Татьяна, убаюкав Нину, готовилась ко сну, она подошла к кроватке и почувствовала, что дыхание дочери стало совсем слабым. Тревога, словно ледяная рука, сжала её сердце, но было уже поздно. Крохотное сердечко маленькой девочки остановилось навсегда. Врачи, приехавшие на вызов, были растеряны.

- Синдром внезапной детской смерти, – прозвучал вердикт. Это было сродни насмешки над их бессилием. – Нужно проводить вскрытие! – произнёс врач скорой помощи, разводя руками, словно пытаясь смыть с себя ответственность.

Причин детской смертности много. Это и генетические аномалии, и инфекции, и несчастные случаи, и социальные факторы. Но иногда, когда смотришь на хрупкое существо, которое борется за каждый вздох, кажется, что сама жизнь выбирает самых слабых, чтобы проверить их на прочность. Ниночка была именно таким ребенком. С самого рождения Нина была слабенькой. Ее кожа была прозрачной, сквозь нее просвечивали тонкие вены. Глаза, огромные и темные, казалось, несли в себе всю тяжесть мира. Она редко плакала, скорее тихонько стонала, словно ей было больно просто существовать.

Татьяна не игнорировала тревожные симптомы в отношении здоровья своей новорожденной дочери. Она делала всё, что возможно, всё, что было в её силах. Однако, как оказалось, этого было недостаточно. Вина ли себя Татьяна за случившееся? Конечно, вина! Для Татьяны это было не просто горе, это было крушение всего мира. Её хрупкий цветок, который она так бережно пыталась взрастить, увял, не успев расцвести. Боль была невыносимой, она просто разрывала её изнутри. Каждый уголок дома напоминал о Нине: крошечная кроватка, маленькие вещички, даже тишина, которая теперь царила в этой пустой обители, казалась оглу-

шительной.

Известие о смерти родной дочери Олег воспринял холодно и в какой-то степени безразлично. В ночь он бесшумно пробрался на кухню, после долгого скитания по поселку в попытках оправдать свое безделье. Его поступь была тихой, почти неслышной, и изо всех сил он пытался не смотреть на супругу. Татьяна ожидала чего угодно: слов утешения, объятий, даже крика, но Олег просто подошел к холодильнику, открыл его и принялся искать что-то съедобное.

- Олег, – прошептала Татьяна. Её голос дрожал.

Он обернулся, в его глазах не было ни тени скорби, ни следа понимания, только лёгкое раздражение.

- Что? – спросил он, как будто жена прервала его важные размышления.

- Нина... – начала она, но слова застряли в горле.

- Да, я знаю! – перебил он. Его тон был ровным, почти деловым. - Мне уже сказали.

О смерти дочери Олегу сообщила соседка Татьяны, после того, как тело девочки забрали в морг.

- Сказали? – Татьяна не могла поверить своим ушам. - Олег, это наша дочь! Наша Ниночка!

Он пожал плечами.

- Ну и что? Это случилось. Теперь надо как-то жить дальше.

- Жить дальше? – Татьяна почувствовала, как внутри неё поднимается волна ярости, смешанная с отчаянием. - Как

мы можем жить дальше, когда её больше нет? Ты хоть понимаешь, что произошло?

Олег отвернулся и снова уставился в окно.

- Я понимаю, что ты сейчас в истерике. И я не знаю, что с этим делать. Мне завтра нужно идти на работу.

- Идти на работу? – Татьяна вскочила со стула. - Ты собираешься идти на работу после того, как наша дочь умерла? Ха! В любое другое время тебя из дома не выгонишь, а тут ты на работу засобирался?

- А что мне еще делать? – он повернулся к ней, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на недоумение. - Я не могу сидеть здесь и рыдать. Это не поможет.

- Не поможет?! – крикнула Татьяна. Её голос сорвался. - А сделал ли ты хоть раз что-нибудь, чтобы помочь мне?

Олег вздохнул так, как будто разговаривал с капризным ребенком.

- Таня, я не могу выражать свои чувства так бурно, но это вовсе не значит, что мне все равно.

- Мне все равно, что ты не можешь! – Татьяна чувствовала, как её сердце сжимается от боли. - Мне нужно, чтобы ты был рядом! Мне нужно, чтобы ты меня поддержал!

Но Олег уже направлялся к двери.

- Я вернусь завтра утром. Постарайся успокоиться.

И он ушел. Оставил её одну, в тишине, наполненной лишь стуком дождя и её собственными рыданиями. Татьяна упала на стул, её тело сотрясилось от беззвучных всхлипов. Олег не

вернулся ни утром следующего дня, ни на следующей неделе. За всё это время не поступило ни одного телефонного звонка, ни единого сообщения о его состоянии и местонахождении. А объявился он лишь месяц спустя, сообщив Татьяне, что уходит к другой женщине.

- Дом я оставляю тебе. Мне эта халупа даром не нужна, а тебе где-то нужно жить. Пойми меня, не всякий может пережить и выдержать ужасное горе, что обрушилась на нас. Вот я не смог. И да, нам нужно официально развестись. Женщина, с которой я сейчас в отношениях, ждёт от меня ребёнка.

- И как давно ты в отношениях с этой женщиной? - без особых эмоций спросила Татьяна. Голос звучал ровно, почти отстраненно, словно она говорила о погоде, как будто в глубине душе она подозревала о чём-то подобном.

- Почти 2 месяца!

- Два месяца! Почему-то я этому несколько не удивлена! - буркнула Татьяна, уставившись в занавешенное окно гостиной.

Олег опустил глаза. Он явно не ожидал такой реакции. Думал, Татьяна будет плакать, умолять его остаться. Но жена восприняла известие о расставании с равнодушным, граничившим с безразличием.

- Я... Я не знаю, Таня. Просто... так получилось.

"Так получилось," - эхом отозвалось в голове Татьяны. Как будто это была случайность, как будто он споткнулся и упал в чужую постель.

- Уходи, Олег, - тихо сказала она. – Уходи и больше никогда не возвращайся.

Олег облегченно вздохнул. Он ждал скандала, истерики, но получил лишь холодное отторжение. Он быстро собрал свои вещи, бросив напоследок:

- Я позвоню по поводу развода.

Входная дверь с грохотом захлопнулась за ним, и Татьяна осталась одна в пустом доме, пропитанным воспоминаниями, которые теперь казались ей грязными и фальшивыми. Ярость, которую бедняга так долго сдерживала, наконец-то вырвалась наружу. В неистовстве она схватила со стола вазу, подарок Олега на свадьбу, и швырнула её о стену. Осколки разлетелись по всей комнате. Но это были не просто осколки вазы, то были осколки её разбитого сердца. Татьяна опустилась на стул, закрыла лицо руками и зарыдала. Не от жалости к себе, а от злости. Злилась она не на Олега, на не его предательство и подлую трусость. Татьяна проклинала себя за то, что так слепо верила ему.

Хрупкий мир Татьяны рассыпался на миллионы мелких частиц. Медленно, но верно она погружалась во мрак собственной души. И это была не депрессия, а настоящее, осязаемое затмение, поглотившее все краски и звуки жизни. Несчастливая женщина оборвала все социальные контакты с внешним миром, словно отрезав себя от всего, что могло бы напомнить ей о прежней жизни. Телефон превратился в

молчаливого свидетеля её изоляции. Работа в почтовом отделении, и без того муторная и монотонная, превратилась в вязкую рутину, в механическое выполнение обязанностей. Татьяна ходила туда лишь для того, чтобы получать жалование и не умереть с голоду. Само это слово "голод" стало для неё чем-то большим, чем просто физическая потребность. То была метафора, отражающая пустоту, которую Татьяна не в силах была ничем заполнить. И всё же это пустота родила навязчивое желание - желание исчезнуть, раствориться, перестать чувствовать эту невыносимую боль. Каждый день был похож на предыдущий. Теплое утро встречало её не солнечным светом, а тяжёлым, давящим ощущением безысходности. Превозмогая физическую усталость, Татьяна вставала, одевалась, шла на работу, выполняла свои обязанности, возвращалась домой. И так изо дня в день всё повторялось по кругу. Татьяна перестала смотреть в зеркало, ибо боялась увидеть свое отражение. Она страшилась увидеть забытую всеми женщину, покинутую и обездоленную, не сумевшую совладать с бурным потоком жизни. Ощущения менялись не в лучшую сторону. Еда стала безвкусной, сон – беспокойным, а тишина – оглушительной. Соседи, коллеги по работе, знакомые... Они сочувствовали, конечно. Кивали головами, вздыхали, говорили дежурные фразы. Но в их глазах читалось скорее вялое любопытство, чем искреннее сопереживание. Татьяна чувствовала себя экспонатом под микроскопом, объектом для пересудов и сплетен. Вот такая она

неудачница! Не жизнь, а лишь бледное её подобие!

Единственным лучом света в этом мрачном царстве отчаяния была Галина Сергеевна Рахманова, соседка, пожилая женщина с добрыми, лучистыми глазами и морщинками, избороздившими лицо. Она была робким свидетелем всей этой драмы, которую с натяжкой можно было назвать браком. Галина Сергеевна, конечно же, всё понимала. Для неё, как для человека познавшего эту жизнь во всех её проявлениях, подобного рода вещи казались очевидными. Галина Сергеевна оказалось человеком чутким, не имеющим привычки лезть с расспросами и бередить и без того истерзанную душу. Она просто была рядом. Молча поливала цветы у Татьяны, когда та не могла заставить себя выйти из дома. Приносила свежеиспеченные пирожки с яблоками, от которых пахло теплом и уютом. И просто сидела рядом на скамейке, слушая тишину, которая давила на Татьяну, словно бетонная плита.

Однажды, когда Татьяна, не выдержав, разрыдалась, Галина Сергеевна обняла её крепко, по-матерински.

– Понимаю, дочка, понимаю, – прошептала она, глядя Татьяну по волосам. – Сама через это прошла...

И тогда Татьяна узнала историю Галины Сергеевны. Тягостную историю о позднем браке и двух замерших беременностях, о муже, который не смог пережить эту трагедию и нашел утешение в объятиях молодой любовницы, о руинах, на которых пришлось строить новую жизнь.

– Боль, она как сорняк, – говорила Галина Сергеевна, вы-

дергивая траву из клумбы. – Если не вырвать с корнем, задушит всё живое. Нужно взять себя в руки, Танечка. Как бы кощунственно это ни звучало, твоя жизнь продолжается...

Галину Сергеевну беспокоило душевное состояние Татьяны Веселовой. От наблюдательной женщины невозможно было бесконечно скрывать жутковатые изменения, как бы Татьяна ни старалась. Все началось незаметно, как тонкая трещина в стекле, которая сначала кажется незначительной, но постепенно расплзается, угрожая целостности. Татьяна стала вести себя, мягко говоря, странно. Галине Сергеевне она заявила, что взяла на работе отпуск без содержания. Недельки на две не больше, чтобы привести мысли и чувства в порядок. При этом её действия шли в разрез с намеченными планами. Днём, когда солнце припекало, Татьяна выходила на свой приусадебный участок. И тут начиналось настоящее представление. Вдруг, ни с того ни с сего, она принималась беседовать сама с собой, но то были не тихие размышления, а настоящие, яростные дискуссии. Воображаемые собеседники были, судя по всему, весьма неприятными личностями. Татьяна кричала, обвиняла, парировала, голос её звенел от злобы и агрессии. Она размахивала руками, будто отгоняла тучу комаров, внезапно налетевших с близлежащего болота. Со стороны её движения казались резкими, угловатыми, скованными, как будто ей самой было некомфортно находиться в собственном теле. Особенно тревожным было поведение Татьяны по ночам. В безлунной

тишине через открытое окно до уха Галины Сергеевны доносилось громкое, нервное, почти истерическое гоготание, которое прорывалось сквозь сумрак ночи.

На следующий день, встретив Татьяну в местном продовольственном магазинчике, Галина Сергеевна сказала:

— Танечка, у меня кошки скребут на душе. Ты бы показала врачу! Ну неладное с тобой творится! Ты погляди на себя! Исхудала вся как есть, лицо серое! Врачи не враги, они помогут!

Татьяна, услышав эти слова, лишь презрительно усмехнулась.

— Галина Сергеевна, и вам не советы давать! У меня-то всё под контролем! — не дожидаясь ответа, она быстро направилась к выходу из магазина, слегка хромя на правую ногу.

Соседка тяжело вздохнула. Пусть Татьяна и была упрямой, но всё же в её душе тлела почти безликая надежда, что со временем та поймет, что забота о её несчастной судьбе исходит из благих побуждений. Женщина беспрекословно верила в силу заботы. Тёплое слово и поддержка способны растопить любой лед, даже тот, что сковал самое чёрствое сердце. Это утверждение, безусловно, верно, когда речь идет о психически здоровых людях, способных к эмпатии и открытых к помощи. Но в случае с Татьяной Веселовой, эта простая истина оказалась недостаточной.

В какой-то момент Галина Сергеевна перестала быть ав-

торитетом для Татьяны. Хорошая соседка не была посвящена во все хитросплетения жизни Татьяны. Та, в свою очередь, не искала того, кто бы мог реально ей помочь. Преисполненная уверенности, которая зарождается у людей, неадекватно оценивающих существующую грядущие перспективы, она искренне полагала, что всецело контролирует свою жизнь. Но Татьяна была одна с тех самых пор, как попала в детский дом. Ей никто никогда не говорил, почему она, собственно, оказалась в этом учреждении. Какова была её жизнь до детского дома. Другой вопрос, хотела ли Татьяна действительно знать, что произошло на самом деле. Сама Татьяна была склонна дать отрицательный ответ. Жизненные обстоятельства вылепили из неё довольно странного человека с искажённым мировоззрением: её уверенность граничила с безумным упрямством, а самодостаточность разбивалась стеной холода и недопонимания со стороны других людей. Но быть честной с собой Татьяна никогда и не пыталась. Ей попросту никто не объяснил, зачем это делать. Добро, в её понимании, было слабостью. Уступчивость – поражением. А искренность – наивностью, которая неизбежно приведет к разочарованию. Её нездоровая система ценностей строилась на иных, более прочных, как ей казалось, основаниях: на борьбе. Бессмысленной, изматывающей борьбе за что-то неуловимое, за некий идеал, образ которого она и сама толком не могла сформулировать.

Сложно выстраивать свою жизнь на противоречиях. Бес-

конечная борьба всё же сломала её, однако поражение не было столь внезапным. Крах иллюзий был медленным, как ползучий яд, проникающий в самые глубины её существа. Если бы хватило сил пройти через боль осознанно, не убегая от неё, для Татьяны это бы стало своего рода инициацией во взрослость и мудрость. Разрушение красивой хрупкой сказки развернуло бы компас её жизни в сторону подлинности. Того и гляди, она бы научилась адаптироваться и принимать мир во всей его полноте — с добром и злом, красотой и несовершенством. Но вместо этого несчастная женщина оказалась на том краю пропасти. Пропасти, где бесполезно что-либо строить. Любая попытка возвести хоть что-то, рушилась на глазах как карточный домик, подхваченный внезапным порывом ветра.

Татьяна недолго обдумывала финал эпопеи под названием жизни. Воображение рисовало всё эффектно, и она действительно считала, что таким образом она запомнится людям надолго. Тем людям, которые не проявляли особого интереса к её существованию, она оставит после себя воспоминание с содроганием. Да, таким будет её конец. Канистру с горючим топливом раздобыть не так уж и сложно. За две недели до того памятного дня Татьяна буквально выпросила несколько литров бензина у своего давнего знакомого Виктора. Пообещала, что вернёт. Непременно. А Виктор и не очень-то хотел знать, для чего одинокой Татьяне понадобился бензин. Ему и в голову не приходило, что эта особа может

затеять грандиозное шоу на виду у всех соседей. Вот только публике выступление Татьяны было не нужно. В тот летний день все были заняты своими делами. В конце концов, день представления даже не выпадал на выходные. Солнце припекало, воздух был наполнен ароматом цветущих лип, но Татьяне было плевать на это благоухание. И на жаркое летнее солнце, и на воздушные облака, плывущие по синему небу. Ей было важно собрать как можно больше зрителей. У нас зрители практически не было...

Перед тем, как выйти на улицу, Татьяна выглянула в окно. Возле её дома играли две сестрички: Лика и Ника. Так, кажется, их звали. Милые, безобидные девчурки, с одинаковыми туго заплетенными светлыми косичками, и одинаковыми, звонкими голосами. Они смеялись, гоняясь друг за другом по залитой солнцем лужайке, их радость была такой заразительной, что на мгновение Татьяна забыла о своем "плане".

Эх, Татьяна так хотела, чтобы у неё была сестра-близнец. Тогда бы не было этого всепоглощающего одиночества, потому что ее сестра была бы рядом. Всегда. В моменты радости и печали, в минуты сомнений и триумфа. Веселова в своём воображении рисовала картины отдельной реальности, где близкий человек поддерживал и радовался её успехам...

Татьяна вздохнула. Ее сестра-близнец, её идеальный компаньон, существовала только в мечтах. А реальность была та-

кова: пустой зал, тишина, и только эхо собственного голоса, которое, казалось, отражалось от стен, не находя отклика. А ещё была она. Тень, возникающая из прошлого. Тень, которая угнетала сознание и отравляла будущее. Безобразная фантомная тень. Как же хотелось от неё избавиться! Перестать слышать её дерзкие упрёки, глупые порицания и бесконечные обвинения, но тень не желала исчезать. Она жила где-то в извилинах мозга, в складках мозга, в тех темных уголках, куда Татьяна боялась заглядывать. Стоило лишь на миг ослабить хватку, как строгая тишина наполнялась не эхом, а шипением.

«Посмотри на себя! Ты одна. Кто захочет быть с тобой, когда ты сама себе противна?»

Татьяна зажимала уши ладонями, но голос звучал прямо в висках, пульсируя горячей волной стыда. Она пыталась убедить себя, что это всего лишь иллюзия, игра воображения, но игнорировать присутствие этой призрачной распутницы в ее жизни было практически невозможно. Да и сил на борьбу совсем не осталось. Этот безрадостный спектакль пора заканчивать.

И тут Татьяну посетила внезапная мысль: а что если Лика и Ника станут её зрителями? Что если они по достоинству оценят этот фееричное шоу? Что ж, довольно-таки неплохая идея. В одном Татьяна была точно уверена: подобного девочки нигде больше не увидят. Это эксклюзив! Сенсационная бомба! А эти сестры окажутся в первых рядах! Ну разве не

счастливицы!

Татьяна буквально преисполнилась решимости.

- Сейчас или никогда!- торжественно произнесла она.

Привычный мир уже утратил былые очертания. Предметы буквально плыли перед глазами в бесконечном мутном потоке. Стены комнаты, сжимались и расширялись, словно дышащие существа, а мебель искажалась, превращаясь в причудливых нелепых монстров. Фоновый шум становился всё более навязчивым. Он начинался с тихого гула, похожего на отдаленный рокот громяхющие по сельской дороге машины, но постепенно нарастал, превращаясь в какофонию звуков: скрип, скрежет, шепот, смех, плач – всё смешивалось в единый, невыносимый поток. Этот шум уводил фокус внимания с задуманного и вытаскивал Татьяну из её попыток сосредоточиться, погружая в бесконечный хаос. Изо всех сил она пыталась ухватиться за мысль, за цель, но та ускользала в водовороте безумия. Необходимо было максимально сосредоточиться.

- Так, канистра с бензином! – Татьяна дала себе напоследок чёткую инструкцию, цепляясь за эту единственную мысль. Её взгляд метался по комнате, пытаясь найти хоть что-то знакомое, хоть что-то, что могло бы послужить якорем в бушующем океане ярого помешательства.

- Вот же она! – вырвалось у неё, когда взгляд остановился на тусклом пятне у стены. Это была она, канистра. Тяжёлая, металлическая, с характерной формой.

- Ах, Танечка! – прошептала она, обращаясь к себе, словно к другому человеку. Голос звучал чуждо, приглушённо. - Ты же понимаешь, что действовать нужно быстро! Иначе интрига исчезнет! А ведь мы не хотим, чтобы напоследок нам бросили обвинение в плохо отрепетированном представлении?

Вопрос был абсурдным, но в этом вопросе была какая-то отчаянная мольба. Она чувствовала, что находится на грани чего-то, но не могла понять, чего именно. Это была жизнь или симуляция? Да, пожалуй, симуляция, в которую она сама себя привела за руку. Безумие почти всегда нарастает постепенно. Крадётся, как хищный зверь из своего укрытия, а затем резко нападает. И всё вокруг становится бессмысленным. Вот оно - искажение реальности, когда привычные законы перестают действовать, а мир вокруг начинает играть по своим, неведомым правилам. Это как если бы кто-то взял знакомую мелодию и начал играть ее задом наперед, с диссонансами и неожиданными паузами.

Татьяна вдруг подумала, что её безумие – это крайняя форма свободы. Свободы от оков здравого смысла, от давления общества, от страха перед осуждением. Всю свою сознательную жизнь Татьяна была заложницей собственного выбора. Не того, что представал перед ней в моменты просветления или радости, а того, что был продиктован страхом, неуверенностью. Она выбрала не ту профессию, которая зажгла бы огонь в её глазах, а ту, что казалась "правильной".

Она выбрала не того мужчину, который вызвал бы трепет в сердце, а того, кто даже не предложил стабильности. И только сейчас Татьяна осознала, что всю жизнь она делала неверный выбор. Больше выбора не будет. Это колоссальная степень свободы! Не нужно будет выбирать между тем, что хочется, и тем, что нужно. Не нужно будет выбирать между собой и другими. Не нужно будет выбирать между жизнью и существованием. Свобода - вот её выбор! Свобода от страха, свобода от ожиданий, свобода от самой себя.

Поджав губы, Веселова схватила тяжёлую канистру с бензином. Холодный металл неприятно давил на ладонь, но сейчас это было неважно. Главное – действовать. Она вышла из дома, стараясь ступать как можно тише. Рядом с её палисадником весело щебетали сестрички Лика и Ника. Заметив Татьяну, они приутихли. Их большие, любопытные глаза, обычно полные озорства, теперь внимательно следили за большим блестящим предметом в руках соседки.

Татьяна поставила канистру на землю, чувствуя, как дрожат её пальцы. Она быстро огляделась. Девочки стояли неподвижно, их взгляды были прикованы к ней. Медлить нельзя. Эти милые финтиклюшки, как она их про себя называла, обладали удивительной способностью замечать малейшие отклонения от привычного порядка вещей. Чего доброго, еще и взрослых позовут! И тогда весь её гениальный план, взрощенный в тайне, пойдет коту под хвост. Она быстро скрылась за общипанным кустом сирени, стараясь не привлекать

к себе лишнего внимания. Татьяна слышала приглушенные шепотки девочек. Сердце неистово скакало в грудной клетке. Чего же она медлит? Этот бензин – ключ к её свободе, к избавлению от надоевшей рутины, к осуществлению давней "мечты". И никто ей не должен помешать. Татьяна глубоко вдохнула, пытаясь успокоить нервы. С этого мгновения за каждым её шагом будут наблюдать. Но она была готова. Ведь на кону стояла её свобода.

Никогда прежде Татьяна не чувствовала такой согласованности в мыслях и движениях. Со стороны могло показаться, что она марионетка в руках невидимого колдуна, чью изощрённую магию мы наблюдаем в действии. Но, увы, никакой магии не было! Была лишь холодная, отчаянная решимость, выкованная в горниле безысходности. Она грациозно выплыла из-за куста сирени и устремилась к канистре с бензином. Далее молниеносно отвинтила крышку. Увесистая канистра резко взмыла над головой, вылив содержимое на тонкие, безжизненные волосы. Едкий, резкий запах ударил в ноздри, но Татьяна не дрогнула. Она чувствовала, как липкая жидкость стекает по лицу, обжигая кожу, но это было ничто по сравнению с тем огнём, что горел внутри. Затем рука нырнула в карман выдавшего вида платья. Похолодевшие от страха пальцы нащупали пачку спичек, заготовленную заранее. Она знала, что это будет единственным шансом. Единственным способом стереть всё, что осталось от прошлой жизни, от боли, от унижения. Ещё пара несложных движе-

ний. Она вытащила спичку, почувствовав её шершавую поверхность под подушечками пальцев. Хорошо, что она руки не испачкала в бензине и не намочила коробок: первая же зажжённая спичка вспыхнула ярким, неистовым пламенем. Огонь жадно лизнул её волосы, и Татьяна закрыла глаза. В этот момент она не была марионеткой. Она была стихией - огнём, который сам выбирает, что сжечь дотла, а что оставить пеплом. И в этом пламени, в этом очищающем жаре, она наконец-то обрела ту самую, пугающую и завораживающую гармонию души и тела. Последнее, что она видела - искажённое от ужаса лицо светловолосой девочки. Бледное личико, словно вылепленное из воска, застыло перед глазами Татьяны. Розовые створки губ, дрожащие и влажные, смыкались и размыкались в беззвучном, но отчаянном крике. Этот крик рвался наружу, неся в себе всю боль мира. Татьяна смотрела в эти огромные, бездонные синие глаза, в которых отражалась вся суть страдания. Больше ничего не существовало. Мир сузился до этого прелестного личика, до этого полного ужаса взгляда, до этого крика.

Внезапно, словно от удара молнии, что-то внутри Татьяны взорвалось. Её карта памяти, хранилище всех воспоминаний, всех чувств, всех переживаний, рассыпалась на мельчайшие, невидимые глазу частицы. Предсмертная агония, охватившая её, обнажила всю темноту, что таилась в глубинах души. Все страхи, все обиды, вся боль, которую она когда-либо испытывала, вырвались наружу, смешиваясь с бо-

лью другого существа. Но в тот момент Татьяне было уже абсолютно всё равно. Она чувствовала, как её собственное существование растворяется, как границы между ней и тем страдающим личиком стираются. С невообразимой мукой, смешанной с каким-то странным, извращенным упоением, она ждала того мига, когда солнце навсегда погаснет для неё. Когда этот мир, наконец, оставит её в покое. Когда её жизнь превратится в пепел, развеянный ветром забвения.

Она ушла, зародив зерно кошмара в сознании двух маленьких девочек. И остались они на этой грешной земле наедине с собственной обречённостью, от которой практически невозможно избавиться.

- Зато представление удалось! – это последнее, о чём успела подумать Татьяна перед тем, как тьма не накрыла её бархатным чёрным покрывалом.

Глава 4.

Алексей и Саша сидели друг напротив друга за небольшим столиком в стеклянной панораме кафе, примыкающего к выходу из метро. За окном мелькали фигуры людей, облачённые в пёстрые летние одежды. Летний зной и не думал сбавлять обороты. Горячий воздух струился над землёй, искажая очертания отдалённых объектов, превращая асфальт в колышущееся водное зеркало. Казалось, что мир выцвел за стеклянной панорамой, утопая в едком свете рассерженного светила, оставив лишь выбеленные, размытые тона. Чувство

голода не терзало молодых людей. Об этом свидетельствовали абсолютно нетронутые песочные пирожные, аккуратно приземлившиеся на изящные блюда. Алексей смотрел куда-то вдаль, на его лице застыло выражение глубокой задумчивости. Свой кофе он выпил. Саша, опустив глаза вниз, медленно вращала почти пустую, наблюдая чашку, как по стенкам стекает полупрозрачная молочная пенка.

Всего час назад они вышли из кабинета доктора Макарова, и с ними вышла она — тень Татьяны Веселовой, молчаливый третий собеседник. Цепко ухватившись за их сочувствие, призрачное подобие покойной несчастной женщины побрело за ними вдоль по бульвару, зачем свернуло на более оживлённую улицу и, в конце концов, петляя между прохожими, добралось вместе с ними до кафе у метро. Привычный мир для двух молодых людей, потрясённых историй женщины, утратил привычные очертания, он растворился, наткнувшись на другую, трагичную реальность. И всё же, чисто гипотетически Саша даже не могла предположить, что бы, в конце концов, стало с ней, проживи она такую жизнь? Ее собственная судьба, хоть и не была безоблачной, казалась ей сейчас такой хрупкой и драгоценной. Взялась бы она за канистру бензина? Эта мысль вызвала у неё дрожь. Или же отправилась бы к озеру, чтобы там прервать все свои земные мучения? Саша не знала.

- Ты как? – наконец, тихо спросил Алексей, его голос был хриплым от долгого молчания.

Саша подняла на него глаза. В его взгляде читалось то же смятение, та же боль.

- Я... я не знаю, Леш, – призналась она. – Мне так жаль Веселову. Так жаль, что я даже не могу представить, как это – пройти через все это и... Она не закончила.

- Я тоже, – кивнул Алексей. – Но больше мне жаль девочек. Ведь эта травма будет преследовать их до конца дней. Знаешь, что меня больше всего поражает? Не сама трагедия, а то, как она была... predetermined. Как будто все шло к этому, шаг за шагом.

- Предetermined? – переспросила Саша. – Но ведь у неё были шансы. Были люди, которые пытались ей помочь. Взять ту же соседку. Не думаю, что ей было всё равно.

- Да, в этом есть доля правды. Но соседка Веселовой не могла в полной мере взять ответственность за её жизнь. Это невозможно. Тем более, что Татьяна была человеком взрослым. А вот вина Татьяны перед двумя несовершеннолетними детьми вполне очевидна.

Саша кивнула, чувствуя, как в её голове начинает выстраиваться какая-то логика.

- Ты считаешь, что они на самом деле видели привидение?

- Нет, - отрицательно покачал головой Лёша. – Приведений не существует. Это галлюцинация, обман зрения.

- Твоя категоричность вводит меня в ступор! Но ведь доктор Макаров сказал, что девочки проходили проверку на полиграфе. И полиграф показал, что они не врут.

- Полиграф можно обмануть! – тихо произнес Лёша. Однако, в его голосе проскользнула неуверенность. – Это не так просто, но вполне возможно. Я встречался с детективом, который проводил проверку. Видел контрольные вопросы. Он и сам верит в привидений. Конечно, свой эксперимент он выстроит так, чтобы лишний раз доказать правоту своих убеждений.

- Ты на полном серьёзе полагаешь, что две семнадцатилетние девочки такие асы в психологии, что могли обвести вокруг пальца опытного следователя?

- Могли. Если они искренне верят в то, что говорят. Мозг можно убедить в чём угодно.

- Убедить мозг? А ведь раньше ты рассуждал иначе!

- С тех пор многое что изменилось! Раньше мистика увлекала меня, сейчас по большей части веселит.

- А как же древние традиции, ритуалы?

- Культурное наследие народов мира!

- Колдуны и ведьмы?

- Мне точно нужно выражать своё мнение? Ведь я могу задать твои чувства! – Алексей игриво улыбнулся.

- Поверь, я далеко не неженка! Уж бросаться на тебя с кулаками, отстаивая свою точку зрения, точно не буду!

- Что для тебя магия? Я имею в виду, что ты подразумеваешь под этим понятием? – он аккуратно сложил руки в замок перед собой и внимательно посмотрел на Сашу. Та, недолго думая, выпалила:

- Магия – это способность видеть то, что скрыто от глаз не посвящённых.

Алексей тихо рассмеялся.

- Держу пари, ты выудила эту цитату из сборника романтического фэнтэзи!

- Это не из книги! – возразила Александра. – Это моя собственная интерпретация этого понятия. А какое значение ты вкладываешь в это слово?

- Магия – это не волшебная палочка, исполняющая желания. Это реальная система знаний, позволяющая менять жизнь. И изменения эти происходят вне зависимости от того, чего хочет человек. Таков закон.

Саша растерянно захлопала ресницами.

- «Магия — это Хаос, Искусство и Наука. Она — проклятие, благословение и прогресс. Всё зависит от того, кто, как и с какой целью пользуется магией. А магия — всюду. Всюду вокруг нас. Легкодоступная. Достаточно протянуть руку!» — это цитата Йеннифэр из Венгерберга. Ведь ты же Ведьмака читала?

- Читала!

- Я, в общем-то, согласен с утверждением Йеннифер, но больше склоняюсь к первому определению. Любая дисциплина – это система знаний, которые человек может использовать в жизни. Может ли человек реально творить чудеса? Мой ответ – да. Но это не те чудеса, которые описаны в фэнтезийных мирах.

- Не совсем понимаю, куда ты клонишь! – честно призналась Рябова.

- Я поясню! – поспешил с ответом Алексей. – Кого ты сочтёшь более крутым магом: нейрохирурга, проводящие сложнейшей операции или авантюриста, ловко манипулирующего с сознанием людей, вменяя им комплексы и чувство неполноценности?

- Конечно же, хирурга! – без сомнения в голосе произнесла Саша.

- А почему?

- Во-первых, у него есть образование!

- Так, это уже плюс! – похвалил её Алексей.

- Во-вторых, он опирается на опыт и эксперименты исследователей с доказательной базой.

- Всё верно! Наука тем и хороша, что имеет под собой доказательную базу. В мире, где всё разобрано до молекул и атомов, важно ссылаться на достоверные факты. Без этого не было бы прогресса. А магия? Что это такое? Да, это тоже система древних знаний, но насколько эта система выверена? Ты можешь мне дать чёткий ответ на этот вопрос?

- Нет, конечно! Я же не философ! Но весь в определённых случаях магия работает! Определённые действия дают результат! Неужели ты считаешь, что это просто совпадения?

- А почему бы и нет? То, что рядовой человек считает магией, это, скорее всего, суеверия, народные поверья, основанные на непонимании природных явлений. Или, в лучшем

случае, ловкость рук и психологические трюки.

- Но ты буквально минуту назад говорил, что магия – это система знаний! – Саша кокетливо придвинула к себе блюда с пирожным и изящным движением руки взялась за ложечку. Затем пристально посмотрела в зелёные глаза Алексея.

- Да, это тоже система. Но насколько эта система выверена? Где её доказательная база? Где повторяемость экспериментов? Если я скажу, что при добавлении одного реагента к другому произойдет взрыв, я могу это доказать. Я могу показать тебе механизм реакции, рассчитать энергию. А если маг скажет, что произнеся определенные слова, он заставит дождь пойти? Как в это проверить? Как это объяснить с точки зрения физики или химии?

- Как же так! Помню твои рассуждения по поводу энергии. Мол, она пронизывает каждый уголок нашей Вселенной и связывает нас друг с другом? Я согласна, что наука дает нам карту мира, показывает, как устроены горы, реки, континенты. Но эзотерика помогает нам понять, почему мы хотим путешествовать, куда ведет нас наша душа, и какой смысл мы находим в этом путешествии... Разве это не так?

- Саша, я не говорю, это не так. Пойми, наука и эзотерика это две разные картины мира. Они предлагают совершенно не схожие, но взаимодополняющие пути к познанию. Я перепробовал все: медитации, аффирмации, чтение древних трактатов. Что-то помогало на короткое время, но фун-

даментального понимания не приходило. Я чувствовал себя слепым котенком в поисках матери. И вот, в какой-то момент, словно молния ударила, меня осенило. Я понял, что все мои поиски были направлены не туда. Я искал ответы в туманных областях, где царит субъективность и личные интерпретации. А ведь существует другой путь – путь науки. Сначала это казалось мне кощунством. Как можно измерить любовь? Как можно разложить на атомы сочувствие? Но чем больше я погружался в нейробиологию, когнитивную психологию и поведенческую экономику, тем больше понимал, что наука не пытается обесценить человеческие чувства, а наоборот, стремится их понять. Постепенно, пазл начал складываться. Я узнал о нейронных сетях, отвечающих за эмпатию, о гормонах, регулирующих настроение, о когнитивных искажениях, влияющих на принятие решений и понял, что многие проблемы, которые казались мне неразрешимыми, имеют вполне объяснимые причины, корнящиеся в биологии и психологии человека.

- Но твои предыдущие убеждения? Неужели ты от них всецело откажешься? Таким образом, ты просто обесцениваешь свой предыдущий опыт!

Саша выглядела очень расстроенной и немного потерянной. От чего – то она надула губы, как обиженный ребёнок, и принялась яростно поедать пирожное. Отчасти она понимала, буквально за пару минут разговора в её голове полностью разрушился образ давнего знакомого, которого, как она сама

думала, хорошо знала. От Алексея нельзя было скрыть это смятение. За последние несколько лет он не раз наблюдал подобное состояние со стороны, когда озвучивал свою точку зрения, повергая некоторых в шок. Но таков был его путь и с этого пути он не хотел сворачивать. Алексей понимал, что это просто первичная реакция. Скоро эта реакция пройдет. Саша – женщина не глупая, ей вовсе не чужда адекватность и критическое мышление. По крайней мере, он надеялся, что она его поймёт.

Мягко и деликатно Алексей произнес:

- Нет, я не обесцениваю свой предыдущий опыт. Ни в каком случае. Это часть моего пути. Я не утверждаю, что не существует Творца или всего того, о чём говорит эзотерика. Но применить эти знания на практике так, чтобы они давали прогнозируемый 100% результат, никто не может. Ни один эзотерик. И я не мог.

Саша медленно перевела взгляд на Лёшу. Их глаза встретились. Алексей столь раз смотрел в эти стальные серые глаза, которые в разное время суток казались то светло-голубыми, то зелёными. И какие бы события не происходили, в этих глазах всегда плясал огонёк надежды. Этот огонёк восхищал, вдохновлял и призывал к действию. Алексей осторожно протянул руку вперёд и тихонько коснулся своими пальцами тонкие изящных пальчиков Саши.

- Эта трансформация случилась не в одночасье. На переосмысление ушли годы, но результат того стоил. Например,

я долгое время не мог понять, почему так сложно изменить вредные привычки. Но, изучив нейропластичность мозга, я узнал, что привычки – это устойчивые нейронные связи, которые формируются в результате повторения. И чтобы изменить привычку, нужно не просто захотеть, а целенаправленно перестраивать эти нейронные связи, заменяя старые на новые. Наука не дала мне мгновенного просветления, но предоставила инструменты для понимания себя и окружающих, критически мыслить, анализировать информацию и принимать решения, основанные на фактах, а не на эмоциях. Я перестал искать ответы в абстрактных теориях и начал искать их в научных исследованиях. Я понял, что для глубокого понимания человеческой природы и решения многих проблем необходимо обратиться к научным методам. Наука помогает объяснить многие процессы, происходящие в нашем теле и разуме, и найти практические решения для улучшения качества жизни. Теперь, когда я смотрю на мир, я вижу не только хаос и неразбериху, но и сложные, но понятные механизмы, управляющие человеческим поведением. И это знание дает мне надежду на то, что мы можем не только понять себя, но и построить более гармоничное и счастливое общество. И я знаю, что этот путь только начинается.

- Я рада, что у тебя новое мировоззрение. Просто пока это не вяжется с прежним образом! – Саша вновь опустила глаза. Алексей продолжал аккуратно придерживать её за указательный пальчик, как будто боялся, что она ненароком могла

ускользнуть от него. – Но как это поможет нам в этом деле?

- Есть много разных методов. Мистика объясняет все слишком легко. Она не требует доказательств, не задает вопросов. Наука же, напротив, требует доказательств, подвергает сомнению все увиденное и услышанное. И именно в этом ее сила. Именно благодаря науке мы можем понимать мир вокруг нас, даже если он кажется нам полным тайн и загадок.

- Это всё прекрасно! Но ведь девочки одновременно видели призрака. И проверка на полиграфе это подтверждает! Какое объяснение ты находишь этому явлению?

- Знаешь, чтобы увидеть призрака, большой силы воли не требуются. Мне знакомо это ощущение присутствия посторонней сущности. Оно может быть вызвано инфразвуком — низкочастотным звуком, который не воспринимается человеческим ухом. Вибрации инфразвука влияют на глазные яблоки, заставляя человека видеть размытые изображения, которых на самом деле не существует. Об этом ведь и доктор Макаров говорил девочкам. И потом, я имел честь лично побеседовать с детективом, который проводил проверку на полиграфе. Он заикнулся о мистике и потустороннем. Кстати говоря, я не хило так с ним сцепился на этой почве. Но переубедить его всё же не удалось.

На мгновение Саша задумалась.

- Ты хочешь сказать, что это галлюцинация?

Алексей согласно кивнул.

- Но не обе видели одно и то же? Разве это возможно, чтобы два разных человека видели одни и те же галлюцинации?

- Не забывай, что у них травма в связи с тем, что они пережили в раннем детстве. Подобное просто так не проходит и всегда оставляет шрамы на психике. Посттравматический галлюцинации могут сохраняться очень долго, особенно если возникает какой-то триггер. Видимо, что-то спровоцировало эти галлюцинации.

- У обеих девочек одновременно?

- Здесь у меня есть некоторые сомнения. Я читал, что при возникновении массовых галлюцинаций ключевым фактором является сила внушения. Всем давно известно, что человек очень восприимчив к чужому влиянию, особенно в группе. В данном случае мы видим очень тесную связь между двумя сёстрами. Ещё мы должны принять понимание тот факт, что они монозиготные близнецы. Говорят, что психическая и ментальная связь между такими людьми чрезвычайно сильная. Ещё одним научным объяснением массовых галлюцинаций является феномен «коллективного навязчивого поведения». Коллективная одержимость может вызвать повышенное состояние внушаемости, что приводит к общему галлюцинаторному опыту. Другим фактором, способствующим возникновению массовых галлюцинаций, является сила ожидания. Когда люди ожидают или настроены на переживание чего-то необычного или сверхъестественного, их сознание становится очень восприимчивым к внуше-

ниям. Это явление известно как «эффект ноцебо», негативный аналог хорошо известного эффекта плацебо. Например, если группа людей твердо верит в существование привидений, то повышенные ожидания могут привести к тому, что они будут интерпретировать неоднозначные сенсорные сигналы как свидетельства паранормальной активности. Кроме того, определенную роль в возникновении массовых галлюцинаций могут играть экологические и физиологические факторы.

- Господь всемогущий, как всё это запоминаешь? – Саша растерянно улыбнулась.

- Я тренируюсь! – рассмеялся в ответ Алексей. Внезапно он осознал, что легонько поглаживает указательный пальчик Саши. Какая в этом была необходимость? Что за странный причудливый импульс? Откуда он шёл: из головы или из сердца? В последнее время Алексей не был приверженцем сентиментальных настроений, но в данный момент что-то подталкивала его к этому незначительному, как ему казалось, действию. Саша не обращала внимания на его руки. Видимо переваривала то количество информации, которое Лёша вывалил на неё. Едва ощутимый укол совести. Сегодня Алексей не намеревался демонстрировать свои интеллектуальные познания в области сверхъестественного, но так вышло. А может быть это и к лучшему? По крайней мере, он был абсолютно откровенен с ней по части своих убеждений.

Неловкая пауза повисла в воздухе. Эта пауза грозила пе-

рейти сосредоточенное молчание, где каждый бы размышлял о своём. Но нужно было прийти к какому-то заключению. Или подкинуть в топку теоретических воззрений новые гипотезы. Алексей нехотя убрал свою руку от руки Рябовой и тихо произнес, стараюсь подбирать каждое слово и каждую фразу:

- Существует такое понятие как фантомные воспоминания или, как их ещё называют, ложные воспоминания. Человек может рассказывать одну и ту же историю спустя длительные промежутки времени. Очень внимательному наблюдающему, обычно лицу не заинтересованному, можно заметить, как в ней появляются новые детали и факты, а какие-то моменты искажаются или стираются из памяти. Место реальных воспоминаний занимают ложные. Накапливаясь, они могут оказывать влияние на поведение человека, эмоциональное состояние и восприятие реальности в целом. Думается мне, что этот вариант тоже не стоит отметить.

Саша растерянно уставилась на увядающий цветочек в стаканчике с водой, который стоял на их столике. По-хорошему этот цветочек давно пора выбросить или, по крайней мере, заменить водичку в стаканчике. Может быть, и ей стоило поменять свои убеждения. Но как трудно было это сделать одновременно после стольких лет вероятных заблуждений.

- Воспоминания девочек отнюдь не идентичны. Их показания, пусть незначительно, но все же расходятся. Как бы

похожи они не были, у них разные «нейрофизиологические» приёмники, разная химия. Я не верю, что они обе видели одно и то же. Да и призрака они очень странно описали.

- Я пишу книги про призраков. На моих презентациях всегда полный зал. Читатели наперебой задают вопросы. А я вроде бы как эксперт, который точно знает, что сверхъестественное живёт где-то рядом с нами. И они мне верят. Ведь мои истории кажутся правдивыми...

Алексей вновь осторожно взял Рябову за руку. Она даже не вздрогнула и лишь медленно перевела взгляд с окна на Лёшу. Несколько секунд они молча всматривались друг друга, пытаясь разглядеть те, доселе незнакомые грани. Они прятались за внешней устоявшейся оболочкой, такой знакомой и привычной.

- Люди меняются. В этом нет ничего необычного, - Смолков первым прервал молчание. – Было бы странно, если бы всю жизнь мы придерживались одних и тех же убеждений. Иногда просыпаться больно, особенно, когда понимаешь, что всё это время пребывал в иллюзиях. Но наша реальность – это единственное, что существует. И что имеет ценность и значимость. Мне одновременно нравится и не нравится эта история с сёстрами Орловыми. Здесь определённо что-то не так. Пока слишком мало исходных данных, чтобы делать достоверные выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.